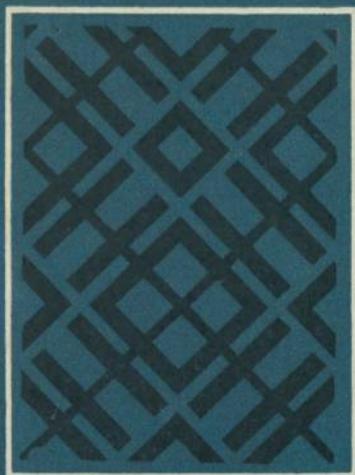


Л. Н. Жеребцов

ХОЗЯЙСТВО,
КУЛЬТУРА И БЫТ
УДОРСКИХ КОМИ

в XVIII - начале XX в.



Л. Н. Жеребцов

ХОЗЯЙСТВО,
КУЛЬТУРА И БЫТ
УДОРСКИХ КОМИ

в XVIII - начале XX в.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

Книга посвящена истории заселения Удорского края, составу древнего населения, формированию этнического состава современных обитателей этого края, а также контактам удорцев с соседним русским и ненецким населением. Детально исследованы крестьянское хозяйство, в частности формы и техника земледелия и скотоводства, местные промыслы, их особенности, а также общественный строй и быт, семейные отношения, обряды, обычаи и религиозные верования удорцев.

Большое место уделено анализу материальной культуры, типам поселений, их планировке, жилым и хозяйственным постройкам, народной одежде, прикладному искусству, пище, утвари и т. д.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Н. БЕЛИЦЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа представляет собой историко-этнографический очерк населения современного Удорского района Коми АССР. В ней освещаются этническая история и культурно-бытовая специфика удорцев.

Удорский район занимает крайне западное положение в республике. Если вся остальная ее территория расположена в бассейнах Печоры и Вычегды, то этот район — в верховьях Мезени и ее притока Вашки. В отдельный район он был выделен в 1936 г. На 1 января 1967 г. в нем имелось 11 сельсоветов, включающих свыше 70 сел и деревень и 10 рабочих поселков. Подавляющее большинство населения — коми, говорящие на особом диалекте общего национального языка коми, который входит в пермскую группу финно-угорской семьи языков. Этот диалект носит название удорского, а сами носители его называют себя «удорскими коми». В последние годы в связи с развитием транспорта и промышленности в районе значительно увеличилось количество приезжего инонационального населения, особенно русских. Именно из них сложились кадры рабочих на лесозаготовках, сплаве и строительстве железной дороги. Это, безусловно, способствует расширению этнических контактов местных жителей с инонациональными соседями.

За годы Советской власти в культуре и быте удорского населения произошли коренные изменения. Удорцы стали частью социалистической нации коми. Сложилась единая для всего народа национальная по форме и социалистическая по содержанию культура. Победа социалистических отношений в деревне коми ознаменовалась перестройкой на новых началах не только самого производства, но и быта, привычек и идеологии крестьянства.

Удорский район Коми АССР — один из наименее изученных в республике. Подобное положение трудно объяснить, поскольку

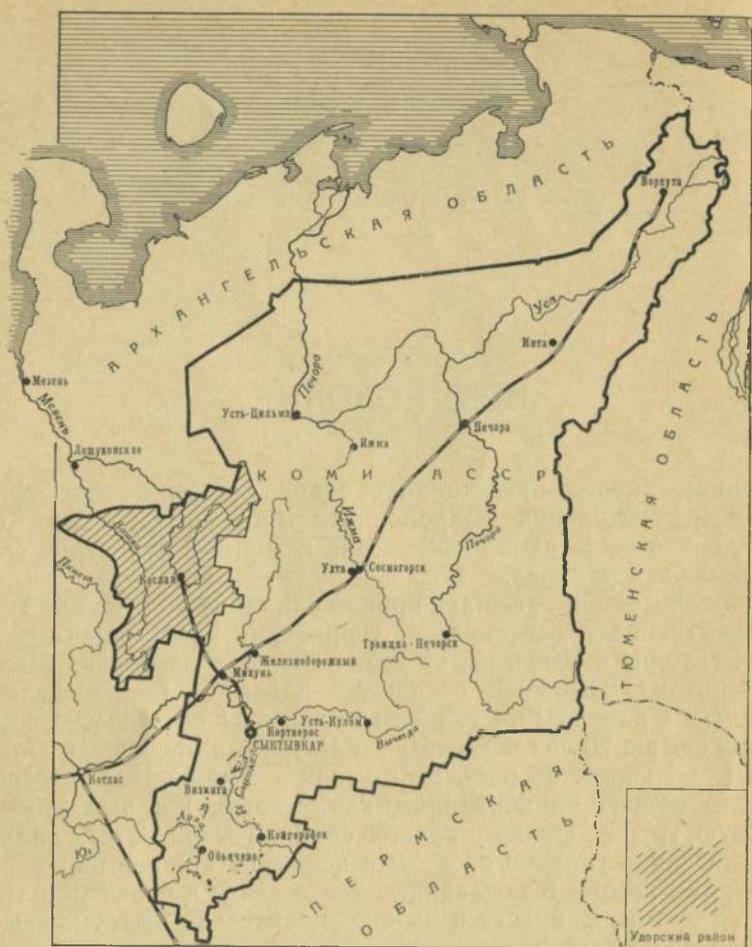


Рис. 1. Коми АССР. Район исследования заштрихован

ку исследование истории, этнографии и диалекта удорцев представляет большой интерес для науки. Длительная изоляция от остальных территорий, заселенных коми, и прочие экономические и культурные связи с жившими по соседству русскими отразились на хозяйстве и быте коренного населения и вызвали сложение местной специфики. Удорская народная культура служит ярким примером благотворного влияния русского народа. При изучении культуры и особенно диалекта удорцев можно получить весьма интересные материалы по вопросам происхождения народа коми. Данные языкознания показывают, например, вхождение в состав западных групп коми какого-то иного насе-

ления, близкого вепсскому. На это же указывает и изучение антропологического состава современного населения Коми АССР, в котором распространены типы, характерные для народов беломорско-балтийского круга. Этнографическое изучение удорского населения обнаруживает интересные материалы, подтверждающие вышеотмеченные языковые и антропологические данные.

Автор видел цель своей работы в том, чтобы поставить и, если удастся, разрешить вопросы, непосредственно связанные с этнической историей народа, например, установить время и пути заселения Удорского края, состав древнего населения, расселение удорцев и сложение этнической территории и т. д., и дать этнографическое описание этой специфической группы коми. Уделяется внимание формам и технике земледелия и скотоводства, промыслам, особенно охоте и рыболовству, а также всей совокупности материальной культуры. Приведены данные, характеризующие общественный быт крестьянства и расслоение, материалы по семейному быту (в частности, описаны народные свадебные обычаи, обычаи при переселении в новый дом) и т. д. в XVI— начале XX в.

Основные этнографические материалы, приводимые в работе, характеризуют XIX— начало XX в. Главное место в них занимают полевые сборы автора, проведенные в 1951, 1954—1956 гг. Наряду с ними широко привлекались разнообразные публикации, изданные как в дореволюционное, так и в советское время, в том числе и по смежным наукам: языкознанию, археологии, антропологии. На основе документов Центрального государственного архива древних актов и Центрального государственного архива Коми АССР исследованы основные занятия, культура и быт населения Удоры периода феодализма. Таким образом, в научный оборот вводится разнообразный новый материал.

В ходе разработки темы автор стремился учитывать все последние достижения советской исторической науки, а при анализе исторических источников строил свои заключения, исходя из положений марксизма-ленинизма. Так, при исследовании вопроса феодальной эксплуатации удорского крестьянства автор опирался на характеристику основных условий барщинной системы хозяйства, данной В. И. Лениным в его работе «Развитие капитализма в России». Автор ограничил свою работу дооктябрьским периодом, так как именно в это время возникла и сложилась этнографическая специфика удорцев.

Автор чрезвычайно признателен краеведу А. А. Попову и сотрудникам Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР за помощь, оказанную ему в процессе работы над данной монографией.

ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ

Литература по истории и этнографии Удорского края весьма немногочисленна. Мало известны сейчас документы и источники.

Из известных нам источников наиболее ранний—III Двинская грамота 1471 г.¹ В ней впервые упомянуто о присутствии коми (пермяков) на Вашке. В более древних источниках, даже в таком произведении, как «Житие Стефана Пермского»², ни Удора, ни Вашка не фигурируют. Документы XVI и особенно XVII в. значительно многочисленнее. Среди них имеется ряд крестьянских жалоб, прошений и ответов на них. Эти документы освещают важнейший вопрос истории феодального периода—вопрос о положении крестьянства в XVI—XVII вв. Здесь следует особо отметить ценность писцовых и переписных книг, составившихся в XVI—XVIII вв. К сожалению, нам известны пока весьма немногие из них. Особый интерес представляют «Согная по Глотовской слободке с писцовой книги 1585 г.» и «Писцовая книга 1608 г. по Яренскому уезду»³. Ценность писцовых и переписных книг заключается в основном в том, что в них можно почерпнуть подробные сведения о существующих поселениях и их жителях, о хозяйстве и промыслах крестьян и лежащих на них повинностях.

Значительный интерес представляют крестьянские челобитные, подававшиеся на царское имя, и ответные царские жалованные грамоты. Эти документы особенно ярко освещают тяжелую жизнь удорского крестьянства, обреченного на бедность, нищету и разорение. Весьма показательны в этом отношении указы коми крестьян в Екатерининскую законодательную комиссию, в которых они рассказывают о тяжелых условиях сво-

¹ «Акты археографической экспедиции», т. I. СПб., 1836, стр. 72.

² *Епифаний Премудрый*. Житие Стефана Пермского. СПб., 1897.

³ АВШ.

ей жизни⁴. Безусловно, упомянутыми здесь документами не ограничиваются имеющиеся источники. Многие приводятся в соответствующих местах по ходу изложения в тексте работы.

Кроме исторических источников, как опубликованных, так и неопубликованных, известный интерес для изучения культуры и быта населения представляют статьи, напечатанные в различных периодических изданиях и собраниях. Следует сразу отметить, что большинство опубликованных как в XIX, так и в XX в. статей весьма невелики и довольно поверхностны по содержанию. Только часть их представляет собой добросовестное и сравнительно детальное описание.

Статьи по Удоре помещены в основном в «Вологодских губернских ведомостях». Кое-что можно встретить и в «Вологодских епархиальных ведомостях». Единичные публикации содержатся в некоторых центральных газетах и журналах. Первой статьей, имеющей некоторое отношение к Удорскому краю, помещенной в «Вологодских губернских ведомостях» (1839, № 21), является статья «Река Вымь», автор которой полагает, что современное население Вымского бассейна пришло с Вычегды довольно поздно и вытеснило прежнее население, которое ушло на Удору. Безусловно, такая гипотеза совершенно ошибочна, так же как и утверждение автора о пребывании племени емь на Зыме до ухода его на запад. Более интересные сведения можно почерпнуть из корреспонденции И. Титова «Ярмарка на Вашке»⁵, в которой имеются данные о товарах, привозимых на ярмарку, и участниках ее. В статье «Первая поездка на Удору»⁶ можно найти сведения о местных мерах длины пути (*чомкасах*) и размерах лодок, а также о состоянии летних лесных дорог, особенно на волоке от Разгорта до Вединги, по которому проезд был возможен только в санях, поскольку телеги пройти не могли.

Незначительна по размерам статья А. Прасолова «Сенные покосы Вологодской губернии»⁷, в которой имеются данные о количестве лугов на Удоре, а также о способах заготовки и доставки сена в деревню. Описанию народной бани посвящена заметка Кочиева «Зырянские обычаи»⁸.

Несколько более подробные сведения помещены в статье П. Протопопова «Статистическое описание Яренского уезда»⁹. Автор сообщает данные о состоянии земледелия на Удоре, о появлении трехполки, о том, что занимаются земледелием в основном женщины, так как мужчины предпочитают охоту, потому что урожайные годы очень редки.

⁴ «Материалы Екатерининской законодательной комиссии», т. XI. Депутатские наказания от крестьян Архангельской губернии. СПб., 1907.

⁵ ВГВ, 1840, № 38.

⁶ ВГВ, 1847, № 41—42.

⁷ ВГВ, 1848, № 29.

⁸ ВГВ, 1848, № 49.

⁹ ВГВ, 1849, № 20—21.

Значительный интерес представляет большая статья В. Аврамова «Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт»¹⁰, содержащая подробное описание материальной культуры населения соседних с Удорским краем районов, весьма полезное при разработке вопросов истории развития культуры удорцев.

Наибольшую ценность для исследователя, изучающего культуру и быт удорских коми, представляют статьи И. Попова «Черты из быта, нравов и обычаев зырян Яренского уезда Удорского края»¹¹ и Н. Д. Волкова «Удорский край», напечатанная в «Вологодском сборнике»¹². И. Попов сообщает ряд важных сведений. Он касается состояния земледелия в крае, описывает применяемые орудия, отмечает распространенные сельскохозяйственные культуры. Значительное место автор уделяет развитию скотоводства в крае и состоянию промыслов на Удоре, подчеркивая их большое значение в хозяйстве местного населения. В статье отмечается также возникновение в крае лесозаготовок и сплава леса. Неплохо описаны отдельные элементы материальной культуры, в частности жилище, лица и напитки, одежда, причем подчеркнута ее близость к русской. Менее освещены вопросы семейного и общественного быта. Имеется указание на существование большой семьи, охарактеризованы свадебный и похоронный обряды.

Такого же типа статья Н. Д. Волкова, только она обстоятельнее и касается более разнообразных вопросов хозяйства, культуры и быта населения Удоры. В ней описывается расположение поселений в крае и пути сообщения в нем, характеризуется состояние земледелия, скотоводства и промыслов, причем автор иногда приводит данные, явно противоречащие сведениям, приведенным в статье И. Попова. Так, у первого говорится о малом развитии рыболовства на Удоре, а Н. Д. Волков, наоборот, подчеркивает широкое распространение здесь рыболовства. Особенно оттеняет автор роль охоты в крае, о которой говорит весьма подробно. Неплохо дано жилище удорцев. Однако утверждение автора о существовании на Удоре типа жилища, у которого имеется окно над печкой (*паччёр õшинь*), кажется весьма сомнительным, так как в существующих сейчас жилищах не сохранилось даже намеков на подобный тип удорского дома. Говоря об одежде удорцев, автор подчеркивает, что женский костюм коми почти не отличается от русского. Он перечисляет также распространенные виды кушаний и напитков. Быту удорского крестьянства уделено внимания очень мало. Описаны лишь свадебный обряд и верования. Несмотря на отмеченные недостатки, обе публикации являются лучшими этнографическими описаниями Удорского края во всей дореволюционной этнографической литературе.

¹⁰ ВГВ, 1859, № 28—38, 40—42, 45.

¹¹ ВГВ, 1875, № 89—91.

¹² «Вологодский сборник», т. I. Вологда, 1879.

Некоторый интерес для историка представляют заметки и отчеты, опубликованные в «Вологодских епархиальных ведомостях». Правда, число их весьма незначительно, да и содержанием в основном является сугубо церковная история, но в них всегда можно найти выписки из архивных документов. Из числа этих публикаций заслуживают упоминания статьи Н. Суворова «Троицко-крестовоздвиженская мужская пустыня, бывшая в нынешнем Яренском уезде Вологодской епархии на Удоре»¹³, «Где находилась Удора»¹⁴ и Н. Казакова «Крест на Удоре и древняя крестовоздвиженская пустыня»¹⁵. Выводы авторов этих статей в большей части ошибочны, хотя и базируются на подлинных документах. Объясняется это тем, что они строили свое исследование обычно только на анализе одного документа и поэтому фактическая база их была слишком незначительной для правильных выводов.

Кроме данных статей, можно отметить помещенные в «Вологодских епархиальных ведомостях»¹⁶ отчеты о состоянии церковно-приходских школ Вологодской епархии, поскольку в этих отчетах имеются сведения о числе школ и учащихся в них, о составе учителей и о состоянии обучения в Удорском крае. Там же в отчетах миссионеров¹⁷ имеются данные о религиозном расколе среди местного населения и числе раскольников, а также религиозном состоянии края в целом.

Несколько статей по Удорскому краю опубликованы и в других периодических изданиях. Но обычно они представляют собой или весьма краткие заметки, не имеющие особой ценности, или же освещают один какой-либо вопрос. Таковы заметки «Удорский край» в газете «Русский мир» (1876, № 1) и в «Журнале охоты» (1876, № 2), в которых указано только, какое количество белок и рябчиков добыто в крае в 1875 г. и сколько добывалось раньше.

Некоторые статистические сведения о численности населения в крае, о поселениях, путях сообщения, состоянии хозяйства можно получить из книг И. Брусилова «Опыт описания Вологодской губернии» (СПб., 1833) и И. Пушкарева «Описание Вологодской губернии» (СПб., 1846). Гораздо более подробные данные о численности населения, о числе поселений и дворов можно почерпнуть в «Списке населенных мест по данным 1859 года» (СПб., 1860) и в некоторых других подобных же изданиях.

Значительный интерес представляют статьи М. Михайлова «Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии»¹⁸, в которой описаны крестьянские промыслы,

¹³ ВЕВ, 1868, № 7.

¹⁴ ВЕВ, 1868, № 22.

¹⁵ ВЕВ, 1901, № 6.

¹⁶ ВЕВ, 1886, № 3, 16; 1890, № 12.

¹⁷ ВЕВ, 1895—1896, 1901—1903, 1905 и 1907.

¹⁸ «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 33. СПб., 1851.

в основном охота и рыболовство, А. Карелина «Земледелие и промыслы крестьян Яренского уезда Вологодской губернии»¹⁹, освещающая состояние земледелия и скотоводства и вкратце также промыслов, Н. Иваненко «Лесные суррогаты кормовых средств Удорского края»²⁰ и «Охота как промысел в Яренском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии»²¹, в которых автор обращает внимание на недостаток корма для скота и на причины этого, сравнительно подробно описывает те способы, с помощью которых население выходит из этого затруднения, а также специально останавливается на состоянии охотничьего промысла в Удорском крае.

Перечисленными статьями и ограничивается, пожалуй, вся дореволюционная этнографическая и историческая литература по Удорскому краю.

Советская историческая литература по Удорскому краю также чрезвычайно бедна.

Из общих работ заслуживает упоминания I том «Очерков по истории Коми АССР» (дооктябрьский период) (Сыктывкар, 1955), где в ходе изложения истории Коми края авторы приводят примеры и по Удоре, и «Очерки истории СССР» (период феодализма) (М. — Л., 1953—1955), в которых также имеются краткие упоминания об Удорском крае.

Археологические изыскания представлены двумя статьями А. С. Сидорова: «Памятники древности в пределах Коми края»²², и «Археологические памятники Коми АССР»²³, которые являются простым описанием состояния открытых на территории Коми АССР памятников, без серьезного их анализа. Отмеченные А. С. Сидоровым археологические памятники на территории Удору весьма незначительны, причем в отношении многих из них возникает сомнение, действительно ли они являются именно теми, за которые их принял А. С. Сидоров. Так, городища, им отмеченные, безусловно таковыми не являются. В других археологических исследованиях Удорский край почти не фигурирует. Разве только в статье А. А. Спицина «Древности Севера» (Тотьма, 1926), где упомянута находка бронзовой секиры на Мезени. Новые археологические материалы получены в 1965 г. Археологический отряд под руководством Э. А. Савельевой обнаружил два средневековых могильника и шесть стоянок эпохи бронзы (материалы пока не опубликованы).

Большую ценность для изучения древнейших периодов истории удорцев и особенно вопросов этногенеза имеет статья Н. Н. Чебоксарова «Этногенез коми по данным антропологии»²⁴.

¹⁹ «Вологжанин». Вологда, 1895, стр. 112—120.

²⁰ «Лесной журнал». СПб., 1878, кн. 5.

²¹ «Лесной журнал». СПб., 1877, кн. 5.

²² «Коми му». Устьсысольск, 1926, № 6—7.

²³ «Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества», вып. 2. Сыктывкар, 1954.

²⁴ «Советская этнография», 1946, № 2.

Некоторые ее положения являются спорными, но в целом она представляет большой интерес и оказывает несомненную помощь исследователю при изучении вопросов заселения Удорского края и сложения его населения.

Из современных этнографических статей прежде всего следует упомянуть отчет В. Н. Белицер «Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР в 1952 г.»²⁵, в котором она описывает результаты командировки на Удору и излагает свои предварительные выводы. Фактические данные, имеющиеся в статье, представляют несомненный интерес. Центральным этнографическим исследованием по коми является монография В. Н. Белицер «Очерки по этнографии народов коми» (М., 1958), в которой дано наиболее обстоятельное изложение хозяйства, культуры и быта коми (зырян и пермяков) в XIX — начале XX в. на основе многолетних полевых сборов автора и изучения литературы.

В качестве сравнительного материала для выяснения вопросов происхождения и сложения того или иного явления материальной культуры удорцев в данной работе были использованы статьи М. Б. Едемского «О крестьянских постройках на Севере России»²⁶ и «Кулойско-Мезенский край»²⁷, содержащие весьма обстоятельное описание жилища русского населения Вологодской и Архангельской губерний, Н. Иваницкого «Сольвычгодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность»²⁸, в которой хорошо описаны культура и быт крестьян дер. Марково, и некоторые другие.

Однако все, как старые, так и современные, этнографические материалы были недостаточны, чтобы на их основе написать этнографический очерк удорских коми. Для того чтобы восполнить имеющиеся пробелы и собрать недостающие сведения по культуре и быту удорцев, было организовано пять поездок автора настоящей работы на Удору в 1951—1956 гг., в результате которых был собран значительный новый материал, позволивший автору сделать ряд выводов, в частности, по вопросам заселения Удорского края, а также происхождения и истории сложения многих явлений материальной культуры удорцев. Работу по сбору этнографического материала необходимо продолжить, так как в ближайшие годы еще сейчас сохраняющиеся кое-где элементы материальной и духовной культуры дооктябрьского периода, не имея под собой почвы, исчезнут из быта народа и восстановить их для истории Коми будет невозможно. Проведение таких экспедиций даст богатый материал, ценность которого со временем только возрастет.

²⁵ «Краткие сообщения института этнографии», вып. XIX, 1953.

²⁶ «Живая старина». СПб., 1913, вып. I-II.

²⁷ «Известия русского географического общества», 1927, вып. I.

²⁸ «Живая старина». СПб., 1898, вып. I.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ УДОРСКОГО КРАЯ

Некоторые сведения о древнейших (до коми) обитателях края

Вопрос о древнейшем населении Удоры, о его происхождении в исторической науке до настоящего времени остается открытым. Археологических исследований, которые, несомненно, внесли бы некоторую ясность в эти вопросы, в данном районе почти не производилось. А. С. Сидоров — первый ученый, заинтересовавшийся археологическими памятниками Удоры, — ограничился лишь внешним осмотром тех из них, которые ему были указаны местными жителями. Раскопок он не производил и лишь в редких случаях закладывал разведочные шурфы. По его данным, наиболее ранним свидетельством о существовании какого-то населения в верховьях Вашки и Мезени являются случайные находки каменных орудий и отдельных предметов, датируемых им I тысячелетием до н. э. В их числе можно упомянуть и бронзовую секиру ананьинского времени (VIII—III вв. до н. э.)¹. Существенное уточнение в этот вопрос внесла разведка 1965 г. археолога Э. А. Савельевой. Обнаруженные ею шесть стоянок и одно местонахождение кремня она относит к эпохе бронзы², т. е. ко II тысячелетию до н. э. Однако их недостаточно для решения вопроса о том, имелось ли в крае в те отдаленные времена уже постоянное население или найденные стоянки принадлежали группам бродячих охотников, попадавших в бассейн верхней Мезени случайно, на краткий срок, в погоне за зверем. Во всяком случае имеются основания утверждать, что древние обитатели

¹ А. А. Спицин. Древности Севера. Тотьма, 1926, стр. 8.

² Э. А. Савельева. Отчет археологического отряда о полевых исследованиях 1965 г. Научный архив Коми филиала, ф. 1, оп. 15, д. 63.

севера Европейской части СССР знали территорию Удорского края и неоднократно бывали там.

Памятников, относящихся к более позднему времени, к первой половине II тысячелетия н. э., описано А. С. Сидоровым значительно больше. К их числу относятся и те странные сооружения в виде перекрещивающихся рвов, отмеченные в ряде мест на Вашке (возле деревень Жуковской, Вендинги, Шилиевской, у с. Важгорт, на болоте Ошка-нюр в 4 км выше дер. Шилиевской по р. Ертома) и на Мезени (у с. Чернутьево), и крупных размеров неизвестного назначения корытообразные углубления в земле около дер. Вендинга. Есть также на Вашке несколько расположенных среди болот возвышенностей, носящих название «Кармыльк» (холм с городом, городищем), однако, что они собой представляют, неизвестно. А. С. Сидоровым были обнаружены и следы местного металлургического производства на Вашке, у дер. Корттувья, где местные крестьяне при обработке огородов неоднократно встречали железные шлаки и слитки металла³. В период разведки 1965 г. археологом Э. А. Савельевой установлено, что большинство вышеперечисленных памятников таковыми не являются. Одновременно ею обнаружены на Вашке у дер. Вильгорт и на Мезени у с. Чернутьево два могильника, из которых первый она относит к XII—XIV вв., а второй — к XV в. (возможно, к началу XVI в.)⁴.

И если не вызывает особого сомнения то, что описанная группа поздних памятников принадлежала прямым предкам современного коми населения Удоры, древним переселенцам, появившимся в крае в XIII—XV вв. н. э. (см. ниже), то значительно сложнее вопрос об этнической принадлежности населения края в I тысячелетии н. э. А. П. Смирнов предлагал считать обитателей Удорского края конца I — начала II тысячелетия н. э. югрой⁵. Однако сведений, подтверждающих эту точку зрения, нет. В качестве основного доказательства своего предположения А. П. Смирнов выдвигает наличие в составе современного населения верхней Мезени «уральского» антропологического типа, характерного не для коми, а для хантов, манси и некоторых других северных народов. А. П. Смирнов полагает, что этот тип распространился среди коми как раз в результате смешения югры с позднее появившимися на верхней Мезени коми переселенцами. Однако в документах нет упоминаний о встрече этих переселенцев с югрой.

³ А. С. Сидоров. Памятники древности в пределах Коми края. «Коми му», 1926, № 6, стр. 23—31; *он же*. Археологические памятники Коми АССР. «Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества», вып. 2. Сыктывкар, 1954, стр. 81.

⁴ Э. А. Савельева. Отчет... 1965 г.; *она же*. Пермь вычегодская. М., 1971.

⁵ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 28. М., 1952, стр. 230.

Изучение данного вопроса позволяет считать, что уральский антропологический тип появился среди коми вследствие включения некоторого количества ненецкого элемента в состав местного, уже смешанного, коми-русского населения верхней Мезени⁶. Возможность появления характерных признаков уральского типа в результате смешения беломорского расового типа удорцев с лапоноидным комплексом ненцев подтверждается существованием своеобразной этнографической группы «колвинцев», возникшей в XIX в. как раз в результате смешения коми-ижемцев беломорского облика с ненцами и имеющей именно уральский тип⁷. Однако это не исключает возможности вхождения в состав древнего населения Удоры угорского элемента. Г. М. Буров отмечает близость ванвиздинской культуры IV—VIII вв. н. э. к синхронным памятникам нижнего Приобья. Исследователь полагает, что на рубеже нашей эры имело место проникновение приобского древнеугорского населения в бассейн Вычегды, где оно слилось с местным⁸. В вышеупомянутом отчете о результатах разведки 1965 г. Э. А. Савельева описывает два поселения ванвиздинского времени на Удоре.

Изучение топонимики Удорского района показывает, что большинство существующих названий имеют окончания *га*, *ми* и *ша* (Чебужга, Ежуга, Цебьюга, Курмыша, Комша, Чюрма, Ертома, Пурзема и т. д.). Б. А. Серебренников считает, что топонимика с данными суффиксами, широко распространенная на севере Европейской части СССР, является реликтом языка древнего волго-окского населения, расселившегося по северу в III—II тысячелетиях до н. э., причем не принадлежавшего к финно-угорской языковой общности и говорившего на языках иного строя, так как, по его мнению, указанная «волго-окская» топонимика ни из одного ныне существующего финского языка не объясняется⁹. Исходя из сходства гидронимики Удорского края с топонимическими названиями волго-окского типа, можно лишь предполагать, что древнее население Удоры принадлежало к племенам волго-окского происхождения. Наиболее вероятные пути проникновения его в этот край шли с верховьев Яренги на верховья Вашки и с Северной Двины по Верхней Тойме

⁶ Л. Н. Жеребцов. О времени появления коми на верхней Мезени. «Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества», вып. 3. Сыктывкар, 1956.

⁷ Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми по данным антропологии. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 55, 72.

⁸ Г. М. Буров. Вычегодский край. (Очерки древней истории). М., 1965, стр. 180—193.

⁹ Б. А. Серебренников. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. «Вопросы языкознания». М., 1955, № 6; Г. М. Буров, Б. А. Серебренников. Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических и лингвистических данных. «Acta linguistica», Budapest, 1967, t. 17, f. 3—4.

на Пинегу и с последней на Вашку¹⁰. В русских документах есть упоминания о пребывании на Верхней Тойме и Пинеге каких-то иных, явно не русских и не коми, насельников, названных «тоимичами погаными» и «сурой поганой»¹¹. Принадлежность древнего нижевычегодского и северодвинского населения к волго-окским племенам почти не вызывает сомнения. Однако в последующие века оно было ассимилировано или сменено другими, в числе которых были в I тысячелетии н. э. ананьинцы (находка бронзовой секиры) и в I тысячелетии н. э. ванвиздинцы, представлявшие собой сложный конгломерат из древнепермских (гляденовских), бичевницких и иных компонентов¹².

Однако при переселении на Удору коми здесь не встретили не только волго-окского, но также и ванвиздинского населения. Зато изучение современного удорского диалекта показывает, что в его составе имеется значительное количество слов, заимствованных из вепсского языка¹³. Эти заимствования могли попасть в язык коми скорее всего в результате прямого контакта обоих народов. Результатом такого контакта можно считать появление среди западных групп коми не характерного для их предков «беломорского» антропологического типа, весьма распространенного среди вепсов. Наиболее ярко «беломорский» тип выражен среди населения Вашки. Все это позволяет считать, что начавшееся в последних веках I тысячелетия н. э. расселение вепсских племен, или, вернее сказать, племен западнофинского происхождения, близких вепсам¹⁴, захватывало также и бассейн верхней Мезени.

Первоначальное население края было ассимилировано этими переселенцами, и коми при своем продвижении на Вашку уже не встретили его. Памятником его пребывания остается типичная волго-окская топонимика. Это ассимилированное вепсами древнее удорское население и передало удорским коми «беломорский» расовый облик и вепсские заимствования из своего диалекта.

Отсутствие археологических исследований не позволяет раскрыть состояние хозяйственной жизни древнего населения Удорского края. Единственным нашим источником в этом вопросе остаются упомянутые выше вепсские заимствования. Несомненно, что в язык коми вошли те слова, которые характеризовали какие-то стороны хозяйственной деятельности местного населения, ранее неизвестные коми. К числу вепсских заимствований относятся, например, такие слова, как *сабри* (стог сена), *козяль* (прялка), *агас* (борона), *чап* (молотило), *пирд* (бердо) и т. п.

¹⁰ Л. Н. Жеребцов. К вопросу о заселении Вашки. «Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества», вып. 5. Сыктывкар, 1958.

¹¹ А. И. Попов. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений. «Acta linguistica». Budapest, 1955, t. V, f. 1-2.

¹² Э. А. Савельева. Пермь вычегодская, стр. 147—148.

¹³ В. И. Лыткин. Из истории словарного состава пермских языков. «Вопросы языкознания». М., 1953, № 5.

¹⁴ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Изучение вепских заимствований показывает, что местное удорское население в XII—XIV вв. не только занималось охотой и рыболовством, которые, безусловно, как и в более раннее время, играли ведущую роль, но и было знакомо со скотоводством, уже умело заготавливать сено на зимний стойловый период, а также с земледелием, вероятно подсеčno-огневого типа, так как только на подсеках зерно высевалось в нераспаханную землю в пепел и потом лишь заборонывалось. Продукты земледелия и скотоводства использовались в домашнем ремесленном производстве. Жители знали прядение и ткачество. Наличие в хозяйстве земледелия и скотоводства требуют оседлого образа жизни. Следовательно, население Удоры в первых веках II тысячелетия н. э. не являлось бродячими охотниками и рыболовами, как прежде. В развитии хозяйства был сделан значительный шаг вперед. На это указывают и находки железных шлаков и слитков, означающих переход от каменных и медно-бронзовых орудий к железным.

Так представляется в настоящее время история древнейшего (до коми) населения Удорского края.

Заселение Удорского края коми

Отсутствие письменных источников не позволяет указать точную дату начала переселения коми на Удору.

Имеющиеся уже с XI в. краткие сведения о Перми Вычегодской относятся лишь к нижней Вычегде и Выми. Первое известное историкам упоминание о существовании коми на Вашке содержится в III Двинской грамоте от 1471 г., в которой, в частности, говорится «что Вашка, то исконное место Великого князя Вычегодское, пермяки...»¹⁵. Данный документ позволяет считать, что Вашка в XV в. являлась исконной частью Вычегодской земли и, видимо, давно уже была заселена пермяками. Грамота даже не намекает на возможность обитания там какого-либо иного населения, кроме коми.

Заселение Удорского края не было кратковременным однократным актом. Это был длительный процесс, в течение которого коми постепенно ассимилировали прежних обитателей. Причинами, вызывавшими переселение коми на Вашку, являлись: а) продвижение русского крестьянства на север и заселение им речных долин и б) христианизация коми. Уход русских крестьян на север вызывался тяжестью татаро-монгольского ига и бесконечными феодальными междоусобицами, разорявшими крестьянское хозяйство. Убегая в леса, крестьянство надеялось укрыться от гнева и разорения. Продвижение русских в бассейн Северной Двины началось еще в XII в. и особенно усилилось в XIII в. На этот период, вероятно, и падает зафиксированный в преда-

¹⁵ «Акты археографической экспедиции», т. I. СПб., 1836, № 94.

ниях уход прежних чудских насельников (может быть, именно упомянутых в летописях «тоимичей поганных») с Северной Двины на Пинегу и потом на Вашку, ибо появление масс русского земледельческого населения в бассейне Северной Двины вызвало отлив местных племен охотников и рыболовов в другие, менее заселенные и поэтому более пригодные для занятия промыслами районы.

Вслед за крестьянством на Севере появились представители господствующих классов. С целью укрепления власти московского князя над присоединенными территориями Москва широко практиковала политику христианизации местного языческого населения. Массовая христианизация вымских коми проходила в конце XIV в., в период деятельности Стефана Пермского. Однако начало распространения христианства падает на более раннее время, ибо Стефан пришел уже не на пустое место. Видимо, нижневычегодское население (в частности, по Яренге) уже было крещено до него, так как он прошел мимо этой территории и начал свою деятельность в центре Перми Вычегодской. Введение новой религии никогда не проходило спокойно. Народ обычно с трудом отказывался от старой, привычной религии. Распространение христианства у коми имело ту особенность, что оно вводилось не местными верхами, как обычно бывает, а по инициативе московских князей. Наоборот, местная родовая верхушка племен коми, как это прослеживается в документах, выступала против новой религии¹⁶, потому что усиление власти Москвы способствовало упадку роли местных вождей. Нежелание принимать христианство выражалось в уходе на новые места, в глухие леса. С Яренги, где раньше началась христианизация, путь переселения вел как раз на Вашку.

Яренга была заселена коми, вероятно, с конца I тысячелетия н. э., однако археологических памятников этого времени пока не найдено. А. С. Сидоров, обнаруживший возле дер. Тохта стаянку, датировал ее VIII—IX вв., но согласно новейшим данным она относится к VIII в. н. э. и принадлежит ванвиздинским племенам. Следы обитания коми на Яренге отчетливо прослеживаются в документах начала XVII в. Так, по данным писцовой книги 1608 г., многие здешние селения носили типично коми названия, иногда несколько искаженные в русском произношении (Вильгорт, Шорква, Горпон, Увдар, Велдор, Иб, Ягодарь, Велдзор, Шорды, Грозд и т. д.)¹⁷. Нет оснований утверждать, что жителями этих населенных пунктов были коми и в начале XVII в. После отлива значительной части местного населения на Вашку оставшиеся, несомненно, восприняли русский язык и культуру и слились с русским крестьянством, и только сохранившиеся названия деревень напоминали о прежнем нерусском населении этих мест.

¹⁶ *Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского.* СПб., 1897.

¹⁷ АВШ, стр. 269—274.

За отсутствием документов процесс слияния древнего населения Вашки с вновь прибывшими коми осветить невозможно, но несомненно, что он проходил мирным путем.

Как и почему этот район получил название «Удора», сказать трудно. В печати высказывалось предположение, что, удалившись на дальнюю окраину своей племенной территории, пермские переселенцы назвали свое место обитания — удор, т. е. нижний край пермской земли. Однако более вероятным кажется мнение А. А. Попова, который выводит это слово из местного названия Вашки (по-удорски просто Ву-река). Поскольку древние переселенцы расселялись только по берегам реки, то, говоря о месте своего обитания, они должны были указывать, что живут вдоль реки — вудор. Исчезновение буквы «в» в начале слова в русском языке — явление не редкое. Отсюда произошло название «Удора», «Удорский край». До конца XV в. эти названия официального признания не имели, и в грамоте 1471 г. удорская территория названа еще «Вашкой», но несколько позднее, с 1485 г., в документах уже фигурирует «Удора»¹⁸. В XVI—XVII вв. для того чтобы подчеркнуть, что речь идет об одной и той же местности, в документах употреблялось двойное наименование — «Волость Удорская, а Вашка тож по реке по Удоре»¹⁹. Старое название «Вашка» превратилось в название этой территории, но ненадолго. Уже в XVII в. во всех официальных документах река вновь называется «Вашкой», а слова «Удора», «Удорская волость», «Удорский край» становятся названиями определенной территории, включавшей вначале только Вашку, а затем и всю верхнюю Мезень, в том числе земли Гловой слободки.

Уход коми с Яренги в удорские леса не спас их от власти московского князя. В том же XV в. христианские проповедники появляются на Вашке и христианизуют население. Согласно имеющемуся в жалованной грамоте Ивана III епископу Филофею от 1490 г. указанию о том, что «на Удоре три пусы земли... отнял владычен слуга у Митки Гридина сына да дал попу Ивану Никольскому на Удоре...»²⁰, население было в крае к концу XV в. уже христианским, и даже имелся храм. Поскольку в XVI—XVII вв. церковь Николая Чудотворца существовала только в Важгорте²¹, можно считать, что именно о служителе этого храма и идет речь в грамоте 1490 г. Важгорт, как следует из его названия, являлся старинным поселением коми на Удоре. Вторым старым центром Удоры являлась Вендинга. Имелся ли там церковный храм, как и в Важгорте, доказать трудно, поскольку документов, подтверждающих это, нет. Однако принимая во вни-

¹⁸ Жалованная грамота великого князя Ивана III от 1485 г. «Историко-филологический сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 243—247.

¹⁹ АВШ, стр. 323.

²⁰ Жалованная грамота великого князя Ивана III епископу пермскому Филофею от 1490 г. «Историко-филологический сборник», вып. 4, стр. 251.

²¹ АВШ, стр. 326.

мание, что в 1485 г. возле Вендинги (на месте современной дер. Крестово) уже был маленький монастырь, можно утверждать, что и там имелась церковь. К сожалению, время основания этих древнейших поселений Удорского края установить пока что невозможно.

До начала XVI в. в Удорском крае постоянное население проживало только в бассейне Вашки. Верховья Мезени служили охотничьими угодьями для удорцев. Хотя в грамоте 1485 г. бассейн верхней Мезени описан как часть Удорского края, все данные говорят об отсутствии здесь постоянных поселений. Так, в грамоте 1471 г. подчеркивается, что пермяками заселена только Вашка. Переселение коми с Вашки на Мезень началось лишь во второй половине XVI в. В Писцовой книге 1608 г. указано, что первые поселения удорцев (обитателей Вашского бассейна) на Мезени появились около 1585 г., а именно: дер. Чернугьевская — незадолго до этой переписи и починок Пысса — уже после нее.

Однако население на верхней Мезени ко времени начала переселения с Вашки уже имелось и при этом много, не удорского (вашского) происхождения. По писцовым книгам 1585 и 1608 гг., территория удорцев, охватывающая верхнюю Вашку и часть верхней Мезени, резко отделялась от самых верховьев Мезени, где располагались тогда земли Глотовой слободки, и рубежом между ними был волок с Елвы, притока Вашки, на Мезень. Земли Глотовой слободки доходили «ниже слободы по Мезени до Удорского рубежа до волока до Ельского»²².

Первые сведения о существовании на верхней Мезени уже довольно значительного населения имеются начиная с 1554 г. 20 сентября этого года Вологодский и Великопермский епископ Киприан дал разрешение на построение новой церкви «в волости Кослане в Глотова слободке на Мезени»²³. Согласно этой грамоте, на верхней Мезени в середине XVI в. имеется уже целая группа постоянных поселений, и в их числе Глотова слободка и Кослан, причем в волости Кослан было тогда 13 крестьянских дворов. Число дворов во всех поселениях Глотовой слободки, к сожалению, неизвестно.

Первым поселением на верхней Мезени была Глотова слободка. Несмотря на отсутствие прямых указаний, это можно смело утверждать, исходя из таких факторов, как географическое расположение слободки в конце выско-мезенского водного пути, имевшего основное значение, и распространение названия Глотова слободка с одного населенного пункта на значительную территорию в верховьях Мезени, на которой располагалась даже отдельная волость Кослан. Кроме того, выдача льготных грамот отдельным предприимчивым крестьянам, как, например, новго-

²² АВШ, стр. 331.

²³ М. Михайлов. Усть-Вымь. ВГВ, 1850, № 52.

родцу Ивашке Ластке, основателю Усть-Цилемской слободки, была весьма широко распространена на Руси в XV—XVI вв., ибо правительство стремилось обратно посадить на землю разбредавшееся крестьянское население, привлекая его выдачей мелких временных льгот. Новопоселенцы слобод обычно освобождались от повинностей сроком от 3 до 15 лет. В эти века было основано значительное число слобод²⁴. О такой именно грамоте с правом «копить Слободу» говорится в сотной 1585 г., в которой записано, что даны земли «на льготу Глотовы слободки крестьянину Фильке Осипову на диком лесу на Динтинском озере на 9 лет..., а во льготные лета лес сечи, и дворы ставити, и пашня распахивати, и иных крестьян к себе называти не тяглых и не письменных». Основателем Глотовой слободки был, вероятно, русский крестьянин Глотов. Именованье слободки по фамилии ее основателя было тогда весьма распространенным явлением. Фамилия Глотовых встречается в документах XIV в. в Старой Русе²⁵ и в XVII в. в Яренске.

Заселение верховьев Мезени происходило с Выми, откуда шел прямой путь по речке Елве до волока и по нему в р. Ирву, впадающую в Мезень. Этот путь имел первостепенное значение для всего Удорского края и в последующие века, вплоть до первой четверти XX в. Доказательствами прихода населения в Глотову слободку с Выми являются близость глотовского говора к верхневымскому, общность фамилий, сохранение семейно-брачных связей и т. д. Не подлежит сомнению, что основная масса глотовских крестьян с самого начала состояла из коми. В то же время наличие большего числа русских слов в глотовском говоре указывает на вхождение в состав глотовцев значительного русского компонента; вместе с тем существование оленеводства с наймом в пастухи ненцев, ненецкие типы одежды и связанная с ними терминология, а также присутствие уральских антропологических черт в облике верхнемезенских коми говорят о включении некоторого количества ненцев в их состав. Таким образом, верхнемезенские коми сложились на основе смешения представителей трех народов. Отсюда значительное своеобразие в культуре верхнемезенских коми по сравнению с удорскими (вашскими).

Удорцы, как отмечено выше, начинали основывать свои поселения на верхней Мезени уже после возникновения группы глотовских деревень. Поэтому их починки по Мезени закладывались ниже владений Глотовой слободки. Шли удорцы с Вашки по ее притоку Елве до волока и волоком в Мезень. Известен был также и другой водный путь с Вашки на Мезень: по притокам их Куле и Пыссе. Возможно, существованием этих путей и объясняется то, что первыми удорскими поселениями стали именно Чернугьево и Пысса, основанные на этих путях.

²⁴ «Очерки истории СССР» (период феодализма), ч. II. М., 1953, стр. 302.

²⁵ «Очерки по истории Коми АССР», т. I. Сыктывкар, 1955, стр. 78.

Заселение верхней Мезени, как и ряда других не заселенных ранее мест, также связано с дальнейшим усилением феодальной эксплуатации крестьянства. Как известно, XV—XVI вв. являлись периодом укрепления крепостнических порядков в России. Из-за недостатка рабочих рук феодалы стремились окончательно прикрепить крестьян к земле. Рост товарно-денежных отношений вызывал увеличение феодальных повинностей крестьянства, и все это заметно ухудшало положение крестьян, которые, бросая насиженные места, стремились укрыться в лесах, чтобы избавиться от феодальной эксплуатации. Этим и объясняется появление на Севере массы вновь основанных слобод, деревень и починок. По данным переписи 1585 г., на территории Глотовой слободки существовало два погоста (сама слободка и Кослан) и 9 деревень (Вантанская, Вылиб, Буткон, Макарово, Екшера, Шарыба, Ручей, Разварга и Вылиб). Всего в этих населенных пунктах имелось 87 крестьянских дворов; из них жилых было 55; остальные 32 были покинуты жителями и пустовали. Результаты переписи 1585 г. по Удорской волости неизвестны.

В начале XVII в. московским правительством была проведена новая перепись населения. Писцовая книга 1608 г.²⁶ сохранилась полностью. По сведениям этой переписи, в Удорской волости насчитывалось 19 поселений: на Вашке три погоста (Вендинга, Кривой Наволок и Важгорт), 13 деревень (Ертома, другая Ертома, Шиляевская, Козлейга, Иба, Новоселка, Чирка, Остров, Выргорта, Усть-Пучкома, Мучтюга, Ельтюга, Коптюга) и один починок Власки Трифонова да на Мезени одна деревня Чернутьевская и починок «на Усть-Пыссы реки». В Глотовой слободке в 1608 г. имелось 10 поселений, в числе которых были два погоста (Глотова слободка и Кослан) и восемь деревень (Вантывская, Вылюб, Будкон, Екшера, Варыба, Ручей, Разварга и Вылюб). По сравнению с 1585 г. произошло незначительное сокращение числа деревень: опустела деревня Макарова. Новых же населенных пунктов здесь не возникало.

Жилых дворов в поселениях в начале XVII в. было мало. В основном в деревнях и починок имелось всего 5—10 дворов (из 27 обитаемых поселений только в шести имелось более 10 дворов, в том числе в Глотовой слободке и в погостах Важгорт и Кривой Наволок в среднем до 30 дворов). В трети всех поселений имелось едва по 3—5 дворов. Всего в Удорском крае в 1608 г. во всех 27 поселениях насчитывался 241 жилой двор. Пустых дворов было 67. Кроме того, полностью запустели шесть населенных пунктов (Гоголево, Шеяса, Щелья, Макарова, Займище Глотова, Петрово займище).

Взрослого мужского населения во всем крае (считая и бобылей) учтено 282 человека. Эти цифры показывают, что заселенность Удорского края в начале XVII в. была весьма слабой,

²⁶ АВШ, стр. 323—332.

особенно на верхней Мезени, где только в средней части сложилась компактная глотовско-косланская группа поселений, а на остальной территории деревни были редкими. Ниже косланской группы поселений, например, на всем протяжении верхней Мезени вплоть до коми-русской этнической границы существовали всего два упомянутых выше населенных пункта. Следует отметить, что рост населения в Удорском крае и возникновение новых поселений в конце XVI—начале XVII в. шли весьма медленно. На землях Глотовой слободки за 23 года с 1585 по 1608 г. не возникло ни одного нового селения. Несколько интенсивнее шло расселение удорцев, основавших как раз в этот период новый починок Власки Трифонова на Вашке выше Вендинги и починок Пысса на верхней Мезени.

Численность населения и жилых дворов также указывают на большую заселенность Вашки по сравнению с Глотовой слободкой. Так, на Вашке (Удоре) в 1585 г. было 159 крестьянских дворов и в них 163 человека мужского пола, а в 1608 г.— соответственно 169 и 198 (вместе с бобылями). В Глотовой слободке в 1585 г. было только 55 дворов и в них 64 человека мужского пола, а к 1608 г. жилых дворов стало 72, а мужчин в них 84 (вместе с бобылями). Следует, однако, отметить, что увеличение числа жилых дворов на Вашке к 1608 г. произошло только за счет дворов бобыльских, тогда как количество крестьянских даже уменьшилось по сравнению с 1585 г. на восемь дворов (со 159 до 151). Объясняется это, возможно, тем, что жители Глотовой слободки нередко бежали на Вашку: «Двор пуст Ерочки Тимофеева, сбежал на Удору во 110-м году»²⁷.

Причиной ухудшения положения населения и начавшегося бегства крестьян явилось резкое увеличение налогового гнета в 1585 г., которое особенно тяжело отразилось на не окрепшем еще хозяйстве недавних глотовских поселенцев, а также, видимо, неурожаи и голод, нередкие в этом суровом крае. Так, очевидно, неурожайным был 110 г. (1601—1602), ибо, по данным писцовой книги 1608 г., именно на этот год падает наибольшее число побегов крестьян (13).

Большая часть из бежавших указаны ушедшими без вести (из Глотовой слободки —7 и с Удоры —2). Куда сбежали остальные — известно (из Глотовой слободки в Сибирь —1, на Удору —2, с Удоры на Двину —1). Для сравнения можно указать, что за все остальные годы (с 100 до 116) бежало всего четверо. Смертность населения в 110 г. была также значительно выше, чем в остальные годы. Если в 100—116 гг. обычно умирали 1—2 взрослых мужчины в год, то в 110 г. на Удоре умерло 4 и в Глотовой слободке —5. Под влиянием тех же причин происходит разорение и обнищание крестьянских дворов. По переписи 1608 г., покинуты хозяевами 20 дворов (на Удоре 7 и в Глотовой слободке 13), владельцы которых обнищали и ходили по дворам.

²⁷ АВШ, стр. 331.

С целью прекратить начавшееся бегство московское правительство вынуждено было пойти на уступки и снизить наполовину размеры налогов²⁸, что, несомненно, оказало свое воздействие на сокращение начавшегося повального бегства крестьян и даже способствовало некоторому увеличению числа жилых дворов, вероятно, за счет раздела семей и выделения взрослых сыновей. Пришлыми, видимо, были только упомянутые выше бобыли. Чтобы ускорить рост населения на Удоре, особенно в Глотовой слободке, московское правительство предпринимает попытку привлечь сюда крестьян путем создания новой слободки. С этой целью, как указано в сотной с писцовой книги 1585 г., были даны «на льготу» земли у Динтинского озера крестьянину Глотовой слободки Фильке Осипову с условием землю пахать, дворы ставить и людей к себе созывать. Однако попытка Фильки Осипова, видимо, не удалась, поскольку в переписи 1608 г. никаких новых деревень и тем более слобод в Удорском крае не отмечено. В последующих документах нигде больше об этой попытке не упоминается.

Так как в переписях XVI—XVII вв. крестьянские фамилии почти не встречаются (писцы ограничивались записью имени и отчества владельца двора), довольно трудно установить, давно ли те или иные крестьянские фамилии появились в селениях, в которых мы их встречаем сейчас. Из фамилий, упоминающихся в Удорском крае с XVI в., можно назвать Иевлевых, Костиных, Власовых в Кослане; Мелентьевых, Цекилевых, Омосовых в Глотове; Бызовых и Бушкиль в Вылибе; Жилиных в Разгорте (оттуда же бежали на Удору Калинин и Тимофеев); Бутыревых (Буторовых), Петровых в Важгорте; Афанасьевых (Офонасьевых) в Муфтыге; Лукиных, Остаповых (Остафьевых) в Кривом; Дудиных, Юдиных, Некрасовых в Вендинге и Логиновых и Андреевых в Пыссе (первые поселенцы в Пыссе были братья Логинко да Ондрейка Максимовы). По данным 1646 г., на верхней Мезени известны фамилии Коневых, Козловых, Лепшиковых, Пановых, Подоровых, Секуриных, Сюсиевых, Тортиных, Ушаковых, Чижовых, Чупровых, Якушевых, а на Вашке — Баженко, Булыга, Бурковых, Бушеновых, Грачевых, Дроздовых, Калининных, Колывановых, Лятиевых, Сивковых, Тренькиных, Худяковых, Черноусовых, Шелевых, Ширяевых и т. д.²⁹

Некоторые из этих фамилий сейчас на Удоре уже не существуют, другие встречаются в иных поселениях, чем первоначально, но большая часть их все же до сих пор остается именно в тех поселках, где они записаны еще в XVI—XVII вв. Это позволяет утверждать, что значительная часть населения Удорского края имеет древнее происхождение и живет на одном месте несколько сот лет. Именно этим и объясняется тот факт, что в удорских

²⁸ Подробнее см. в главе III.

²⁹ «Коми му», 1927, № 1—2.

деревнях распространены в основном две-три фамилии, носители которых считают себя родственниками, происходящими из одного *котыр*³⁰. Этим же объясняется сходство фамилий и в нескольких близлежащих деревнях, так как они основаны были, очевидно, переселенцами из одного поселения. Стремление родственников селиться поближе друг к другу вызвало сложение гнезд поселений в крае.

Однако к началу XVII в. гнездовое расположение поселений еще не сложилось. Небольшие поселки Удорского края были разбросаны вдоль берегов Мезени и Вашки на различном, нередко весьма значительном расстоянии друг от друга. Объединялись они в этот период вокруг погостов. Так, к погосту Важгорт были приписаны деревни Остров, Выльгорт, Пучком, Муфтыга, Чупрово, Коптыга и починок Пысса. В XVII в. гнездовой тип расселения начинает складываться внутри погостов. Например, среди поселений погоста Вендинга в 1608 г. были уже деревни Ертома, другая Ертома, Шилевская, Коздинга и Иб, т. е. большая часть селений, составивших позднее Ертомскую группу. Сами будущие центры таких гнезд в XVII в. существовали пока только в виде небольших деревень, приписанных к тому же погосту. Несмотря на значительные передвижения населения края, бегство крестьян и т. д., какая-то часть его оставалась постоянным ядром, составившим основу современного населения Удоры.

В XVII в. в основном определяются границы расселения коми на Мезени и Вашке. В последующих веках больших изменений здесь не произошло. Коптыга осталась на все последующее время пограничным поселением на Вашке. На верхней же Мезени в XVII в., несколько севернее Пыссы, появилась новая деревня Латыюга, которая и стала последней деревней коми на Мезени.

Рост населения в крае продолжался. Так, по данным 1646 г., в Глотовой слободке имелось уже 62 двора, в Косланском погосте — 44, на Удоре в погосте Вендинга — 84 и в Важгорте — 150. Перепись 1678 г. отмечает дальнейшее увеличение числа дворов, которых стало в Глотовой слободке — 61, в погостах Кослан — 50 и Важгорт — 198. В этот же период происходит основание новых поселений. Если в 1608 г. в составе Глотовой слободки было 3 деревни, в погостах Кослан — 5, Вендинга — 7 и Важгорт — 7 деревень, то по переписи 1707 г. Глотова слободка объединяла 8 деревень, а погосты Кослан — 4, Вендинга — 8 и Важгорт и Пысса — 13 деревень. К погосту Коптыга была приписана только 1 деревня³¹.

³⁰ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 287—290. Котыр — гнездо; группа лиц ведущих свое происхождение от общего предка.

³¹ Joh. Andreas Sjögren's. Historisch-ethnographische Abhandlyngen über den finnisch-russischen Norden, Bd. I. SPb, S. 267.

В XVIII в. население в Удорском крае продолжает увеличиваться. По данным переписи 1707 г., в Глотовой слободке имелся 71 жилой двор, в погосте Кослан — 54, в Вендинге — 116, в погостах Важгорт и Пысса — 225 и в погосте Коптюга (Низовское селение) — 20 дворов. Согласно переписи 1710 г., в Глотовой слободке было уже 80 жилых дворов, в Кослане — 33, на Вашке в Вендинге — 111, в Важгорте — 215, в Пыссе — 42 и в Коптюге — 25 дворов. А мужского населения в 1707 г. в Глотовой слободке стало 157 человек, в Кослане — 138, в Вендинге — 257, в погостах Важгорт и Пысса — 573 и в погосте Коптюга — 48 человек; в 1710 г. в Глотовой слободке — 204, в Кослане — 159, в Вендинге — 255, в Важгорте — 483, в Пыссе — 117 и в Коптюге — 60 человек. Перепись 1710 г. сообщает также численность женского населения в поселениях Удоры: в Слободке — 231 человек, в Кослане — 174, в Вендинге — 290, в Важгорте — 579, в Пыссе — 138, в Коптюге — 64 человека.

По данным «экономических примечаний» к генеральному межеванию 1784—1786 гг., во всем Удорском крае насчитывалось 38 населенных пунктов, не считая поселений вокруг с. Пысса, которые в этот период не входили в состав Яренского уезда, будучи приписанными к Мезенскому уезду. В состав Вендингской волости входили с. Успенское, погост Троицкий (бывший монастырь) и деревни Ертомская, Козленская, Ибская, Мыкинская, Усть-Вачерская, Жуковская и Лоптюжская; в Важгортской волости были с. Воскресенское и деревни Кривонаволоцкая, Паспомская и Чирская и в Низовской — погост Коптюгский и деревни Чупровская, Муктюжская, Пучкомская, Вильгортская и Нижне-Островская. На верхней Мезени в состав Глотовой слободки включались села Рождественское и Косланское, а также деревни Панковская, Малая Вылибская, верхняя Вылибская, Кучмозерская, Боровская, Макарыбская, Зерзаябская, Ветсужская, Ивашкинская, Нижнеудорская, Разгортская, Нижневыйлибская, Бутканская, Чернутьевская, Селибская, Мелентьевская и Мучканская³². По данным российского атласа 1792 г., к концу XVIII в. на Удоре возникает еще несколько новых поселений и среди них такие, как Кирик, Канац, Тойма, Усть-Кула, Корттувья, Латьюга, Ыбула и Малая Пысса³³.

Заметно увеличивается к концу XVIII в. численность населения в крае. По данным «экономических примечаний», в 171 крестьянском дворе Вендинской волости жили 442 мужчины и 518 женщин, в 156 дворах Важгортской волости — 410 мужчин и 477 женщин, в 294 дворах Низовской волости — 570 мужчин и 682 женщины. В Глотовой слободке в 130 дворах жили 392 мужчины и 359 женщин и в Косланском селении в 194 дворах — 602 мужчины и 629 женщин³⁶. В 1816 г. по VII ревизии в Удорском

³² ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1274, лл. 73—81.

³³ «Российский атлас из сорока четырех карт». СПб., 1792.

³⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1274, лл. 73—81.

крае в семи поселениях Готовой слободки имелось 169 дворов с 312 мужчинами и 351 женщиной, в семи поселениях Кослана с 250 дворами — 421 мужчиной и 518 женщин, в восьми населенных пунктах Вендинги с 170 дворами — 297 мужчин и 366 женщин, в трех поселениях Коптюги с 286 дворами — 342 мужчины 540 женщин³⁵.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что в Удорском крае в XVII—XVIII вв. шел неуклонный процесс увеличения населения и возникновения новых поселений. Поскольку границы расселения коми на Удоре оставались почти без изменения, можно считать, что современная граница Коми АССР в той ее части, которая проходит по Мезени и Вашке, является одновременно и этнической границей между русскими и коми Мезени и Вашки. Коми составляли основную массу обитателей края. Представители других народов на Удоре были немногочисленны. Не считая древнего, до коми, населения, о котором говорилось выше и этническую принадлежность которого пока определить затруднительно, можно отметить присутствие в крае русских и ненецких переселенцев, которые, однако, так же как и древние насельники, не сохранились в качестве самостоятельных групп, а быстро перемешались с коми. Наибольшее включение русских имелось на верхней Мезени, особенно в глотовской группе. Ненцы также принимали участие в сложении этой группы коми. На Вашке русских было значительно меньше и совсем мало ненцев. Именно поэтому верхнемезенское (косланско-глотовское) население имело заметные отличия по сравнению с вашским.

В документах XVI—XVII вв. глотовцы резко отделяются от удорцев. Судя по современным антропологическим, лингвистическим и этнографическим данным, эти различия в прошлом должны были быть довольно значительными. Здесь можно отметить сохранение различных говоров внутри единого сейчас удорского диалекта, причем глотовский и косланский говоры заметно отличаются от верхневашского. Н. Н. Чебоксаровым отмечены различия в антропологическом типе верхнемезенских (косланских и глотовских) коми по сравнению с вашкидцами. Несомненные отличительные особенности имеются в материальной культуре (особенно в жилище) и т. д. Очевидно, что в XVI—XVII вв. эти различия были еще более значительными. Надо полагать, что в них отразились прежде всего прежние племенные особенности, несомненно существовавшие в XIII—XV вв. В XVI в. племенных объединений у коми уже не было. Жили они тогда соседскими общинами. Поэтому у глотовцев, заселивших верхнюю Мезень в первой половине XVI в., сложилась обычная сельская община — волость, крестьяне которой были связаны между собой не родственными узами, а совместным владением землей и прочими угодьями.

³⁵ *Joh. Andreas Sjögren's*. Указ. соч., стр. 268.

Несколько иначе обстояло дело на Вашке. Заселение ее произошло в значительно более раннее время, когда у коми еще были сильны первобытнообщинные отношения, несмотря на шедший процесс их разложения. А поскольку, как было указано выше, в период заселения (XIII—XIV вв.) коми переселялись на Вашку родственными группами, то в XIV—XV вв. здесь могла сложиться и существовать отдельная этническая группа удорцев. Вероятно, именно поэтому в документах XV и даже XVI в. удорцы выделяются в особую группу при перечислении состава пермского населения («А вперед князем Вымским и волостным людям: Вымичам, Вычегжаном и Сысоленом и Удореном и всем людям Вычегодские земли...») ³⁶. Впрочем, в XVI—XVII вв. на Вашке племенная общность заменилась сельской общиной. Однако различия, возникшие в период обособленного существования удорской группы, в это время еще отчетливо сохранялись и послужили причиной резкого разделения удорцев и глотовцев. В последующие века в связи с совместным расселением удорцев и глотовцев по верхней Мезени, сближением и смешением их эти различия постепенно стерлись и сложился единый для обеих групп удорский диалект коми языка, единая культура и термин «Удора», «Удорский край» распространился также и на глотовскую группу поселений.

После оформления языка и культуры удорских коми тесное общение их с русскими продолжается в основном только в полосе этнических границ и в периоды организации ярмарок как на территории Удоры, так и в соседних местностях, куда съезжалось население не только местное, но и из ближайших областей для обмена своих товаров. Взаимоотношения коми и русских были мирными и дружественными. Нигде в документах не отмечены вооруженные столкновения русских с коми. Русская культура оказывала, несомненно, благоприятное влияние на коми. Об этом свидетельствуют широкие русские заимствования в языке и культуре коми. При этом следует указать и на обратные заимствования русскими из языка коми. Впрочем, последние по сравнению с первыми весьма незначительны ³⁷. Особенно усилилось влияние русской культуры в XVIII в., так как в этот период развивается отход крестьян «по пашпортам в разные российские города для работы по малоимению удобной земли под пашню» ³⁸. Отхожие промыслы сыграли весьма важную роль в распространении русского культурного влияния среди удорцев.

Здесь же можно отметить, что особенное сближение культур происходило именно в полосе этнических границ. В частности,

³⁶ Жалованная грамота Великого князя Ивана III... 1490 г.

³⁷ В. И. Лыткин. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949, стр. 128—201.

³⁸ ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1274, л. 77.

жители пограничных деревень совершенно свободно владели русским языком и широко им пользовались, тогда как в стороне от границы население слабо владело русским языком. При этом не принимается во внимание тот факт, что в словарный состав удорского диалекта издавна вошло много русских слов, которые воспринимаются народом как свои. То же самое можно сказать о культуре удорских коми, в которую также вошли составной частью весьма значительные русские заимствования, органически слившиеся с собственно коми культурой.

Изменения в состоянии населения края в XIX — начале XX в.

На протяжении XIX—начала XX в. заметных изменений этнической территории удорских коми не произошло. Границы расселения оставались такими же, какими они определились еще в XVII—XVIII вв. Ниже Коптюги на Вашке и Латыюги на Мезени поселений коми не появлялось. Новые поселки основывались на освоенной уже территории, главным образом в верховьях Вашки и Мезени. Следует указать, что в начале XIX в. новых населенных пунктов в крае появилось весьма немного. В их числе можно упомянуть на Вашке такие, как Виль-видз, Гычей, Пастым, Малая Муфтыга, Георгиевская, Висмодпольская, Кузьнюрдом, Тыды; а на Мезени — Политово, Акимово и т. д. Всего в середине XIX в. в Удорском крае существовало 62 населенных пункта (сел и деревень)³⁹.

В конце XIX—начале XX в. несколько семейств удорцев предприняли попытку основать новые починки, которая, однако, окончилась неудачей. Так, крестьянин с. Глотова М. Коновалов подал в 1905 г. прошение о разрешении переселиться в урочище Ыджидвичь-юр, служившее выгоном для жителей Глотова, но последние не дали своего согласия, и переселение не состоялось. Крестьянин с. Селиб К. Ванеев в том же 1905 г. пожелал переехать в урочище Лебязек в 4 км от дер. Чернутаевской. Сход ему разрешил. Туда же хотели переселиться еще трое Ванеевых, четверо Селивановых и один Прокофьев, но им сход согласия уже не дал. Лесничество в 1910 г. также на это переселение не согласилось, и оно не осуществилось. Только крестьянину с. Глотова Я. Карпову удалось в 1905 г. добиться разрешения на переселение в починок Пегыш-дор⁴⁰, где уже до него с 1881 г. жили крестьяне дер. Конской И. Н. и С. В. Козловы.

Более ускоренными темпами в XIX в. идет укрупнение поселений, рост числа жилых дворов в селениях. В качестве примера

³⁹ «Списки населенных мест Российской империи». Архангельская губерния, СПб., 1861; Вологодская губерния, СПб., 1866.

⁴⁰ ЦГА Коми АССР, ф. 175, оп. 1, д. 559, лл. 1—11; д. 560, лл. 4—35; д. 561, лл. 4—16; д. 90, лл. 4—15; д. 356, лл. 1—10; д. 525, л. 11.

можно привести пысскую группу поселений. Так, по данным 1859 г., с. Пысса состояло из 38 дворов, а деревни Латьюга — из 42, Малая Пысса — из 7, Политово — из 9, Патраково — из 10, Небдино — из 8 и Акимова — из 3 дворов⁴¹. В 1905 г. в Пыссе имелось 59 дворов, Латьюге — 47, Малой Пыссе — 15, Политове — 13, Патракове — 16, Небдине — 16 и Ыболе — 7 дворов⁴². А в 1918 г. в Пыссе уже насчитывалось 89 дворов, в Латьюге — 71, в Малой Пыссе — 22, в Петракове — 24, в Политове — 17, в Небдине — 24 и в Ыболе — 10 дворов⁴³. Подобные сравнения можно привести также и по другим поселениям Удорского края. Картина будет совершенно сходная. Различия наблюдаются лишь в масштабах прироста дворов. Некоторые растут более медленно, как, например, Вендинга на Вашке или Глотова на Мезени, другие значительно быстрее, например Важгорт.

В целом можно утверждать, что в течение XIX — начала XX в. общее число крестьянских дворов в крае возросло в два-три раза. Это, несомненно, свидетельствует о довольно быстром росте населения края в изучаемый период. Для большей наглядности можно привести цифры роста населения в вышеуказанных поселениях пысского гнезда. В 1859 г. в Пыссе обитало жителей обоего пола 259 человек, в Латьюге — 264, в Патракове — 55, в Политове — 68 человек и т. д. А в 1905 г. в Пыссе имелось уже 440 человек, в Латьюге — 344, в Патракове — 106 и в Небдине — 116 человек. В 1918 г. в Пыссе жило 457 человек, в Латьюге — 336, в Патракове — 132, в Политове — 119 и в Небдине — 112 человек. Рост числа жителей в других населенных пунктах происходил примерно такими же темпами.

В то же время в XIX в. заметно усиливается отход местных жителей и бегство их с Удоры в другие губернии, главным образом в сибирские. Увеличение отходничества и переселения удорцев вызывалось недостатком удобных пахотных земель, ибо земледелие в XIX в. становится основным занятием местного крестьянства. По утверждению Важгортского волостного правления, «главная причина ухода населения — недостаток пахотной земли и частые неурожаи. Собственного хлеба на год не хватает всему населению даже в самые урожайные годы»⁴⁴. Имеются сведения о том, что уже в конце XVIII — начале XIX в. многие удорцы покидали родные места, приписываясь к заводам. Так, в 1804 г. девять человек из Низовской трети (с. Коптюга) были «записаны на Колыванский завод во крестьяне». Упоминание о

⁴¹ «Списки населенных мест Российской империи». Архангельская губерния, стр. 28.

⁴² «Список населенных мест Архангельской губернии в 1905 г.». Архангельск, 1907, стр. 142—143.

⁴³ «Список населенных мест Архангельской губернии». Архангельск, 1918, стр. 74.

⁴⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 306, лл. 54—55.

работе удорцев на Кольванском заводе Демидовых в Алтайском крае в документах встречается неоднократно⁴⁵.

В различных архивных фондах, особенно в делах Яренского уездного суда⁴⁶, имеется немало сведений о переселениях крестьян в Сибирь, главным образом в Тюмень. Например, крестьянин Важгортского погоста Ф. Терюков сообщал в Яренский уездный суд в 1804 г., что брат его проживает в сибирских городах уже с 1795 г. В архиве Яренского уездного суда за 1804—1825 гг. имеется немало дел, посвященных розыску удорцев, бежавших без паспорта в Сибирь. Тяга в Сибирь была весьма велика. Уезжали не только мужчины, но и женщины. В тех же делах упоминаются крестьянская женка Жилина, жившая по паспорту в г. Тюмени, крестьянская вдова Ярова, тоже находившаяся в Тюмени, и т. д. И если женщины обычно получали паспорта по разрешению властей, то мужчины нередко уходили без паспорта или доставали его разными незаконными путями. Так, крестьянин Екимов обвинялся в том, что получил паспорт через крестьянина Напалкова за взятку в 25 руб. Крестьяне Жданов и Ершов достали паспорта по фальшивым справкам⁴⁷.

Власти всеми мерами препятствовали этим переселениям, применяя не только меры запрещения, но и телесные наказания виновных. Бежавших крестьян упорно разыскивали и, найдя, судили и наказывали плетью. Однако паличие свободных земель в Сибири неудержимо тянуло местных жителей. Каждый уехавший старался закрепиться на новом месте, завести хозяйство, а затем вызывал туда же и семейство. Так, крестьянин Низовского селения Тукоев уехал в Томскую губернию, вызвал туда же жену, построил дом и подал прошение о разрешении навечно поселиться на новом месте. Крестьянин Вендинского селения (Вендига) Захаров обосновался в той же Томской губернии, где построил дом, завел скот. С большим трудом в 1824 г. он добился права приписаться к новому месту. Но нередко эти прошения оканчивались неудачей. Крестьян заставляли бросать новое хозяйство и возвращаться на старое место. Вышеупомянутый Тукоев, например, не мог добиться согласия властей и был выслан вместе с женой и двумя детьми обратно, на Удору⁴⁸.

Особенно массовый отход (обычно кратковременный) бывал в периоды неурожая. Так, в 1813 г. в Важгорте был неурожай хлеба и жители, чтобы не умереть с голоду, ушли в Сольвычегодский округ, а в следующем году вернулись обратно. Такие отлучки по случаю неурожая были очень часты. В 1880 г. Важ-

⁴⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 69, лл. 41, 86—87; д. 69, л. 423; д. 86, л. 483.

⁴⁶ Там же, д. 207, лл. 131 об., 149 об.; д. 86, л. 1; д. 191, л. 46 об.; д. 197, л. 377.

⁴⁷ Там же, ф. 100, оп. 1, д. 240, л. 76; д. 207, лл. 137 об., 415—416.

⁴⁸ Там же, д. 207, лл. 149, 415—416; д. 269, л. 560 об.; д. 278, лл. 176 об., 197—198.

гортское волостное правление сообщало в Яренскую уездную управу, что в их волости «в прошлые неурожайные годы отличились для пропитания и поныне проживают в сибирских губерниях Томской, Тобольской и Пермской 46 семейств в составе 77 мужчин и 92 женщины. По неблагоприятности местных условий с 1858 г., т. е. после 10 ревизии, по настоящее время перечислилось в те же местности установленным порядком 50 мужских ревизских душ и 63 души женского пола»⁴⁹. Отходничество из других волостей было еще значительнее.

Вследствие развитого отхода и переселений в крае замечается некоторое численное преобладание женщин по сравнению с мужчинами. Удорцы нередко приводили жен из соседних русских и коми областей. Многие жители Вашки, например, ездили свататься на Пинегу, особенно в Нюхчу, и вниз по Вашке, главным образом в селения Кеба и Олема. Чаще всего это были жители таких поселений как Коптюга, Чупрово, Кривой Наволок. На верхней Мезени, особенно в Глотова, невест предпочитали брать там, где за ними давалось приданое. На Удоре приданого не давали, и все расходы на свадьбу вынужден был нести жених. Особенно резко выделяется преобладание числа женщин над мужчинами во втором десятилетии XX в. В крае в 1918 г. женщин было почти вдвое больше, чем мужчин. Однако это было явлением временным и объяснялось главным образом мобилизацией мужчин в армию в период первой мировой войны.

Брачные связи с соседним русским населением способствовали распространению русского языка среди удорского населения. Некоторые знания литературного русского языка распространяла также школа. В конце XIX в. в крае было открыто несколько школ грамоты. Среди удорского населения распространяется не только русский язык, но и русская культура. Сближению с русскими способствовало также и то, что в административном отношении Удорский край не был един. Большая часть его входила в Яренский уезд Вологодской губернии, но отдельные пограничные волости, как, например, Пысская, были приписаны к Архангельской губернии. Такое разделение, безусловно, способствовало сближению их с русскими соседями. Сами географические условия: труднодоступность края со стороны Вычегды, но легкость сообщения по Мезени — также играли немалую роль в развитии и укреплении хозяйственных и культурных связей с ближайшими русскими соседями. А это не могло не отразиться самым существенным образом на хозяйстве, культуре и быте удорских коми.

⁴⁹ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 306, лл. 54—55.

ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА УДОРСКИХ КОМИ В XVI—XVIII ВВ.

Состояние хозяйства и положение крестьян

Основными занятиями крестьян Удорского края в XVI—XVIII вв. были сельское хозяйство (земледелие и скотоводство) и промыслы, причем главное место сохранялось за последними (рыболовством и особенно охотой). В XVI в. роль земледелия в крае была невелика. По данным писцовой книги 1585 г., на все 55 дворов Глотовой слободки приходилось пашни «62 четверти с полуосьминою да перелогом 9 четвертей...»¹, т. е. немногим более одной четверти на двор, что было явно недостаточно. На незначительный удельный вес земледелия в хозяйственной жизни глотовских крестьян указывает и их челобитная от 1591 г., в которой написано, что они «кормятся пиктою да зверем, а хлеба не пашут и не торгуют ничем», ибо «земля у них худа, хлеб не родится и мороз поборяет»². Следовательно, развитие земледелия задерживали такие факторы, как малая плодородность земель (по терминологии писцовых книг, «худые» земли), трудность их расчистки из-под леса и суровость климата. Существовало оно в крае лишь потому, что крестьянство стремилось обеспечить хотя бы часть потребностей семьи в хлебе. Отсутствие хлебных запасов в крае (население было вынуждено покупать его на стороне) заставило правительство снизить наполовину норму обязательного натурального хлебного налога, а затем и вовсе заменить его денежным.

В XVII в. земледелие продолжало оставаться в прежнем положении. Рост пашен происходил крайне медленно. В начале

¹ Сотная с писцовой книги 1585 г. «Материалы по истории Европейского Севера СССР», вып. 1. Вологда, 1970, стр. 466.

² В центральных уездах России в XVI в. средняя запашка на один двор равнялась 4,8 четверти («Очерки по истории Коми АССР», т. 1. Сыктывкар, 1955, стр. 82).

XVII в. в среднем на двор приходилось в Удорской волости по 1,5 четверти, в Глотовой слободке около 1,1 четверти обработанной земли³. Система обработки полей была примитивной. Трехполье только начало проникать в край. Правда, в писцовых книгах конца XVI — начала XVII в. пашня учитывается как будто бы в трех полях, но в условиях Удоры мы фактически имеем дело с трафаретным для московских писцов приемом подсчета пахотных земель. Малое развитие пашни заставляет полагать, что наряду с пахотным земледелием в крае большое распространение имела подсека, которая широко применялась даже в более южных районах еще в XVIII в.⁴ В писцовых книгах подсека не учитывалась, так как размеры ее менялись почти ежегодно, а переписи проводились раз в 10—20 лет, и поэтому в них вносились более постоянные величины.

Мало изменилось земледелие и в XVIII в. По-прежнему происходит медленный прирост крестьянской запашки, обработка земли и получаемый с нее урожай продолжают оставаться низкими. Можно привести несколько примеров для иллюстрации этого положения. Так, в наказах крестьян Косланской волости в Екатерининскую законодательную комиссию говорится, что посевы у них очень малы, семян нет, все запасы зерна кончились. В 1764 г. косланские крестьяне взяли из казны займы на пропитание и посев хлеба на 437 руб. 64 коп., но вернуть его оказались не в состоянии⁵. Развитие земледелия на севере требовало большой затраты сил и средств на отвоевание земли из-под леса и на обработку ее. Кроме того, она могла давать хороший урожай лишь при условии большого количества навоза. Из-за недостатка же удобрений и резких климатических колебаний хорошие урожаи были редки. Значительно чаще посевы погибали или приносили мизерные результаты. В 1766 г. в Глотовой слободке крестьяне, высеяв 40 четвертей ржи, собрали всего по полчетверти на четверть. А в 1769 г. они вынуждены были обратиться с челобитной в Яренскую воеводскую канцелярию, прося разрешения ввиду голода покупать хлеб на Выми⁶. Голод был весьма частым гостем в крае. В крестьянских челобитных постоянно слышатся жалобы на неурожай и голод.

Вследствие трудности подготовки полей обработанные угодья имели большую ценность. Уже с конца XVI в. намечается концентрация земель в руках более богатой части местного крестьянства. Писцовая книга 1585 г. сообщает факты прикупания земель («двор Матюшко Сидоров, да у него прикупная пашня»),

³ Писцовая книга 1608 г. по Яренскому уезду. АВИИ, стр. 328, 331.

⁴ И. Лепехин. Дневные записки путешествия, т. III. СПб., 1814, стр. 239—240.

⁵ «Материалы Екатерининской законодательной комиссии», т. XI. Депутатские наказы от крестьян Архангельской губернии. СПб., 1907, стр. 247—252.

⁶ ЦГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 191, лл. 1—1 об.

отдачи в заклад («...пашня у него в закладе у Михалка у Жилина») и т. д. В руках «лучших» крестьян сосредоточиваются значительные пахотные угодья. Даже по весьма приблизительным подсчетам оказывается, что дворы «лучших» крестьян имелись лишь в тех поселениях, где земли в среднем на двор приходилось по 3—4 чети. Например, в дер. Усть-Пучкома, где имелся один «лучший» двор из пяти, земли приходилось в среднем по 3,8 чети на двор, в дер. Вильгорт, где было два «лучших» двора из восьми, земли на двор приходилось свыше 2 четей. При этом следует учитывать, что средние цифры вовсе не соответствовали истине и в руках собственников «лучших» дворов земли было значительно больше, чем в руках малопржиточных «молотчих» крестьян. Так, в деревнях Новоселка и Чирка земель на двор в среднем также приходилось около 3 четей, но крестьянские хозяйства в них оставались малопржиточными, «молотчими»⁷. Все это говорит против того, чтобы считать земледелие главной отраслью занятий удорских крестьянских семейств.

Количество пахотных земель, несмотря на увеличивающееся значение земледелия в хозяйстве удорцев, еще не играло решающей роли. Особенно наглядно доказывает указанное положение факт существования в погосте Вендинга восьми беспашенных дворов, среди которых были два «средних», пять «молотчих» и один «бобыльский». Из данного примера можно заключить, что в Удорском крае существовали другие занятия, которые даже при отсутствии земледелия обеспечивали прожиточный минимум для населения крестьянского двора настолько, что это хозяйство могло считаться «средним». Поскольку в писцевой книге 1608 г. указано, что население Удорской волости не торговое, нет основания полагать, что торговля являлась занятием беспашенных крестьян погоста Вендинга. Очевидно, их занятиями являлись промыслы (охота и рыболовство) и, вероятно, скотоводство. Выше уже указывалось на важное значение последнего как источника получения удобрений, абсолютно необходимых для ведения земледелия на Удоре.

Кроме того, от скотоводства крестьяне получали продукты питания и сырье для производства одежды, обуви и некоторых других изделий. Вплоть до XVIII в. торгового значения скотоводство не имело. Только в XVIII в. оно начинает играть роль в местной торговле. В продаже появляются в значительном количестве говяжье сало и масло. В 1747 г. купцы Осколковы скупили у крестьян сысольских и удорских волостей 2 тыс. пудов говяжьего сала⁸. У нас нет сведений, какой скот и в каком количестве содержался крестьянами Удорского края в XVI—XVII вв. Писцовые книги сообщают лишь о количестве заготовляемого крестьянами сена на корм скоту в зимний стойловый пе-

⁷ АВШ, стр. 326.

⁸ «Очерки по истории Коми АССР», т. I. Сыктывкар, 1955, стр. 154.

риод. Так, в 1585 г. 55 крестьянских дворов Глотовой слободки заготовили 1590 копен сена, т. е. в среднем по 29 копен на двор. В начале XVII в., в 1608 г., в Глотовой слободке было заготовлено 1770 и Удорской волости — 2815 копен сена. В среднем на один двор в Глотовой слободке приходилось 29,5, в Удорской волости — 18 копен.

Весьма неравномерным было распределение сенокосов как по деревням, так и по дворам. Отдельные селения заготавливали по 300—400 копен сена, тогда как другие лишь по 30—40. В некоторых населенных пунктах, как, например, в погостах Важгорт, Кривой Наволок и Кослан и в деревнях Ертома, Шилиевская, Козлейга, Иба, Буткон, сена приходилось в среднем по 5—15 копен на двор. Полной противоположностью им были такие деревни, как Вильгорт, Усть-Пучкома, Коптюга, Вылиб, в которых заготавливалось сена по 50 копен на двор и больше (в дер. Екшера — 150 копен на двор). При этом следует отметить, что большие запасы сена заготавливались именно теми крестьянами, которые владели сравнительно крупными участками пашни. А именно, в дер. Вырыба на двор в среднем приходилось земли 2,5 чети и сена по 58 копен, такое же положение было в деревнях Коптюга (по 2,6 чети и 50 копен на двор), Вильгорт (по 3 чети и 54 копы на двор) и т. д. Однако в экономическом отношении многие крестьянские дворы в перечисленных поселениях были маломощными, «молотчими». В погосте же Вендинга, где половина крестьянских дворов принадлежала к группе средних, сена заготавливалось мало — около 10 копен на двор, при этом здесь пахотных земель также было мало, не более 1 чети на двор. Данные примеры подчеркивают неразрывную связь земледелия со скотоводством и указывают на недостаточное развитие последнего в XVI в.

Значительных успехов достигло скотоводство в XVIII в. Выше уже приводился пример о появлении продуктов его на рынках Удоры. В связи с ростом скотоводства и увеличением его роли в крестьянском хозяйстве повышается спрос на сенокосы. В крестьянских наказах появляются жалобы, что покосы заливаются рекой и вода портит и сносит сено, засыпает пастбища и пожни песком и т. д. и что следствием этого является сокращение поголовья скота в хозяйстве удорцев. В документах встречаются указания на существование в крае хозяйств, вообще не имеющих скота⁹. Однако в целом на Удоре в XVIII в. скотоводство достигло все же значительного развития. Так, например, в 1771 г. в 68 крестьянских дворах погоста Пысса имелось 124 лошади, 236 коров и 448 овец, в 144 дворах погоста Кослан — 263 лошади, 576 коров, 1004 овцы, в 139 дворах Глотовой слободки — 210 лошадей, 695 коров, 673 овцы¹⁰. Содержание большого поголовья в зимний стойловый период требовало заготовки большого коли-

⁹ «Материалы Екатерининской... комиссии», т. XI, стр. 247—249.

¹⁰ «Очерки по истории Коми АССР», т. I, стр. 153.

чества кормов. А это не всегда было под силу крестьянской семье, особенно если в ней имелось мало рабочих рук. Тем более, что пожни отдельных поселений располагались довольно далеко от деревень. Поэтому некоторые крестьянские дворы имели только минимум необходимого поголовья скота. Здесь же следует отметить и то, что использование тягловой силы животных в крае было весьма ограниченным из-за отсутствия пригодных дорог.

Вышеприведенные сведения как по земледелию, так и по скотоводству указывают на то, что в XVI—XVIII вв. эти занятия не являлись основными в хозяйственной деятельности удорского крестьянина. Они имели натуральный характер. Лишь в XVIII в. продукты в незначительной степени начинают поступать на рынок, что говорит о дальнейшем развитии этой отрасли хозяйства.

Несравненно более важную роль в комплексе занятий удорского крестьянина играли промыслы, прежде всего охота и рыболовство. Для развития охотничьего промысла в крае имелись все условия. Удорские просторы были покрыты бескрайними лесами. В начале XVII в. при основании монастыря возле Вендинги было выделено «угодье к тому церковному месту диково лесу вверх по реке по Удоре на версту, а вниз на версту же...»¹¹. Эти леса являлись источниками ценной пушнины и дичи, шедших как на продажу, так и для потребления в семье охотника. В XVI—XVII вв. удорские охотники добывали таких ценных животных, как бобр, соболь, горностай, белка и др. В перечислении оброчных статей писцами специально подчеркнуто, что оброк полагается «за соболи, за белку... и за бобровые гоны».

Основными орудиями охоты служили различные ловушки, в частности упоминаемые писцами слопцы и плашки. Судя по количеству и распространению ловушек в поселениях Удорского края, можно полагать, что большинство населения занималось охотничьим промыслом. Писцы указывают, что различного типа ловушки имелись почти в каждом населенном пункте края. В очень немногих, а именно в трех из 27 поселений края, не имелось никаких ловушек (дер. Остров, починки Пысса и Власки Трифонова). Число ловушек в разных поселениях было различным — от 30—40 до 400. Соответственно и при расчете ловушек по дворам в средних цифрах также получается значительная разница: от 4—5 до 50 ловушек на двор. Наибольшее число ловушек на двор приходилось в таких поселениях, как Вильгорт (54), Усть-Пучкома (32), Ертома (24) и Муфтюга (23). Отметим, что больше всего ловушек имелось как раз в тех поселениях, где жили экономически более крепкие крестьяне. Выше уже упоминалось, что «лучшие» дворы имелись на Удоре лишь в Вильгорте, Усть-Пучкоме, Коптюге и Важгорте. Так, в Вильгорте было 2 «лучших», 2 «средних» и 4 «молотчих» двора, имевших в

¹¹ АВШ, стр. 323.

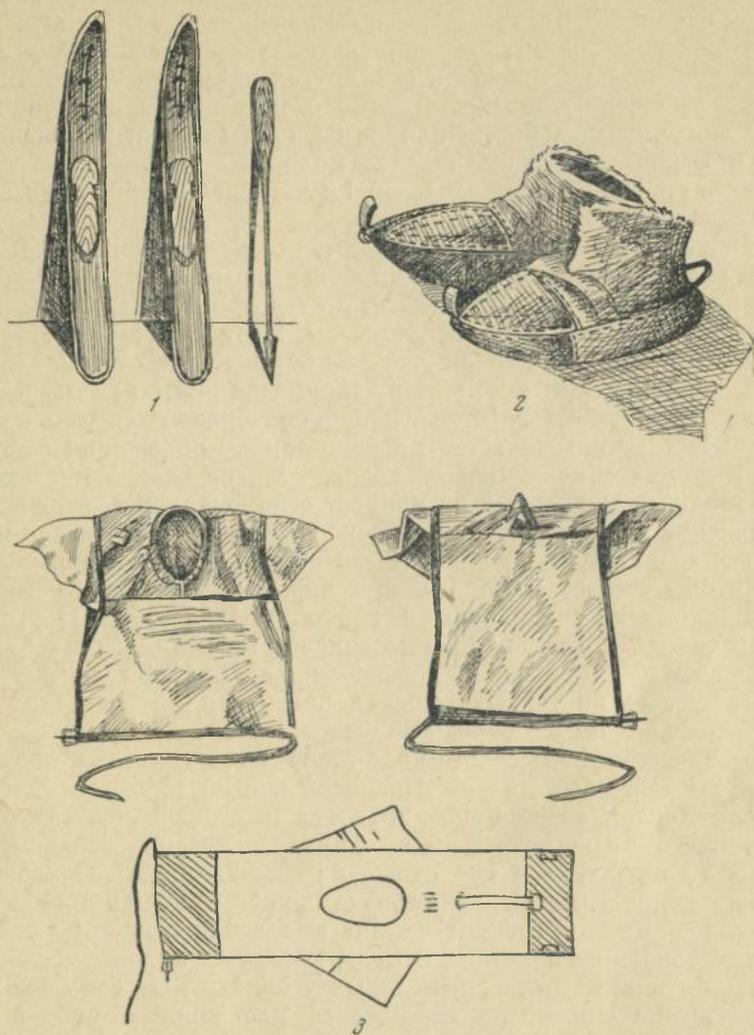


Рис. 2. Снаряжение охотника

1 — лыжи, обитые мехом (*лызь*), палка с наконечником (*койбедь*); 2 — специальная лыжная обувь (*лызькбм*); 3 — накладка (*лоз*), вид спереди, сзади и изнутри

среднем по 3 чети пашни, 54 копны сена и 54 ловушки. В Усть-Пучкоме на 1 «лучший», 1 «средний» и 4 «молотчих» двора в среднем приходилось 3,8 чети пашни, 50 копен сена и 32 ловушки¹².

Чтобы роль промыслов в хозяйстве удорца выглядела еще более убедительно, приведем ряд других примеров. А дер. Ертома, где имелось 2 «средних» и 7 «молотчих» дворов, в среднем на двор приходилось 0,6 чети пашни, 33 копны сена и 24 ловушки. В дер. Вылиб на 3 «средних», 2 «молотчих» и 1 «бобыльский» дворы в среднем приходилось по 1,8 чети пашни, 50 копен сена и 13 ловушек и т. д.

Приведенные примеры убеждают, что наличие значительных пахотных и сенокосных угодий еще не решало вопроса об экономической состоятельности крестьянского двора. Весьма важную роль здесь играли промыслы. Недаром сами крестьяне в челобитной подчеркивали, что они кормятся не от земледелия и скотоводства, а от промыслов («кормятся пиктой да зверем»). Роль промыслов в хозяйстве удорцев подчеркивается также тем, что в 1585 г. правительство провело замену обложения по размерам пашни обложением по дворам. Малое количество пахотных угодий и медленный их прирост ограничивали возможности увеличения налогов. Поскольку основными занятиями были промыслы, то наиболее удобным было обложение по дворам. Для того чтобы учесть все подлежащие оброку промысловые угодья, была проведена специальная перепись в 1585—1586 гг., когда писцы со всей тщательностью переписали все реки, речки и озера, имевшиеся на территории Удорского края. До 1585 г. эти промысловые угодья не учитывались. «А преж сего,— указывали писцы — с тех рек и озер оброку не было».

О значении промыслов в крае говорит также факт существования беспашенных дворов. Писцовой книгой 1585 г. отмечен в погосте Кослан «двор Гашко Федоров беспашенный». По переписи 1608 г., в погосте Вендинга имелось восемь беспашенных дворов (3 «средних», 4 «молотчих» и 1 «бобыльский»). Основным, если и не единственным, занятием этих крестьян были промыслы. О роли промыслов говорит и факт выделения в крае на содержание церквей не пахотных земель, которыми наделялся только причт, а специальных промысловых угодий. Так, «речка Лупя дана изстари Николе на сооружење церковное с бобровыми гоны и с рыбными ловлями и с звериными ухожен». Ясно, что для строительства и содержания церкви использовались именно те отрасли местных занятий, которые могли дать большие средства.

Охотничьи путики (тропы, проложенные в чаще леса по местам, удобным для дичи) и расставленные на них ловушки находились в индивидуальном владении охотников. В сотной с писцовой книги 1585 г. прямо указано, что крестьянин Ондрюш-

¹² АВШ, стр. 324—326.

ка Власов имел 50 слопцов. Кроме охоты на пушного зверя, в Удорском крае большое распространение имела ловля птицы, главным образом водоплавающей, употреблявшейся крестьянами в пищу. Ловили ее особыми сетями, так называемыми перевесьями, которые, согласно имеющимся описаниям, устраивались следующим образом. Подыскивалось удобное место обычно между двух озер, и вырубалась связующая их просека. Посредине нее навешивалась сеть. К ловле приступали вечером. Сытую и уставшую птицу спугивали с озера. В этом случае она обычно высоко не поднималась и устремлялась в просеку, где и запутывалась в невидимых в полумраке сетях.

По сравнению с другими ловушками перевесья были распространены меньше. В начале XVII в. во всем Удорском крае имелось 21 перевесье, т. е. в среднем менее чем по одному на населенный пункт (в крае в 1608 г. было 27 поселений). Обычно в поселении имелось одно перевесье (редко два), но отдельные поселения имели их до пяти (дер. Муфтюга и погост Глотова слободка). В поселениях Глотовой слободки устройство перевесья было более распространено, чем в Удорской волости. В последней только в поселениях Вендингского погоста имелись перевесья да в упомянутой выше Муфтюге. Перевесья находились в собственности всей деревни («да у них же угодые перевесье..») в отличие от индивидуальных ловушек — слопцов и плашек горностаевых. Эти виды ловушек, видимо, приносили основной доход на промыслах, и поэтому-то они и переписаны весьма тщательно писцами. Как интересный факт можно упомянуть странное отсутствие горностаевых плашек в поселениях Глотовой слободки. Там писцами указаны только слопцы. Возможно, что ловушки типа плашек здесь не применялись. Кроме того, по общему числу ловушек, приходившихся на населенный пункт, поселения Глотовой слободки были значительно беднее поселений Удорской волости. Если в первой в среднем приходится 5—6, то в последней — 10—11 ловушек на двор.

Наряду с охотой большое значение в хозяйстве крестьян Удорского края играло рыболовство. «Рыбные ловли» также были внесены писцами в список, как подлежащие особому оброку. О значении рыболовства говорит также факт выделения специальных рыболовных тоней и состав церковных угодий. Рыболовные угодыя находились во владении всей общины и в индивидуальную собственность передаваться не могли.

Другие виды промыслов в XVI—XVII вв. не получили распространения. В сотной с писцовой книги 1585 г. упомянут лишь один «бобыль портной мастеришко», который, видимо, ничем иным, кроме портняжного ремесла, не занимался.

В XVIII в. охотничий промысел заметно сокращается; резко падает количество добываемой пушнины, в частности горностая и белки. Это уменьшение промыслового зверя в удорских лесах не могло не способствовать ухудшению положения местного

крестьянства, увеличению его задолженности по уплате царских податей, так как последние уплачивались именно из промысловой добычи. Падению промыслов способствовало не только сокращение количества промысловых животных в лесах Удоры, но и политика царского правительства, которое в конце XVIII в. запретило охотиться в лесах по рекам Мезени и Вашке и их притокам под тем предлогом, что устройство путиков и промысловых избушек будто бы портит корабельный лес. Конечно, это запрещение мало соблюдалось охотниками, так как правительство было не в состоянии организовать правильную охрану лесов, но в то же время оно и не способствовало развитию охотничьего промысла.

Несколько лучше обстояло дело с рыболовными промыслами. Запасы рыбы в реках и озерах оставались еще весьма значительными, и рыбаки добывали достаточное ее количество не только для собственного питания, но также для продажи и обмена на другие необходимые продукты. Так, в челобитной крестьянина Артеева указывается, что население Глотовой слободки меняло рыбу на хлеб¹³. Для продажи и обмена главным образом шли такие ценные сорта рыбы, как семга и нельма, которые вылавливались в Мезени и Вашке в весьма значительных количествах. Однако ни развитое рыболовство, ни продажа и обмен рыбы на другие продукты не могли привести к заметному улучшению крестьянского хозяйства. Рыболовство лишь в какой-то степени спасало крестьянство от голода и разорения, но оно не могло заменить земледелия и скотоводства.

Недостаток хлеба особенно тяжело отражался на удорском населении. Голодающие крестьяне вынуждены были питаться всевозможными суррогатами. Так, в своих наказах они неоднократно жалуются на то, что им приходится вместо хлеба употреблять в пищу сосновую и пихтовую кору да траву борщевик¹⁴.

Перевод Крещенской ярмарки в Важгорт явился причиной расширения в Важгортской и соседних волостях обработки льна и шерсти, из которых крестьяне стали ткать холст и сукно уже не только для собственных нужд, как это было прежде, но и на продажу. Крещенская ярмарка в Важгорте (с Воскресенское) проводилась ежегодно с 6 по 18 января. «И на оную,— по данным «экономических примечаний»,— съезжаются купцы из разных городов с разными мелочными крестьянскими товарами и из разных волостей крестьяне и самоеды с оленями и печорской семгой для продажи проезжим купцам»¹⁵. Основным товаром на ярмарке была добыча охотничьего промысла — меха. Перенесенная в Важгорт из Турьи с Выми¹⁶ Крещенская ярмарка была

¹³ ЦГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 191, лл. 1—1 об.

¹⁴ «Материалы Екатерининской... комиссии», т. XI, стр. 248—249.

¹⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1274, лл. 73—81.

¹⁶ «Первая поездка на Удору». ВГВ, 1847, № 41—42.

в крае единственной и играла весьма важную роль в развитии сельского хозяйства и промыслов удорского крестьянства особенно в XIX в.

* * *

XVI—XVII вв. в России являются периодом дальнейшего развития и укрепления феодализма, периодом окончательного закрепощения крестьянства и резкого усиления его эксплуатации. Процесс развития феодализма захватил и отдаленный Удорский край.

Основным феодальным собственником земель Удорского края было государство. Частное землевладение здесь не получило широкого распространения. Светские феодалы вообще отсутствовали, а духовное землевладение было представлено лишь в лице карликового Троицко-Крестовоздвиженского монастыря, основанного, судя по имеющимся данным, в начале XVII в.¹⁷ К 1658 г. монастырь завладел пашнями дер. Шиляево, которые по переписи 1608 г. принадлежали шести крестьянским дворам этой деревни. Монастыря в этом году на Удоре еще не было. Имелось лишь «место церковное живоначальные Троицы, да угодья к тому церковному месту диково лесу по реке по Удоре на версту, а вниз на версту ж». В грамоте 1485 г. имеется указание на существование на Удоре близ Вендинги какого-то монастыря¹⁸, но даже если это так, необходимо признать, что в XVI в. этот монастырь, видимо, закрылся и был восстановлен в начале XVII в. Монастырь этот в XVII в. был невелик, с незначительным числом монахов, ибо для прокормления их достаточно было пашен дер. Шиляево, которые в 1608 г. насчитывали «4 чети в поле, а в дву потому ж...» Длительная борьба крестьян против захвата монахами земель закончилась поражением. По указу архиепископа Маркелла в 1658 г. пашни дер. Шиляево были закреплены за монастырем. Дополнительно в его пользу Маркелл приказал отобрать у крестьян и заречную пожню¹⁹. Таким образом, этот монастырь был единственным феодалом на Удоре.

Земли, выделенные волостью для содержания церковного причта, были весьма незначительны. Во всей Удорской волости насчитывалось таких земель «3 чети в поле, а в дву потому ж, сена 30 копен», да в Глотовой слободке было также «3 чети в поле, а в дву потому ж, сена 80 копен»²⁰. Церковные деятели предпринимали неоднократные попытки увеличить свои земли,

¹⁷ *И. Суворов*. Троицко-Крестовоздвиженская мужская пустыня, «бывшая в нынешнем Яренском уезде Вологодской епархии на Удоре». ВЕВ. 1868, стр. 194—195.

¹⁸ Жалованная грамота великого князя Ивана III от 1485 г. «Историко-филологический сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 245.

¹⁹ *И. Суворов*. Указ. соч.

²⁰ АВШ, стр. 328 и 331.

но эти попытки наталкивались на сопротивление крестьянства и далеко не всегда заканчивались успешно. Так, еще в XV в. «три пусы земли отнял владычен слуга у Митки Гридина сына и дал попу Ивану Никольскому на Удоре», и эта земля по грамоте великого князя Ивана III от 1490 г. «взята Митке назад». Видимо, этот насильственный захват крестьянских земель принял широкий размах, поскольку правительство вынуждено было издать запрещение («вперед князем Вымским и волостным людем: вымичам, сысоленом и удореном и всем людем Вычегодские земли земель волостных, деревень и пустошей, дворов и пожен и озер и рек и иных всяких угодий владыкам и их людем и игуменом и попам не продавать ни в закуп ни по душе не давати») ²¹.

Подобные запретительные грамоты московских князей несколько задерживали рост частного землевладения на территории коми. Поэтому в XVI—XVII вв. главным собственником земель Удорского края оставалось государство, а удорское население относилось к группе государственных черносошных крестьян. «Среди этой группы крестьянства существовала община, которая охватывала значительное число деревень, население которых составляло «мир»» ²². Эта территориальная община носила название «волости». В Удорском крае в XVI в. известны две волости: Косланская и Удорская, а также Глотова слободка. Крестьяне, жившие на территории волости, владели индивидуальными земельными участками, а также пожнями и некоторыми промысловыми угодьями на правах собственности. Они могли продавать свои пашни («двор Митюшко Сидоров, да у него прикупная пашня»), отдавать в заклад за долги («пашня у него в закладе у Михалка у Жилина») и т. д. Наряду с пахотными землями могли идти на продажу и в заклад также пожни и охотничьи угодья («... двор Ондروشка Власов, да у него в деревне на Якшере прикупная пашня с лугом и угодья»). Вся оставшаяся земля с находившимися на ней угодьями принадлежала общине в целом ²³. Дела, касавшиеся общины, обсуждались на общем собрании «мира». На них решались все вопросы внутренней жизни. Кроме того, община имела некоторые судебные права: могла разбирать мелкие уголовные преступления своих членов, выступала в качестве юридического лица при защите волостной территории от посягательств крупных духовных и светских феодалов и т. д.

Для государства наиболее важной была ответственность общины за своевременное поступление налогов, так как она сама

²¹ Жалованная грамота великого князя Ивана III, 1490 г. «Историко-филологический сборник», вып. 4, стр. 251—252.

²² «Очерки истории СССР» (период феодализма, XIV—XV вв.). М., 1953, стр. 42.

²³ Л. Н. Жеребцов. Положение крестьян Глотовой слободки во II половине XVI в. «Труды КФАН», вып. 5. Сыктывкар, 1957 г.

раскладывала установленные подати. В сотной 1585 г. специально отмечено, что «считатися им в оброке и во всех государевых податех Глотовой слободки меж себя самими смотря по своим животам, по промыслам, как промеж себя прежде сего считатися». Впрочем, если община в срок не выплачивала подати, то правительство не стеснялось вмешиваться в дела волости, присылая специальных приставов для сбора задержанных денег. «А не заплатят они того оброку на тот срок и в том оброке послать по них пристава из прогонов, а велети на них тот оброк и прогоны доправить вдвое»²⁴.

Суммы оброка в Удорском крае до 1585 г. устанавливались, исходя из количества обрабатываемых пахотных земель. Так, например, около середины XVI в. (в 1569 г.) крестьяне Глотовой слободки платили «оброку 2 рубля без гривны, за городовые и за засечные дела 25 алтын, за емчужные дела полтина, приметных 4 алтына с деньгою, пошлин казначеевых и дьячих и казенных подъячих 4 алтына». К 1585 г. в связи с некоторым ростом населения, а следовательно, и массива пахотных земель, сумма оброка, взимавшегося с глотовских и удорских крестьян, несколько возросла, однако незначительно. Так, в сотной 1585 г. сказано, что крестьяне Глотовой слободки «оброку давали с полусохи 3 рубля 4 гривны, за городовое и за засечное дело 25 алтын, а за емчужное дело полполтины, приметных денег 4 алтына с деньгою, пошлин 2 гривны». Такой весьма незначительный рост налогов не удовлетворял правительство, стремившееся выкачать из крестьянства возможно больше денег, а потому после переписи 1585 г. размер податей был резко повышен, причем обложению были подвергнуты не только пахотные земли, как было раньше, но и промысловые угодья. Писцы указывают, что «преж сего с тех рек и озер оброку не было. А по государеву указу на них оброку за соболи и за белку, и за городовое и за засечное, и за емчужное дело, и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны, и за пашню, и за всякие угодия с двора по полтине». Столь резкое увеличение суммы оброка, безусловно, должно было очень неблагоприятно сказаться на экономическом состоянии крестьян, которые, как указывают писцы, были «люди не торговые и не прожиточные».

Однако этим не ограничивалась сумма налогового обложения. Кроме этого оброка, собирались особые сибирские запасы хлеба, которых в год взималось со всех вычегодских, вымских, сысольских, плесовских и удорских крестьян 400 четей. Из тех же крестьян почти ежегодно направлялись на Лозву для строительства судов 10 плотников, на содержание которых крестьяне собирали по 10 руб. на человека. Из менее регулярных повинностей

²⁴ Отпись из московского приказа в приеме данных и оброчных денег от посельщиков Глотовой слободки от 1569 г. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 34.

удорских крестьян следует отметить содержание ратных людей, набираемых время от времени на месте же, для которых крестьяне собирали по 20 руб. в год на человека, переселение нескольких наиболее зажиточных («лучших») семейств в Сибирь для освоения ее, для помощи которым на строительство в новых местах собиралось с крестьян по 60 руб. на человека и т. д. Кроме того, крестьяне были обязаны перевозить людей и грузы в Сибирь. Зимой этот путь составлял 500 верст, а летом по рекам — свыше 2 тыс. верст. «И у них де в прогонах исходят на год со всякие сошки по сту по сороку по шти рублей»²⁵. Таковы были главные налоговые статьи и повинности, лежавшие на плечах удорцев. При этом следует указать, что остаются совсем неучтенными различные косвенные налоги. Все эти подати собирались большей частью деньгами, даже «сибирский хлеб», ибо хлеба на Удоре не хватало на пропитание самого местного населения. Замена хлеба деньгами проводилась из расчета 3 руб. за четверть.

Громадное увеличение налогов, проведенное после 1585 г., резко ухудшило положение крестьянства. «И они де вычегжане и вымичи и сысоличичи и удоричи и плесяне и владычны сошки посадские люди и волостные крестьяне платячи те оброчные и данные деньги и в сибирских хлебных запасах и в плотниках и в ратных людях и в гонцах и в подводах и в прогонных деньгах обнищали и обдолжали великими долги и многие посадские люди и волостные крестьяне от того разбежались безвестно, и двory их и выти многие запустили». Разорение крестьян и стихийная борьба их против усиления налогового гнета, выражавшаяся в бегстве и подаче жалоб на царское имя, заставили правительство пойти на уступки и уже через 10 лет после введения новых размеров налогов, в 1595 г., снизить его сумму и величину сибирских хлебных запасов наполовину («... Велел с них дани и оброку платити со двора по полу-полтине, ... сибирского хлебного запаса сбавити с них половину...») ²⁶. В этом размере оброк сохранился в начале XVII в. В писцовой книге 1608 г. указано, что «оброку за соболи и за белку и за городовое и за засечное и за емчужное дело и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны и за всякие угодыя с двора по полу-полтине...» ²⁷.

Однако эта уступка правительства не могла серьезно улучшить положение крестьянства, так как оставшаяся сумма налога была весьма велика и, кроме того, сохранились все упомянутые выше обложения на содержание плотников, ратных людей и т. д. Более того, в XVII в. правительство вводит ряд новых налогов.

²⁵ Жалованная грамота Федора Ивановича от 4 января 1595 г. вычегжанам, вымичам, сысоличам, удорцам и плесовичам о сложении с них половины данных и оброчных денег. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 34.

²⁶ Там же.

²⁷ АВШ, стр. 328.

Так, кроме сбора сибирских хлебных запасов, были введены новые сборы на содержание московских стрельцов. В 1655 г. стрелецких хлебных запасов в денежном выражении взималось «с Удорской волости 57 рублей, ... с Готовы слободки 23 рубля 9 алтын полторы деньги»²⁸. Причем эти суммы постоянно возрастали, и в 1674 г. с Удорской волости собирали уже 175 руб., а с Готовой слободки 87 руб. с полтиной²⁹.

Важным средством выколачивания денег из населения была также царская винная монополия. В волостях запрещалось как курение вина для собственного потребления, так и продажа его на сторону. Торговлей «кабацкого питья» занимались исключительно царские кабаки. Крестьяне резко возражали против этой торговли, требовали закрытия кабаков, даже изгоняли царских целовальников, запрещая им производить «винные продажи» в своих волостях. Так, в грамоте 1651 г. указано, что «посылал он, кабацкий голова, к вам в Удорскую волость с нашим кабацким продажным питьем кабацкого целовальника Еремку Савельева, и вы того целовальника на кабак не пустили и из волости выбили вон»³⁰.

К неподчиняющимся крестьянам применялись суровые наказания, но в ряде случаев, как, например, на Удоре, никакие репрессии не могли сломить упорство крестьян, не желавших допускать продажу вина в своих землях, ибо это приводило к еще большему разорению крестьянства. В таких случаях правительство вынуждено было идти на некоторые уступки и разрешать крестьянам самим собирать деньги на счет кабацких прибылей без продажи вина. Подобным компромиссом закончилась борьба удорцев против царского кабака. В царской грамоте 1651 г. указано, что «нынешнего 159 году впредь в Удорской волости кабаку быть не велено. А за кабак тое Удорское волости крестьянам велено платить по 100 рублей на год». Таким образом, несмотря на все упорство крестьян, им удалось добиться лишь того, чтобы кабак в их волости был закрыт, но обложение в небольшую сумму 100 руб. на них осталось, причем вскоре оно было повышено до 118 руб. 21 алтына полчетверти деньги, да и «впредь велено за кабак присылати потому же, ежегод беспреводно»³¹.

²⁸ Царская грамота о сборе стрелецких денег на 1656 г. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 34.

²⁹ Память стрелецкого приказа земским судейкам Сясьской, Сужгипской, Сухорской и Вишерской волостей и Готовы слободки о сборе стрелецкого хлеба. «Дополнения к актам историческим», т. VI. СПб., 1857.

³⁰ Царские грамоты в Удорскую волость старостам, целовальникам и всем крестьянам о неповиновении удорских крестьян по сбору кабацких пошлин и о переводе Удорской волости на откуп по кабацкому делу от 1651 г. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 34.

³¹ Царская грамота в Удорскую волость о сборе и присылке данных, оброчных, кабацких, стрелецких и полоненичных денег и недоимок за прошлые годы от 1656 г. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 34.

Тяжелой повинностью ложилось на крестьянство обслуживающие Сибирской дороги. Крестьяне должны были сами содержать за свой счет ямщиков и т. д. С Удорской волости и с Глотовой слободки в XVII в. на содержание ямщиков взималось по 20 руб. в год³². Можно указать еще на целый ряд налоговых ставок, направленных на выкачивание средств из крестьянства. Особенно много различных временных сборов проводилось в период военных действий и в послевоенное время, когда царская казна оказывалась истощенной. Так, очень часты были различные пятинные сборы, т. е. сбор пятой деньги с имущества, в начале XVII в. в период борьбы с польско-шведской интервенцией и после ее окончания. Всевозможные новые налоги были введены в конце XVII — начале XVIII в. в период длительных войн, начатых еще Софьей, но особенно развернувшихся при Петре I. Например, в 1700 г. был проведен специальный сбор денег на покупку конских кормов по 2 алтына и 4 деньги с двора и на строительство флота по 3 руб. с двора³³. Можно упомянуть еще такие налоги, как полоняничные деньги (на выкуп русских пленных), различные судебные пошлины и т. д.

В 1701 г. были введены новые сборы при сохранении всех прежних. В челобитной крестьян Усть-Вымской, Оквадской и Коквицкой волостей указывается, что «велено ему, сыну боярскому, с нас, сирот твоих, собрать конских кормовых денег со 130 дворов с двора по 10 денег: да на 209 год вытного земляного оброку 46 рублей 15 алтын, с Сеньки Попова с братья оброку ж 9 алтын 4 денги, да на прошлой 1700 год в платеже адмиралтейских дел на карабельную починку по 4 алтына с деньгою, отвозу и в московскую держь по 2 денги с двора, да на нынешней 1701 год для свейской службы по полуполтине с двора, седельных по полутретье денге, отвозу и в московскую держь по 2 денги с двора, да на нынешней же 1701 год конских же кормовых с двора по 10 денег, отвозу по 2 денги с двора жь...»³⁴. В данной челобитной нет упоминаний об Удорском крае, но несомненно, что перечисленные здесь сборы ложились на плечи и удорского крестьянства.

В конце XVI в. и в первой половине XVII в. значительная часть налогов взималась натурой. Натуральными были также сборы сибирских и стрелецких хлебных запасов. Однако уже в середине XVII в. в ряде волостей, в том числе в Удорской и Глотовой слободке, сдача натурой была заменена деньгами.

³² Царская грамота в Глотову слободку и Удорскую волость с приказанием вносить ежегодно по 20 рублей с сохи на ямскую гоньбу от 1650 г. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 34.

³³ Память вологодского и белозерского архиепископа Гавриила целовальникам вотчины Устьвымской... о сборе оброчных денег за 1698—1699 гг. и на покупку конских кормов и на корабельное строение от 1700 г. Там же.

³⁴ Челобитная крестьян Устьвымской, Оквадской и Коквицкой волостей от 1701 г. ВЕВ, 1900, стр. 316—318.

В наказной памяти из Новгородской четверти в Яренский уезд на 1646 г. указано, чтобы «вместо сошного хлеба отвозили в Сибирь на Верхотурье деньгами...»³⁵ Во второй половине XVII в. уже все натуральные платежи были заменены денежными, причем в это же время была проведена окончательная замена сошного обложения подворным. В 1679 г. был введен подворный сбор и стрелецких денег. В наказной памяти яренского воеводы земским судейкам, старостам и целовальникам указано собирать «во всех волостях, в погостах и деревнях, в станах, с крестьянских и с бобыльских с дворов... и со вдов, и недорослей, которые в ваших волостях живут дворами, ... даточным людем на корм по рублю со двора...»³⁶ В начале XVIII в. была введена такая же подворная раскладка ямских денег. В царской грамоте 1721 г. сказано, что «с Удорских волостей и Глотовы слободки для управления ямских подвод с лошадьми и деньгами сказываются по дворовому числу по книгам 186 году ныне и впредь в равенство по полтине с двора...»³⁷.

В последующие годы налоги еще более повышаются. В 1724 г. Петром I были проведены новые реформы налогового обложения, по которым прежний налог, взимаемый с двора, был заменен налогом с мужской души. Введение подушной подати среди финансовых мероприятий Петра I имело решающее значение. Эта подушная подать по абсолютной величине оказалась намного тяжелее, чем обложение предшествующего времени. Ее тяжесть особенно усугублялась тем, что она не заменила всех прежних повинностей, как намечалось реформой³⁸. Подушная подать была вначале установлена по 70 коп. с души. В последующие годы она несколько раз увеличивалась. Был введен для государственных крестьян дополнительный оброчный сбор, равный 40 коп. с души. К концу XVIII в. государственные крестьяне платили подушную подать 1 руб. и оброчного сбора 3 руб. с души. Кроме подушной подати, сохранились всевозможные повинности, число которых к концу века дошло до 100. Все это приводило к понижению жизненного уровня крестьянства, к все большему имущественному расслоению его, к разорению и обнищанию беднейших слоев и к обострению классовой борьбы.

³⁵ Наказная память из Новгородской четверти в Яренский уезд, в Сысольские волости, в Ужгу, в Глотову слободку... с указанием на 1646 год ввезти сибирские хлебные запасы деньгами. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 34.

³⁶ Наказная память яренского воеводы Романа Яковлева земским судейкам, старостам и целовальникам об отмене посшного сбора стрелецких денег и установлении рублевого подворного сбора на жалованье московским стрельцам от 1679 г. «Дополнения к актам историческим», т. 8, СПб., № 49.

³⁷ Царский указ по челобитию посыльщика сысольских волостей Никифора Болотова... обслуживать Киберский, Пыелдинский и Ужгинский ямы на Сыsole сообща всем Яренским уездом от 1721 г. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 1, оп. 1, д. 34.

³⁸ «Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в.». М., 1954, стр. 392—393.

Население Удорского края уже с XVI в. не было однородным. Писцовые книги делят крестьян на четыре группы: «лутчих», «средних», «молотчих» и «бобылей». В количественном отношении эти группы весьма неравномерны. Из общего числа в 241 жилой двор в начале XVII в. имелось «лутчих» — 5, «средних» — 36, «молотчих» — 170 и «бобыльских» — 30. Все 5 «лутчих» дворов были в Удорской волости. Давая точные сведения о числе тех или иных крестьянских дворов, указывая, чей двор является лучшим или средним и т. д., писцовая книга не сообщает, к сожалению, каково было хозяйство этих крестьян, чем они владели, сколько принадлежало им земли, какое количество скота они содержали и т. д. Приведенные выше цифры и сравнение количества земли, запасаемых копен сена и ловушек показывают, что «лутчими» крестьянами были те, кто владел крупным участком земли в 3—4 чети (вероятно, и больше), заготовлял значительные запасы сена для скота и имел несколько десятков разнообразных ловушек. Кроме того, они прикупали, брали в заклад и иными путями захватывали в свои руки земельные участки, луга и пашни, а также и промысловые угодья своих «малопржиточных» односельчан, увеличивая свои богатства. К этой группе относились упомянутые выше Михалко Жилин, Ондрюшка Власов и др.³⁹ Группа эта была, конечно, немногочисленна, однако роль «лутчих» крестьян в волостном управлении, в сельской общине была весьма значительна. Именно им вместе с группой средних крестьян принадлежало руководство общиной. Недаром в писцовых книгах с XVI в. повторяется указание писцов, чтобы «промеж себя удоричем во всяких податях считатися смотря по своим животом и по промыслам, а класти им меж себя в размет на лутчих людей побольше, а на средних по среднему, а на молотчих поменьше, а лишка им на молотчих людей не класти, чтоб от тово молотчие люди не разошлись».

Не имея права вмешиваться во внутренние дела общины и озабоченное тем, чтобы неравномерное распределение налогов не привело к разорению маломощных «молотчих» крестьян и к сокращению числа налогоплательщиков, московское правительство пыталось через писцов как-то регламентировать их раскладку, но попытки эти, видимо, оказывались неудачными, поскольку разорение, обнищание и бегство крестьян не прекращались. Главная причина разорения, конечно, состояла в тяжком налоге царского правительства, но немаловажную роль играла и непропорциональная раскладка налогов среди общинников.

Давление налогового пресса — основная причина бегства крестьян. Писцовые книги пестрят указаниями на опустевшие дворы, хозяева которых бежали на новые места в поисках лучшей жизни. Чаще всего встречается отметка, что владелец двора

³⁹ Сотная с писцовой книги 1585 г. «Материалы по истории Европейского Севера СССР», вып. 1, 1970, стр. 463—467.

«шел безвестно» («двор пуст Тимошки Степанова, шел безвестно во 110-м году»). Но в некоторых случаях писцы прямо указывают в книге, в какое место ушел беглец («двор пуст Павлика Иванова, сбежал на Двину во 110-м году» или «Двор пуст Иванка Маркова, шел в Сибирь во 110-м году») и т. д. Основные направления бегства крестьян Удорского края, насколько удастся установить, — это Сибирь, Северная Двина и верхняя Вычегда. Фамилия Удоратиных встречается, например, в переписных книгах 1720 г. в дер. Важкурья (на Вычегде)⁴⁰. Всего в писцовой книге 1608 г. записано 17 крестьянских дворов, хозяева которых бежали из края.

Довольно значительная группа крестьян Удорского края в XVII в. обнищала и была не в состоянии вести самостоятельное хозяйство. В писцовых книгах неоднократно встречаются указания, что хозяева опустевших дворов обитают в той же волости, нищенствуют («двор пуст Терешки Иванова, обнищав ходит по дворам»), идут внаймы («двор пуст Ивашки Костина, а Ивашка живет в наймах») и т. д. Внаймы, вероятно, больше всего шли бобыли. К сожалению, о роде занятий писцовые книги не сообщают. В редких случаях писцы отмечают, что бобыль «ходит по дворам», нищенствует («двор бобыль Сенька Прокофьев, ходит по дворам»). Обычно же просто указывается, что владелец двора — бобыль («двор бобыль Овдокимка Ермолин»). Отсутствие какого-либо самостоятельного хозяйства у бобылей подчеркивается и в писцовых книгах. В частности, это заметно в распределении налога. Если с крестьянского двора полагалось по полуполтине, то с бобыльского — всего алтын. В 1608 г. во всем Удорском крае было 17 дворов, хозяева которых «ходили по дворам»⁴¹.

Вследствие дальнейшего усиления налогового гнета положение крестьян Удорского края в XVII в. все более ухудшалось. Писцовые книги 1646 и 1678 гг. показывают, что несмотря на некоторый рост населения края и увеличение числа крестьянских дворов характерным для XVII в. является наличие массы пустых дворов, число которых катастрофически возрастает. По данным 1646 г., в Гловой слободке на 62 жилых двора (54 крестьянских и 8 бобыльских) имелось 38 пустых дворов, в погосте Кослан на 45 дворов (20 крестьянских и 25 бобыльских) — 12, в погосте Вендинга на 85 дворов (33 крестьянских и 52 бобыльских) — 30 и в погосте Важгорт на 154 двора (68 крестьянских и 86 бобыльских) 93 пустых двора⁴².

Дальнейшее закрепощение, усиление эксплуатации, рост налогов и повинностей не давали крестьянству улучшать свое

⁴⁰ Переписная книга по отхожим волостям Яренского уезда 1720 г. Рукописный фонд научного архива КФАН, ф. 11, оп. 1, д. 36.

⁴¹ АВШ, стр. 323—332.

⁴² «Коми му», 1927, № 1-2.

хозяйство. Земля плохо вознаграждала крестьян за их труд. Часты были неурожай и голод. Промыслы приносили весьма незначительную прибыль, так как основная часть добычи шла на уплату бесчисленных царских налогов, взимавшихся с удорских крестьян в денежной форме. Все это мало способствовало оседанию удорского населения на месте.

XVIII век в истории Удорского края был периодом дальнейшего закрепощения крестьянства, периодом усиления эксплуатации и увеличения налогового гнета. Положение трудящихся масс края к концу XVIII в. становится еще более тяжелым и беспросветным. Стихийное возмущение крестьянства, выразившееся в подаче челобитных, побегах, отказах от уплаты налогов, разгроме кабаков и изгнании целовальников и т. д., не могло привести к облегчению их положения. Широкие же массовые движения в крае в XVI—XVIII вв. неизвестны, так как крестьянство глухой Удоры не было готово к подобным формам борьбы⁴³.

Культура удорцев

Как в исторической, так и в этнографической литературе нет специальных исследований по материальной культуре коми в феодальный период. Исследователи обычно ссылаются на недостаток или отсутствие необходимых материалов. Однако подобные утверждения не соответствуют действительности. Изучение архивов доказывает, что средневековая культура коми может быть освещена, хотя и не с исчерпывающей полнотой. Круг доступных нам документов заставляет нас обратить основное внимание на материальную культуру XVII—XVIII вв. (главным образом жилище и одежду). Более ранние периоды в имеющихся у нас материалах представлены слабо.

Для древних поселений удорцев, как и вообще всех коми, была характерна беспорядочность в расположении построек. С XVIII в. она постепенно начинает вытесняться рядовым расположением домов, которое в XIX в. становится господствующим типом планировки в поселениях удорских коми. Сам крестьянский двор в XVI—XVII и первой половине XVIII в. представлял собой пространство, окруженное забором, а также жилыми и хозяйственными постройками. В течение XVII в. сложилась трехраздельность жилища (изба, клеть и сени), которая у коми возникла, несомненно, под русским влиянием. У русских северных областей она является древним строительным приемом. Так, в районе Белоозера раскопками доказано существование трехраздельного дома из избы и клетки, связанных сенями, еще

⁴³ Л. Н. Жеребцов. Борьба крестьян Удорской волости против усиления феодальной эксплуатации в XVII в. «Историко-филологический сборник», вып. 4, стр. 75—82.

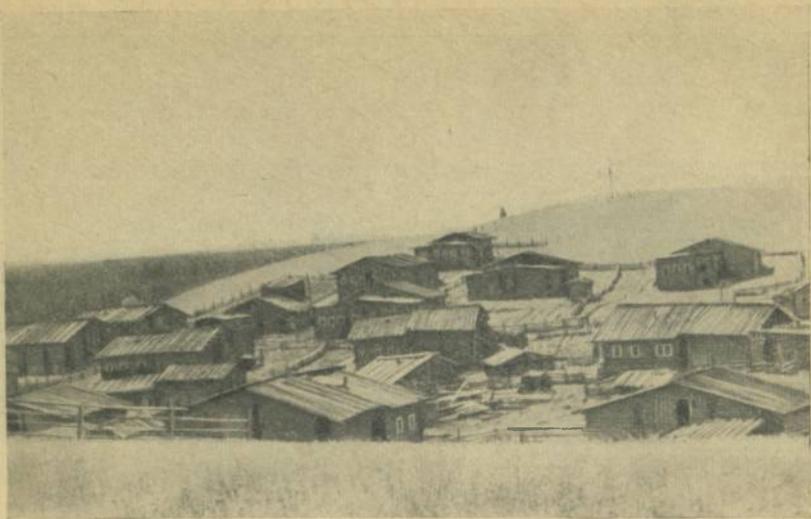


Рис. 3. Беспорядочное расположение построек (дер. Нижний Удор).

в XI—XII вв.⁴⁴ Материалы раскопок Вологды говорят о наличии здесь в XV—XVI вв. двухраздельного дома из избы и сеней⁴⁵. Поскольку сени по сравнению с избой и клетью у коми были сравнительно поздним, вторичным явлением, они остались на весь последующий период примитивно оформленным незначительных размеров помещением. Само название их *нос* и *носводз* (т. е. мост и передняя часть моста) показывает как происхождение, так и место их в крестьянском доме.

Слияния жилой части с двором в течение XVII в. не произошло. Даже в начале XVIII в. они еще не были объединены. Зато на крестьянском дворе в XVII в. появляются новые постройки. Сами же дворы в это время, как и раньше, оставались еще открытыми. С начала XVIII в. над ними начинают возводить крыши. Более богатые крестьяне на кровлю употребляли тес, крестьяне победнее — более дешевый материал, например хворост, кору, бересту. В XVIII в. прежний тип двора со свободным расположением построек внутри него заменился новой срубной крытой двухъярусной постройкой, вплотную пристроенной к жилому дому⁴⁶.

Жилые дома в XVII—XVIII вв. не были единообразны. Наиболее распространенным в это время был дом, состоящий из избы, сеней и клетки. Различие прослеживается в основном по

⁴⁴ Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро. КСИИМК, вып. ХLI, 1952.

⁴⁵ А. В. Никитин. Раскопки в Вологде в 1948 г. КСИИМК, вып. 52, 1953.

⁴⁶ Л. Н. Жеребцов. К истории народного жилища коми. «Историко-филологический сборник», вып. 6. Сыктывкар, 1960, стр. 68—88.

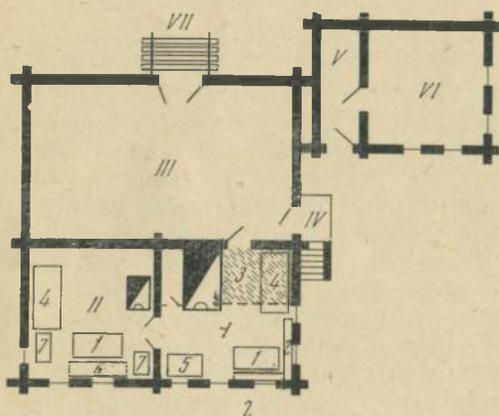
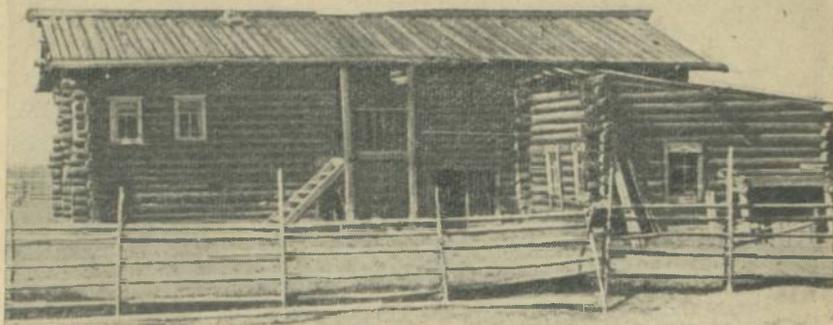


Рис. 4. Дом с боковой зимней избой, соответствующей скотной избе (1), и план того же дома (2) (с Пучком)

I — кухня; II — комната; III — поветь; IV — крыльцо; V — сени зимней избы; VI — зимняя изба; VII — взвоз; 1 — стол; 2 — лавка; 3 — полати; 4 — кровать; 5 — сундук; 6 — диван; 7 — тумбочка

наличию хозяйственных построек. У бедняков и бобылей на дворе, кроме избы, клети и иногда хлева, ничего больше не было. В средних крестьянских хозяйствах жилой дом окружали разнообразные вспомогательные постройки: амбары, овины и т. д. А наиболее состоятельные представители местного крестьянства в XVIII в. имели жилище значительно более сложное, всегда из двух изб. Так, у бывшего бурмистра Одинцова был «в деревне Тыдорской двор новый, изба новая, другая изба скотная»⁴⁷. В это же время в богатых домах начинают появляться горницы. Из отмеченных двух изб более древней была, несомненно, скот-

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 246, л. 7 об.

ная изба, так как ее всегда указывают внутри двора, тогда как другая, новая, находилась наоборот, где-то в стороне. По этнографическим материалам, на соседних русских территориях, в частности на Мезени, скотная изба представляла собой невысокий двухраздельный сруб, состоявший из жилья и сеней, на низком подклете, причем пол в жилом помещении был не сплошной: в углу у дверей он не настился, так как там в холодное зимнее время содержался скот (корова, теленок)⁴⁸.

В отношении внутренней планировки жилища XVII—XVIII вв. можно говорить пока только предположительно. Как нами установлено, древнейшим является расположение печи в углу у стены, противоположной входу, с устьем, обращенным в сторону двери. Полати — там же, в глубине помещения. Красный угол (*ен ув пельбс*) располагался по диагонали от печи в одном из углов, прилежащих к двери. Этот тип планировки избы по всем данным можно считать у коми древнейшим.

В XVII—XVIII вв. возле дома располагались клеть, амбар, погреб, чулан, поварня, баня, овин с гумном и хлев. Таким представляется на основании известных документов жилище удорских коми периода феодализма⁴⁹.

Довольно отчетливо вырисовывается и народная одежда, но только с XVIII в. По XVII в. некоторые данные о народной одежде имеются в таможенных книгах г. Сольвычегодска, так как одежда и особенно сырье, материалы в крае стали объектом купли и продажи на ярмарках. В книгах упоминаются довольно часто сырые коровьи кожи, овчина, оленье шкуры, необработанные и дубленые, а также ровдуга (замша), сукна сермяжные и т. д.; реже — готовая одежда, например шубы и кафтаны овчинные, подушки ровдужьи, оленье кысы (готовая обувь или заготовки), рукавицы оленье камысьи (из выделанных камысов) и ровдужьи. Купцы привозили различные ткани: холст, портно (грубый холст), крашенину, пестрядь, сукна белые и сермяжные, кумачи и цветные шелка, выделанную кожу, а также готовую одежду (кафтаны, овчинные шапки и рукавицы, вязаные варежки, чулки шерстяные) и обувь (сапоги, башмаки женские, чарки, или уляди)⁵⁰.

Эти примеры показывают, что таможенные книги позволяют в какой-то мере представить одежду крестьян коми в XVII в. Мужской костюм состоял из длинной белой холщовой (льняной или конопляной) рубахи навыпуск, подпоясанной поясом или ремнем, холщовых белых штанов, заправленных в шерстяные чулки, которые осенью обвертывались еще онучами, и котов, бахил или сапог. Верхней одеждой служили кафтан, зипун или сукман и

⁴⁸ М. Б. Едемский. Кулойско-Мезенский край. «Известия русского географического общества», вып. I, 1927, стр. 83—84.

⁴⁹ Л. Н. Жеребцов. К истории народного жилища коми.

⁵⁰ «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. II. М.—Л., 1951, стр. 408, 409, 411, 424, 478, 479; т. III, стр. 398, 408, 413, 414.

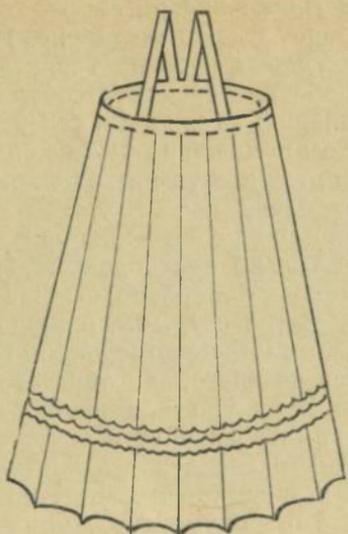


Рис. 5. Сарафан — кунтьей
(с. Чупрово)

овчинная шуба, смотря по сезону. На голову надевали самодельный войлочный колпак или меховую шапку⁵¹. Упомянутые выше описи имущества дают сведения о женской одежде и головных уборах XVII в.; встречаются «дубник красный», «шабур холщевый», платки шелковые, перевязки, шитые шелком, «кокошники, шитые мишурой», и даже «шапка женская с комчатым верхом». Дома женщина носила холщовую рубашку, пестрядинный или крашенный сарафан (шушун), а на улице — холщовые дубник или шабур осенью, а зимой — овчинную шубу. На ногах — шерстяные чулки и кожаные копы. Зажиточные в праздники наряжались в башмаки. Девушки покрывали головы перевязками или платками, а женщины — специальными уборами.

Сведения по народной одежде XVIII—начала XIX в. гораздо более подробны, и здесь представляется возможным описать не только общие комплексы, но и существовавшие различия их по полу и возрасту. Прежде всего следует отметить, что более разнообразным стал сам материал, из которого изготовляли одежду. Холст был и белый, и крашенный (кумачный холст и т. д.), при этом ткали как льняной, более высококачественный, так и конопляный, грубый и толстый. Весьма распространенной была пестрядь (синяя, красная и т. д.). А для пошива верхнего платья широко использовали сукманину и самодельное сукно (белое, черное, синее). Кроме того, в быт народа все больше стали проникать различные покупные ткани. В описях встречаются китайка, тафта полосатая, грезет малиновый и желтый, полотно, шелк

⁵¹ ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1275, л. 4.

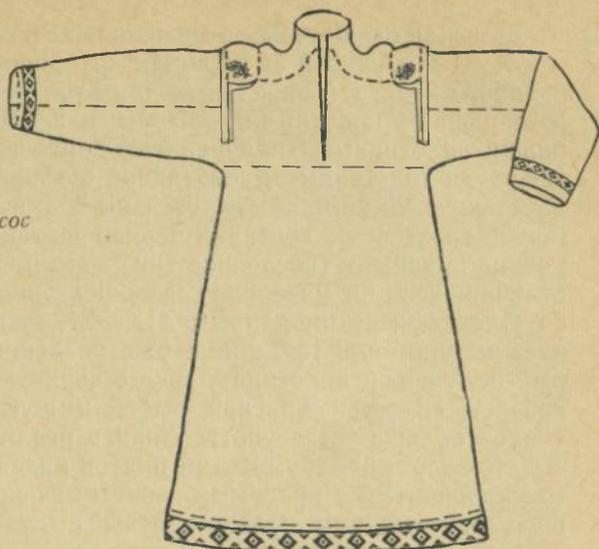


Рис. 6. Женская рубаша — *сос*
(с. Чупрово)

и т. д.⁵² Впрочем, самодельные ткани в XVIII— начале XIX в. в хозяйстве крестьян коми продолжали преобладать.

Несмотря на то, что одежда стала более разнообразной, основные элементы мужского костюма остались те же, а именно: нательная рубашка тонкого льняного холста, верхняя рубашка из толстого льняного или конопляного холста (и та, и другая белого цвета), белые же холщовые портки, на которые в зимнее время натягивались еще суконные штаны обычно черного или синего цвета. И лишь один раз встречается упоминание об употреблении коротких верхних штанов из выделанной оленьей кожи, видимо замши, а в качестве верхней одежды перечисляются «серый понитошной азиям», «холстиной и понитошной долгие кафтаны», «белый зипун крестьянского сукна», «кафтан черного сукна», «шойданик типа русского полукафтанья» и даже «сибирка синего сукна»⁵³. В зимнее время, кроме того, употреблялись овчинные шубы и полушубки и олени малицы. Рукавицы были как замшевые, носимые поверх вязаных шерстяных (рукавицы с исподками), так и овчинные («рукавицы бараньи верхницы»). Мужские головные уборы разнообразием не отличались. В описях встречаются «шапка красного сукна с черным околышем», «шапка овчинная, верх синего сукна», «овчинная шапка долгоухая» и «шляпка кожаная овечьей шерсти»⁵⁴.

⁵² Там же, ф. 100, оп. 1, д. 261, лл. 63, 89—93.

⁵³ Там же, оп. 1, д. 251, лл. 340—341; д. 261, лл. 138—138 об., 359—362; д. 270, лл. 27, 371; д. 287, л. 128.

⁵⁴ Там же, д. 269, л. 148; д. 270, лл. 32—33; д. 269, л. 148; д. 270, лл. 27, 32—33; д. 261, лл. 82—83; д. 195, лл. 2—8.

Женская одежда, как и мужская, сохраняла те же детали, что и в XVII в. Основой ее служили «рубашка белая холщовая» из льняного холста (конопляный для этой цели не использовался) и «сарафан крашенный холщовый». Кроме того, появились рубашки полотняные, «нарукавники портяные печатные краской», «фартуки холстинные», «передники бумажные», «телогрейка или коротенько из камки», «корогеньки белые концы шитые и коротенько грехтовое», «китайка черная шитая», «китайник» и «кумечник красный» (последние три — это разные виды сарафанов, отличавшиеся по материалу и покрою, насколько можно судить по этнографическим данным XIX—XX вв.). В качестве верхней одежды упоминаются, кроме уже указанных, «пониток», «овчинный полушубок короткой», «шуба черных овчин, крытая китайкой», и «простой красной выбойки шугай». Среди головных уборов больше всего употреблялись различные платки и шали: «платок черный», «бумажный платок красный клетчатый», «платок набойчатый с красными и белыми полосками», «платки вышитые», «шелковый платок красный»⁵⁵.

Обувь у обоих полов была практически одинаковой. Различия имелись очень незначительные. Основными были шерстяные своей вязки, холщовые или суконные шитые чулки и кожаные коты или чарки, «по-зырянски называемые уляди». Повседневные чулки были или черного, или белого цвета. Поверх них ноги в холодное время обертывались «портянками из холста». Чулки укреплялись подвязками. Мужчины носили «сапоги козловые бахилы». А зимой более зажиточные слои пользовались валенками⁵⁶.

Очень мало данных об украшениях. Видимо, это объясняется большой бедностью населения, не имевшего средств для их приобретения. В описях встречаются «серьги медные», «серьгичусы серебряные», «перстень серебряный», «перстень серебряный золоченый», «цепочка серебряная с крестом», «мишурная сетка» и «пуговицы медные и оловяные»⁵⁷. За отсутствием покупных украшений население старалось украсить одежду собственными изделиями, такими, как «кушак шелковый вдоль полосы», «пояс пестрый самотканый», «зборник золотной», «носовые платки льняные браные и вышитые» и т. д. На шее и поясе носили шелковые платки, старались, чтобы одежда и головные уборы были более красочны (шапка красного сукна с черным околышем) и т. д.

В судебных описях упоминаются типичные для XVIII—начала XIX в. комплексы мужской, женской и детской одежды в различные сезоны года. Повседневный летний костюм молодого человека был следующий: «Платье на нем было пониток серой

⁵⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 163, лл. 397—398; д. 261, лл. 63—63 об., 163 об.; д. 261, лл. 62—63 об., 89—93 об., 164.

⁵⁶ Там же, д. 269, лл. 148, 405; д. 270, л. 371 об.; д. 287, лл. 88, 100.

⁵⁷ Там же, д. 261, лл. 63—63 об.; 89—93; д. 251, лл. 120 об.—121, 268—269.

крестьянского сукна, рубашка и портки полотнятые, на ногах чулки шерстяные и коты, на голове шапка» (Коквицы). Одевание мужчины средних лет было подобным же: «На нем белый зипун крестьянского сукна, опоясан ремнем, чулки на ногах шерстяные белые и коты кожаные, рубашка и портки белые же холстинные» (с. Турья). Несколько отличен от вышеописанных костюм старика: «На нем две рубашки: одна по поверхности из толстого холста, а другая под низом потоньше, портки на ногах крестьянские, сапоги... называемые у них по просторечью бахилы, ноги обернуты холстинкой» (с. Кослан). В зимнее время мужчины надевали «сверх рубашки овчинный полушубок, а по нем холстяной и пониточной не долгие кафтаны, на шее белый холщевой платок, на голове овчинная шапка долгоухая, рукавицы с исподками, на ногах, кроме портков и суконных чулков, штаны суконные и валенки именуемые катаниками»⁵⁸.

Зимняя одежда рыбаков и особенно охотников несколько своеобразнее. На охотнике — «одежда вида русского полукафтанья, по-зырянски называемая шойданик, сверху пониточный лужан, снизу под шойдаником овчинный полушубок, штаны суконные, на ногах чулки суконные же белые вместо чарков, называемых уляди,... [неразборчиво] обшитые кожей, шапка овчинная легкая, рукавицы кожаные, рубашка и порты. Сверх того имеется при нем топор, пицаль, порошница, лыжи» (с. Гам). «А на рыбаке были ветхой пониток, под ним полушубок овчиной ветхой же, штаны суконные, шапка овчинная верх крытой синим сукном, рукавицы вязаные, чулки черные шерстяные, чарки, за поясом топор, на плечах кузов, а во оном рыба» (с. Коквицы)⁵⁹.

Таким же образом прослеживается женская одежда, как повседневная, так и праздничная: «Пониток, подпоясан шерстяным поясом, под ним коротенько грехтовое, сарафан крашенный холщевый, рубашка полотняная тонкая, подпоясана шелковым платком, на голове платок бумажный, на шее шелковый платок, на ногах коты, шерстяные чулки перевязаны подвязками, на правой руке перстень серебряный» (с. Гам). Зимняя одежда (верхняя) у девушек и женщин была одинакова. «Платья верхнего было на ней овчиной полушубок короткий, опоясан шерстяным не толстым поясом, сарафан коротенький, нарукавники портяные печатные краской, фартук холстинный, рубашка холстинная ветхая, на ногах чулки шерстяные вязаные и кожаные черные коты, платок холстинный и рукавицы шерстяные вязаные» (с. Серегово)⁶⁰.

Детские комплексы одежды гораздо проще и беднее. Девочки 10—12 лет носили «сарафан синий холщевый, на ногах чулки холщевые и коты кожаные черные» (с. Кослан). В описи костюма мальчика 10 лет отмечается, что «на нем имелись шапка сукон-

⁵⁸ Там же, д. 270, лл. 25—26, 32—33, 288 об., 371.

⁵⁹ Там же, д. 261, лл. 82—83, 418 об.

⁶⁰ Там же, д. 118, лл. 6—7; д. 251, лл. 268—269.

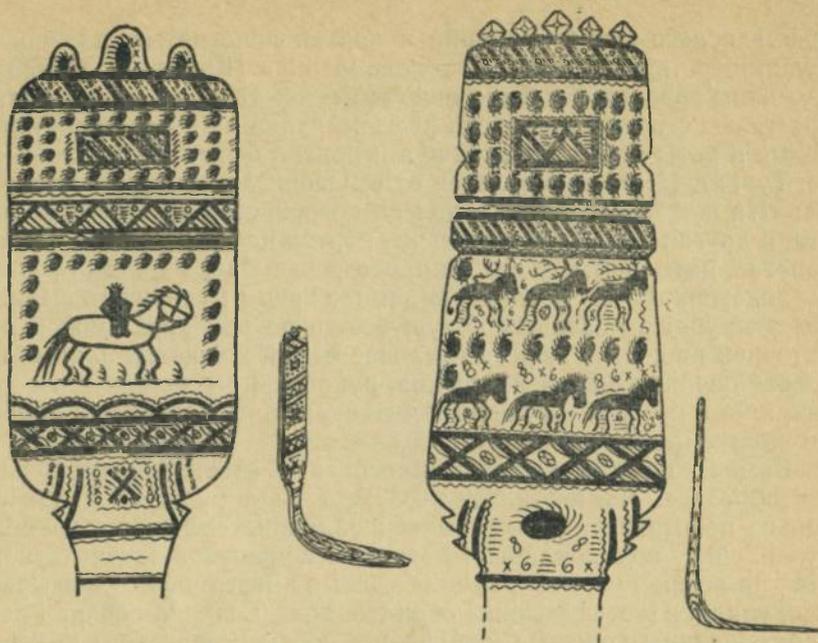


Рис. 7. Прялка с росписью (с. Важгорт)

ная с черным околышем, кафтан пониточный серый, рубашка и портки холстинные из нового холста и подпоясан кожаным ремнем с железной пряжкой» (с. Гам)⁶¹. Обувь в описи не указана, но несомненно, что и здесь были те же чулки и коты.

Таковы комплексы народной одежды коми в изучаемое время. Для того чтобы читателю было легче сравнить русскую и коми народную одежду и проверить утверждение дореволюционных авторов о большой близости их, мы приводим здесь несколько выписок, характеризующих костюмы русских соседних районов. Одежда русских крестьян в зимнее время была следующая: «На нем серый пониточной азиям, под азиямом... белой овчиной полушубок, запоясанный кушаком, рубашка и портки белые холщевые,... по рубашке опоясан шерстяной пояс, на голове шапка краснова сукна с черным околышем, рукавицы замшинные с шерстяными варежками здеты ремешками на левой руке..., на ногах чулки шерстяные и кожаные коты; берестяной с табаком бурачек, курительная трубка, облитая оловом, чубук с медной накладкой» (с. Шеном). Такой же пример можно привести и по женской одежде: «На ней белого холста сарафан, под оным рубашка белая же холщевая, на голове платок черный холщевый же, на ногах, кроме берестяных лаптей, ничего нет» (с. Лена), а если взять детский костюм, то на девочке 11 лет были «курточка пони-

⁶¹ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 270, л. 371 об., д. 279, л. 30 об.

тошная и под ней простенький красной выбойки шугай, сарафан и рубашка холщевые, на ногах чулки и кожаные коты» (с. Целибское) ⁶².

Подводя общий итог изложенному, можно сделать вывод, что народная одежда коми в XVI—XVIII вв. вполне может изучаться на основе существующих письменных документов, которые дают исследователю достаточно четкую картину истории развития народной одежды. Но затруднительно, например, проследить существование различий в одежде по окраске материн. Несомненно, что даже у таких близких соседей, как коми и русские Вологодской и Архангельской губерний, были свои излюбленные цвета и расцветки, наиболее широко применяемые в практике и, очевидно, различные у обоих народов. Особенно эти различия должны быть заметны в сарафанах и шерстяных вязаных чулках. К сожалению, в имеющихся документах эти особенности почти не отражены. Приведенный материал подтверждает наличие большой близости в народной одежде коми и соседних русских. Основную роль в сложении этого сходства сыграла торговля, взаимный обмен изделиями крестьянского ремесла. Широкий завоз элементов русской одежды купцами способствовал распространению среди коми комплексов русского народного костюма.

Гораздо менее подробно освещаются в архивных делах прочие элементы материальной культуры и быта. Из постельных принадлежностей упомянуты только «одеяло овчинею не крытое», да «подушка с наволочками и постеля оленья». Один раз встречается в описях скатерть ⁶³.

Очень скудны сведения о мебелировке и утвари. Упоминаются деревянный стол, лукошко, ушат для ношения воды, кадка, ведро, «коробье осиновое неокованное» (видимо, были окованные коробка), берестяные кузова и бураки, медные ручомойники, ковши, котлы и даже безмен и подсвечники, чугуны, железные ковши, жернова ⁶⁴ и крынки. Кроме этих предметов, были, конечно, и другие необходимые в обиходе, как, например, прялка. Посуда была столь же бедна. В основном она была деревянной, изредка встречались медные и железные предметы, и только в двух случаях указываются «чашки и ложки, ножи столовые, хрустальный штофный графин». В одной описи упомянуты даже «стеновые часы». Несомненно, что все это было у зажиточных ремесленников, так как в описях их имуществ записаны у одного «железный кузнечный и прочий материал», а у другого «стальные аглицкие напилки, сапожный и плотничный инвентарь» ⁶⁵.

⁶² Там же, д. 269, лл. 148, 405.

⁶³ Там же, д. 261, лл. 63—63 об.; д. 275, лл. 4—9.

⁶⁴ Там же, д. 287, лл. 142 об.—143, 120 об.—121; д. 270, лл. 25—26; д. 259, л. 148; д. 195, лл. 2—8; д. 275, лл. 4—9.

⁶⁵ Там же, д. 275, лл. 4—9; д. 261, лл. 359—362; д. 195, лл. 2—8.

Встречаются в описях и самые распространенные продукты крестьянского питания, например «кадцы ячной муки», «хлеб ячный», «крупа ячная», «кадка с кислым молоком», «кринка с коровьим маслом», «мясо телячье», «20 фунтов соли» и «кузов, а во оном рыба». Следует сказать, что и курение имело некоторое распространение⁶⁶.

Такова в кратких чертах материальная культура удорских коми периода феодализма. В эти столетия начинает складываться этнографическая специфика удорцев, которая отчетливо прослеживается на этнографическом материале XIX—XX вв., изложенном в следующей главе.

⁶⁶ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 270, лл. 25—26; д. 163, лл. 397—398; д. 261, л. 148 об.

ХОЗЯЙСТВО, КУЛЬТУРА И БЫТ
НАСЕЛЕНИЯ УДОРЫ
В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Основные занятия населения

Как и в предшествующий период, в XIX — начале XX в. видное место в занятиях удорцев принадлежало сельскому хозяйству, причем значение его в связи с начавшимся упадком промыслов все более возрастает. Однако несмотря на это сельское хозяйство продолжало оставаться в весьма жалком состоянии (особенно земледелие). По словам Н. Д. Волкова, изучавшего Удорский край третьей четверти XIX в., «земледелие здесь не может служить главным источником благосостояния населения»¹. Массивы обрабатываемых земель в крае были невелики. Узкой прерывистой полосой тянулись они по побережьям Мезени и Вашки. По подсчетам А. Карелина, исследовавшего состояние земледелия и промыслов крестьян Яренского уезда, «казне принадлежит 96,7% общей площади уезда, личным собственникам 0,3%, крестьянам 2,9%, остальным земледельцам 0,1%»².

По имеющимся данным, в конце XIX в. пахотных земель в среднем на душу населения приходилось около 600 кв. саженей. Однако по отдельным поселениям эта средняя цифра заметно различалась. Так, в Вендинге на душу населения приходилось всего 300 кв. саженей, в Селибе — уже 550, в Усть-Вычерге — 650, а в Чернутьево — 850 и в Зерзяйбе даже 990 кв. саженей. Пашни на Удоре распределялись по-разному: где по наличным мужским душам, а где и по едокам. В Важгортской волости, например, землю делили по наличным мужским душам, а едоков в расчет не принимали. Наоборот, в Готовской волости земля делилась по едокам: на мужчину $\frac{3}{4}$, а на женщину $\frac{1}{4}$ душевого надела.

¹ Н. Д. Волков. Удорский край. «Вологодский сборник», т. I. Вологда, 1879, стр. 1.

² А. Карелин. Земледелие и промыслы крестьян Яренского уезда Вологодской губернии. Сб. «Вологжанин», Вологда, 1895, стр. 112.

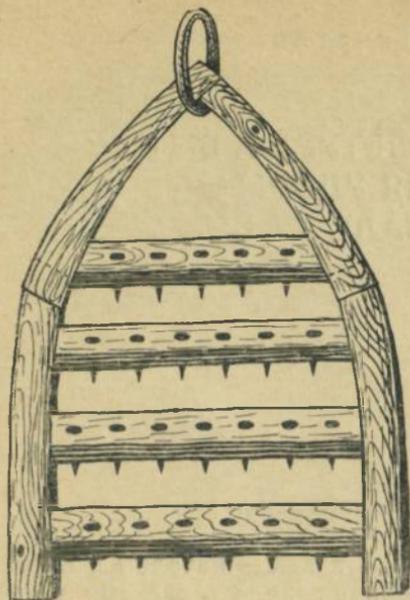


Рис. 8. Борона с железными зубьями (с. Ертом)

Вследствие подобных распределений частичные переделы земли случались довольно часто, общие бывали значительно реже. Последний общий передел в Готовской волости был в 1901 г.³

Малоземелье заставило крестьян дорожить землей. Пахотные угодья на Удоре не продавали. Только в Готовской волости, где наделы были чуть больше, но многие жители уходили в отход, случалась передача земли в аренду сроком на год с платой за десятину удобной земли 2 руб. и средней земли 1 руб.⁴ Плохие земли даже в аренду не брали, настолько это было невыгодно.

Почва в крае требовала внесения в большом количестве удобрений (навоза). Однако существовавший обычай вывозки навоза на поля в зимнее

время и сохранение его там в больших кучах мало способствовали улучшению ее плодородия, так как вешние воды или уносили заготовленные удобрения, или же вымывали из них ценные вещества. Да и скота было мало. Важную роль в сохранении плодородия почвы имеют правильные севообороты. В Удорском крае в XIX в. господствовало трехполье в весьма примитивных формах, но даже эта несовершенная система земледелия зачастую нарушалась, так как из-за малоземелья крестьянство стремилось использовать под посев все сколько-нибудь пригодные участки пашни, не задумываясь над последствиями такого неупорядоченного использования полей.

Орудием обработки пашни служила обычная двузубая соха (*гѳр*), которая имела лишь то отличие, что край левого сошника ее был загнут вверх в виде острия, так как это облегчало отделение пласта от целины. Бороны были деревянные, с железными зубьями, на Мезени обычной четырехугольной формы, а на Вашке — дугообразной с четырьмя поперечинами.

Малоземелье, низкое состояние техники, примитивная обработка земли, недостаток удобрений и отсутствие правильных

³ ЦГА Коми АССР, ф. 175, оп. 1, д. 250, лл. 51—57 об.; ф. 117, оп. 1, д. 690, лл. 13—14; ф. 47, оп. 1, д. 37.

⁴ Там же, ф. 117, оп. 1, д. 690, лл. 13—14.

севооборотов являлись основными причинами слабого развития земледелия в крае. Придавленные нуждой удорцы не были в состоянии улучшить земледельческое хозяйство. А царизм, будучи выразителем интересов господствующих классов, не предпринимал никаких шагов для облегчения положения крестьянства.

Отрицательное влияние также оказывали и природные условия. Суровые зимние холода, медленное таяние снегов, поздний разлив рек, короткое и холодное лето, ранние заморозки — все это серьезно затрудняло успешное развитие земледелия в крае. Посевы часто вымерзали. Так, в 1809 г. вендинское волостное правление доносило в Яренский уездный суд, что по всей волости в том году хлеб вызяб⁵. С целью ускорить подсыхание земли весной на Удоре практиковали вывоз снега с полей⁶. Согласно источникам, в крае в среднем только два-три года из 10 были урожайными. Наиболее частыми были неурожаи на Вашке, так как ее низкие берега затоплялись при разливе реки и крестьянство часто запаздывало с посевом; с другой стороны, в низких местах заморозки наступали раньше и были более сильными, что губительно сказывалось на урожае. По мнению П. В. Котляревского, весьма отрицательную роль играли на Удоре болота, способствовавшие раннему и быстрому охлаждению воздуха⁷.

Стремление сохранить посевы от весенних разливов рек, от токов холодного воздуха и ранних заморозков привело к тому, что поля на Удоре и особенно на Мезени стали располагать по южным склонам береговых увалов, на вершинах холмов и вообще по возможности на более возвышенных местах береговой полосы, на солнечной стороне. Поэтому для Удорского края характерно расположение поселений на нижней береговой террасе, ближе к воде, а полей — за ними, выше по склону берега и верхней террасе. Впрочем, нередко, как отмечалось выше, пахотные земли находились на низких заливных местах.

Зажатое в тисках малоземелья, удорское крестьянство видело выход в расширении массивов пахотных угодий, но это возможно было лишь путем аренды государственных земель. Однако, по утверждению местного крестьянства, существовавшие арендные сроки были невыгодны вследствие своей краткости. Расчистка новин из-под леса была слишком трудоемкой работой и могла дать выгоду лишь при долгосрочной аренде (40—50 лет). Правительство же на столь длительное время арендных договоров не заключало, а соответственно и крестьянство мало и редко брало в аренду государственные земли, тем более что это было доступно лишь зажиточным, кулацким элементам села,

⁵ Там же, ф. 100, оп. 1, д. 144, л. 274.

⁶ П. Протопопов. Статистическое описание Яренского уезда. ВГВ, 1849, № 20—21.

⁷ П. В. Котляревский. Экономический быт государственных крестьян северо-восточной половины Вологодской губернии. ВГВ, 1892, № 24—52, 1893, № 1—13.

тогда как даже у середняцкой массы, не говоря уже о бедняках, средств для уплаты аренды не имелось, ибо эти крестьяне с трудом перебивались, находясь на грани разорения и обнищания. Именно поэтому удорцы большое внимание уделяли различным промыслам, которыми было занято почти все взрослое мужское население. Земледелие в крае лежало на плечах женщин и подростков.

В то же время в течение XIX в. удорцы неоднократно обращались к властям с просьбой разрешить им расчищать земли от леса под пашню и сенокосы. Так в 1876 г. с подобной просьбой в Удорское лесничество обращались крестьяне Вильгортского общества Важгортской волости. Они хотели выделить часть земель из своих крестьянских лесных дач под расчистки, но вологодское управление государственных имуществ на представленное лесничего ответило отказом. Лишь после неоднократных обращений земства в 1887 г. министерство государственных имуществ разрешило крестьянам расчищать земли в крестьянских и казенных дачах, но за особую плату, которая оказалась не под силу молоимущему крестьянству, и оно отказалось от аренды⁸. В 1889 г. был издан правительством закон о разрешении расчисток при условии аренды. По указу министерства государственных имуществ под подсеку можно было выделить лишь такие места, где рос плохой лес, непригодный для сбыта. Плата за аренду была следующая: в дачах I разряда — Шеномской, Коптюгской, Вендинской и т. д. — за снятие первого урожая ржи или льна полагалось платить по 240 коп. с десятины, а в дачах II разряда — Важгортской, Косланской, Готовской и др. — по 120 коп. с десятины. Однако на этих условиях очень немногие могли заключить арендные договоры. В 1893—1896 гг. в крае под подсеку не было отведено ни одной десятины леса⁹.

На подсеках высевалась обычно только рожь. На полях в Удорском крае выращивали преимущественно ячмень и в значительно меньшем количестве рожь, так как она чаще недозревала. Поэтому ее высевали по возможности на более высоких местах. Из технических культур в крае встречались лен и конопля, правда в ничтожных количествах, лишь для домашних надобностей. Из огородных культур выращивали картофель, который сажали не на полях, а в огородах. Первым его ввел крестьянин дер. Вендинга Василий Аверкиевич Калинин, учившийся сельскому хозяйству на Вологодской казенной ферме¹⁰. Более широкое распространение имела капуста. Однако урожай ее был невысок из-за неумелого ухода. Кочны были очень малы и почти не завивались. В небольшом количестве встречались редька, репа и лук¹¹. Свеклу и табак не выращивали совсем. Ухода за

⁸ ЦГА Коми АССР, ф. 175, оп. 1, д. 20; д. 189, лл. 1—17.

⁹ Там же, д. 248, л. 1; д. 291, лл. 1—27; д. 382.

¹⁰ Н. Д. Волков. Указ. соч., стр. 3.

¹¹ И. Попов. Черты из быта, нравов и обычаев зырян Яренского уезда Удорского края. ВГВ, 1875, № 89—91.

посевами почти никакого не было. Поле и огород зарастали сорняками, что еще более снижало урожай.

Уборка урожая начиналась в первых числах августа. Хлеб к этому времени часто недозревал, и его приходилось снимать недоспевшим и сырым, так как в августе в крае редко бывает ясная погода. Для просушки и дозревания хлеб в снопах развешивали на особых пряслах — высоких изгородях, в которых жерди (*сюсёр*) укрепляли на расстоянии примерно около 0,5 м друг от друга. Окончательная сушка производилась в ригах (*рыныш*). К риге пристраивали крытое гумно (*гумла*) для молотьбы. Хлеб молотили специальной колотушкой — кичигой (*чан*), цепи в крае не употреблялись. Зерно мололи или на водяных мельницах (ветряных в крае не строили), или же дома ручными жерновами (*изки*). Такие жернова имелись почти в каждом дворе.

Своего хлеба в крае на год не хватало, разве только в особо урожайные годы. По данным источников, в Ертомской волости даже в урожайные годы хлеба было не более как на полгода, в Важгортской волости положение было лучше, но и там его на весь год не хватало¹². При благоприятных условиях урожай ржи бывал сам-5—7, а ячменя — сам-5—6. Большинство крестьян вынуждено было прикупать хлеб, который для продажи завозили из соседних более урожайных мест. Продавали его не весом, а мерой (четвертями, четвериками и гарнцами). Ввиду чрезвычайной тяжести положения крестьянских масс на Удоре даже царское правительство вынуждено было предпринять несколько попыток облегчить его путем выдачи малоимущим хлебной ссуды. Одна такая попытка была сделана в 1810 г., когда для удорских волостей было выделено 44 четверти и 3 четверика, которые были розданы неимущим¹³. Однако это было каплей в море.

Во второй половине XIX в. земством были созданы на Удоре, как и во всем Яренском уезде, хлебные склады, в которых хранился привозной хлеб и выдавался желающим в виде ссуды с

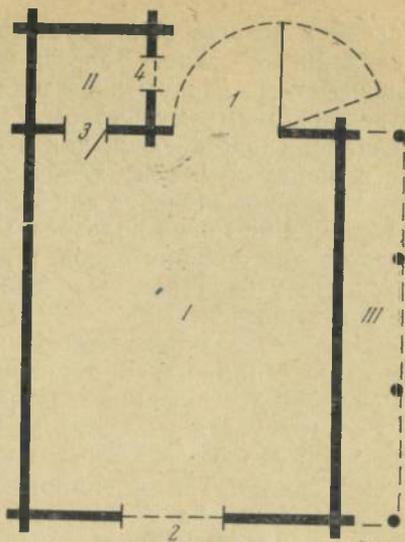


Рис. 9. План овина с гумном (с. Ертом)

I — гумно; II — овин; III — навес; I — вход;
2 — окно для проветривания; 3 — дверь овина;
4 — дымоход

¹² ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 247, л. 14.

¹³ Там же, д. 665, лл. 28—30.

условием возвращения через определенный срок или продавался за наличный расчет. Волость из своей среды выдвигала заведующего этим складом и отвечала за него всем своим движимым и недвижимым имуществом. Плата за труд заведующему определялась сходом — она, как и стоимость аренды амбара, входила в продажную цену хлеба. Создание таких складов, конечно, имело важное значение для Удоры, но весьма значительная часть населения не могла пользоваться их услугами, так как не имела средств для покупки хлеба, а займы получить было трудно, потому что у бедняков было слишком много долгов, которые они не могли погасить.

Вследствие малоземелья пахотная земля на Удоре имела высокую стоимость. В архивных фондах сохранились документы, свидетельствующие о борьбе крестьян за землю. В делах Яренского уездного суда, например, имеется много жалоб с просьбой разобрать спор и вернуть захваченную чужаками родовую землю. Таково, например, дело крестьянина Низовского селения Ивкучева Т., который просит возвратить ему участок прадеда, попавший после смерти деда его в чужие руки. Суд решил отдать землю просителю¹⁴. В случае длительного отсутствия или окончательного отъезда владельца участка жители деревни распределяли землю уехавшего между собой. Так, крестьяне дер. Ветлужской в 1909 г. не разрешили уехавшему в Сибирь крестьянину П. Кривушеву продать свой надел, а разделили его между собой и отказали в выдаче какого-либо вознаграждения под тем предлогом, что за 10 лет своего отсутствия П. Кривушев не нес никаких повинностей (распашки и сенокосные расчистки Кривушев продал еще перед отъездом)¹⁵.

Таково было в общих чертах состояние земледелия в крае в XIX — начале XX в.

Весьма важное место в хозяйстве удорцев принадлежало скотоводству. Однако, по мнению А. Карелина, населению не хватало сенокосов¹⁶. Основной недостаток сенокосных угодий на Удоре состоял в том, что большинство их находилось вдали от поселений (до 150 верст и больше), располагаясь по берегам мелких рек, притоков Мезени и Вашки. Сенокос распределялся по количеству и качеству сена. Расстояние же сенокоса от поселения при этом в расчет не принималось. В среднем с десятины заливных лугов снималось до 200 и с лесных полей до 150 пудов сена. Обеспеченность сенокосами была самой различной. В Важгортской волости, например, было больше лугов, чем у жителей деревень Островской, Вильгортской и Пучкомской, в среднем они заготавливали по 20 возов сена на один двор. Наименьшее ко-

¹⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 68, л. 53 об.

¹⁵ Там же, ф. 47, оп. 1, д. 37.

¹⁶ А. Карелин. Указ. соч., стр. 114; см. также: А. Прасолов. Сенные покосы Вологодской губернии. ВГВ, 1848, № 29.

личество сенокосов имело с. Чупрово, где набиралось всего по восемь возов на двор. Распределялись покосы обычно по наличным душам. Так, в Ертомской волости в 1892 г. на наличную мужскую душу выделялось 1280, а на женскую — 1270 кв. сажень. В Глотовской волости в 1909 г. на душевой надел приходилось в среднем от 571 до 837 кв. сажень в зависимости от обеспеченности селения сенокосами¹⁷.

Недостаток сенокосов заставлял крестьян добиваться права расчищать новые участки, но лесничество обычно отказывало под различными предлогами. Так, в 1879 г. крестьяне с. Чернутьево на сходе решили дать своему односельчанину Маркову право расчистить под сенокос заросший мелким лесом участок сроком на 40 лет с тем, чтобы он в эти годы никаких налогов с него не платил, но по истечении этих лет отдал бы его в общий фонд. Однако лесничий не разрешил расчищать участок. Точно так же в 1877 г. было отказано крестьянину Ертомского общества М. Кырнышеву в его просьбе расчистить под сенокос лесной участок казенной дачи сроком на 10 лет с уплатой оброка 1 рубль в год под тем предлогом, что для департамента невыгодно иметь мелкие оброчные статьи¹⁸. Вследствие этого крестьяне вынуждены были арендовать лесные поляны. Правительство неоднократно пыталось организовать продажу полян с торгов сроком на одно лето, но на торги обычно никто не являлся, а по окончании их некоторые крестьяне соглашались арендовать поляны, назначив свои условия, и они почти всегда сдавались им.

В 1909 г. правительством был издан закон, по которому разрешалось сдавать участки в долгосрочную аренду без торгов только крестьянским обществам, а не отдельным лицам¹⁹. Однако крестьяне продолжали ходатайствовать перед управлением государственных имуществ о разрешении индивидуальной аренды сенокосов. А крестьяне Важгортской волости в 1905 г. даже просили разрешения на бесплатное пользование лесными полянами, объясняя, что «означенными лесными полянами без вреда для леса пользовались отцы и деды наши и никаких сборов никогда за это не уплачивали». Они указывали, что в их крестьянской даче «сенокосных пожен имеется до того мало, что если казна наложит арендную плату на лесные поляны в казенной даче, хотя и небольшую, но которой уплатить мы не имеем средств, то мы должны будем лишиться всего скота, так как на прокорм даже одной коровы домохозяину из крестьянских пожен сена будет недостаточно, не говоря уже о другом

¹⁷ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 665, лл. 28—30; ф. 175, оп. 1, д. 250, лл. 49—50; ф. 47, оп. 1, д. 37.

¹⁸ Там же, ф. 175, оп. 1, д. 31, лл. 1—1 об.; д. 40, лл. 2—4.

¹⁹ Там же, д. 429, лл. 1—2, 31—44; д. 505, лл. 1—4.

необходимом скоте». Не получая разрешения на пользование лесными полянами, крестьяне самовольно косили их²⁰.

Заготовка сена начиналась с начала июля и тянулась до сентября. На сенокос удорцы отправлялись целыми семьями, особенно на дальние участки, и жили там до конца работы. Для жилья строили избушки, похожие на лесные охотничьи баньки (*вёр-керка*), называвшиеся *турун-керка*. Отличие их от построек рыбаков и охотников состояло в том, что они делались более просторными, чтобы можно было поместиться большому числу людей. Сама избушка, служившая только для сна, не имела ни столов, ни лавок. Спали прямо на полу. Приготовление и прием пищи происходили в сенях — обширной пристройке, размером примерно равной самой избушке. Отличались сени тем, что не имели пола. Прямо на земле, посредине сеней, разводился костер для приготовления пищи. Котлы подвешивали на особых деревянных крюках, укрепленных на специальной жерди. Стол и скамьи стояли в глубине помещения у стены. Траву косили косой-горбушей. Литовка в крае не была известна. Сено складывали в стога (*сабри*), а в зимнее время привозили его домой или же осенью сплавляли вниз на лодках и плотках.

Несмотря на старательную заготовку, сена для прокорма скота в зимний стойловый период большей части крестьян не хватало. Недостаток сена заставлял удорское крестьянство, особенно беднейшие его слои, заготовлять различные суррогаты. По утверждению А. Карелина, «Удорский край заготавливает ежегодно не менее 20 тысяч пудов исландского белого мха, который скармливается скоту»²¹. Заготовка оленьего белого мха производилась местным населением в боровых местах, ближайших к зимним дорогам. Местность для этого выбиралась всегда возвышенная, сухая; мох брали преимущественно более старый, рослый; предпочитали редкие насаждения, где меньше опавшего листа. При этом мох должен был быть совершенно чистый, без примеси посторонних растений. Для добычи мха обыкновенно выбиралось сухое летнее время, и занимались этим большей частью женщины. Отделивши пласт, они перевертывали его вверх корнем, чтобы земля, оставшаяся на мхе, скорее просохла и осыпалась. Дня через два или три, смотря по погоде, когда земля уже осыпается без посторонней помощи, пласт мха брали вилами, встряхивали несколько раз, чем и очищали окончательно от земли, сосновых игл и других примесей. Затем мох складывали кучками на очищенное место. Этим и оканчивалась его заготовка. Перед дачей в корм мох заваривали горячей водой. Кроме оленьего мха — ягеля, для корма скота, и притом именно крупного рогатого скота, употребляли еще хвощ болотный, хотя и в меньших количествах. Его также заготавливали с

²⁰ ЦГА Коми АССР, ф. 171, оп. 1, д. 52, лл. 3—4.

²¹ А. Карелин. Указ. соч., стр. 114.

осени везде, где возможно, даже с мест, залитых водой, и затем просушивали²². Для овец использовался осиновый лист, собираемый также в больших количествах. «В момент полного развития листа обламывают тонкие осиновые ветви, длиною не более аршина, складывают их в правильные поленницы и в таком виде оставляют до первого зимнего пути»²³.

Недостаток кормов сказывался на состоянии скотоводства. Даже среднее крестьянство, не говоря уже о беднейшем, не могло держать в своих хозяйствах большого количества голов скота. Все источники единодушно утверждают, что скота на Удоре было мало, хотя крестьяне стремились держать его по возможности больше, так как, кроме продуктов питания, он давал необходимое удобрение, а приплод обычно шел на мясо и только в Важгортской волости частично продавался, особенно бычки, в среднем до 100 голов в год. Для примера можно указать, что в Ертомской волости в 1892 г. на 1470 наличных душ обоего пола приходилось лошадей — 250, коров — 450, быков — 50, телят — 100 и овец — 500²⁴.

В крае был распространен рогатый скот мелкой местной малопродуктивной породы. Овцеводство существовало в столь же малых размерах, как и крупный скот. Более значительным оно было лишь в верховьях Мезени. Разводилась в крае овца местной грубошерстной породы. Свиноводство совсем отсутствовало; не было также и птицеводства.

В некоторых волостях Удорского края, например в Важгортской и Пысской, существовало оленеводство. Стада оленей доходили до 100 голов, редко больше (в Важгортской волости в 1892 г. было всего 300 голов оленей). На летнее время их угоняли на север в тундру, а на зиму обыкновенно пригоняли обратно на Удору к селениям своих хозяев, где и пасли на боровых местах с достаточным запасом оленьего мха. Владельцами оленьих стад были местные кулаки. Даже среднее крестьянство в массе своей оленеводством не занималось. В отличие от Ижмы оленеводство на Удоре для крестьян было непривычным занятием. Для ухода за стадами удорским кулакам — оленеводам приходилось нанимать ненцев.

Таким образом, скотоводство, так же как и земледелие, находилось в Удорском крае в XIX — начале XX в. в довольно жалком состоянии. Как и в предыдущее время, надежда крестьян была на промыслы. Из всех крестьянских промыслов наибольшее развитие в крае имел охотничий. Он охватывал два сезона: 1) после окончания полевых работ с сентября до середины декабря и 2) с конца января до половины марта. Охотники от-

²² И. Иваненко. Лесные суррогаты кормовых средств Удорского края. «Лесной журнал». СПб., 1873, кн. 5, стр. 273—275.

²³ И. Попов. Указ. соч.

²⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 665, лл. 28—30.

правлялись на промысел или в одиночку, или партиями по четыре-пять человек. Основным оружием служила кремневая винтовка. Порох носили при себе на ремне в специальной пороховнице. На том же ремне был навит спирально свинцовый прут, из которого охотник делал пули, по мере надобности откусывая от прута нужный кусочек. Тут же был прикреплен мешочек с пыжами и запасными кремнями. Необходимые капканы и ловушки были заранее приготовлены в охотничьей избушке.

Осенний промысел называли промыслом по путику, который тянулся нередко десятки верст, на протяжении которых ставили иногда по 1000 ловушек разного рода для ловли преимущественно рябчиков, тетеревов, а в исключительных случаях и другого рода дичи. «Путик есть неотъемлемая принадлежность промышленника, свято соблюдаемая как неприкосновенное имущество всеми остальными промышленниками и переходящая как капитал в наследство из поколения в поколение»²⁵. Все охотничьи промыслы в крае производились на казенных землях, так как крестьянские дачи тянулись узкой полосой вдоль берегов рек и речек и для охоты не были пригодны. Охота по путику — это в основном добыча боровой птицы — рябчика, тетерева и глухаря.

По прибытии на место охотники прежде всего приводили в порядок избушку, перекладывали печь-каменку (*гор*), натягивали на окошки бычьи пузыри, ремонтировали инвентарь и затем уже уходили на путик и расставляли там ловушки; птица в основном добывалась с помощью разных бесшумных ловушек и петель. Стреляли ее редко, так как порох берегли для охоты на белку. Несмотря на изданные в 1892 г. «Правила производства охоты», запрещавшие ловлю боровой птицы силками и петлями, удорцы продолжали ими широко пользоваться. Лесная охрана пыталась бороться с этим и ловила нарушителей, отдавая их под суд, который приговаривал последних к 10 руб. штрафа или 2 дням ареста, но без особого успеха.

По словам Ф. А. Арсеньева, «устройство петель незатейливо, вершинки, срубленные с молодых елей, раскладены были парами в разных направлениях, в форме ломаной линии. Отрубы каждой пары соединены вместе, а от одной вершины до другой натуго протянута в две толстые рассученные пряди бечевка, на которой висело от семи до десяти волосяных петель. Верхние края петель сложены в бечевку прядями, а нижние касаются земли»²⁶. Однако не всегда силки устанавливались таким образом. Иногда их основу — веревку привязывали к двум палкам или к деревьям. Сами же петли свисали до земли, а под ними разбрасывалась какая-либо приманка, обычно ягоды. Бывало,

²⁵ И. Иваненко. Охота как промысел в Яренском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии. «Лесной журнал». СПб., 1877, кн. 5, стр. 67—68.

²⁶ Ф. А. Арсеньев. Охотничьи рассказы. М., 1885, стр. 155—156.

что силки устраивали несколько иначе. Петли привязывали не к веревке, а прямо к дереву (для этого выбиралось гибкое дерево), которое сгибали и вершинкой прикрепляли к комлевой части другого дерева. Птица, попавшая в силки, начинала биться, вершинка отрывалась, и дерево выпрямлялось, поднимая пойманную птицу вверх. Каждые силки, смотря по роду их употребления, имели свое название: *сьола-лэч* — силки на рябчиков, *лэч* — силки на тетеревов и т. д.

Из других ловушек можно упомянуть слопцы, которыми ловили глухарей. Их устраивали из двух досок. Одна, более тонкая, шла по земле, другая, толстая, — вверх под углом. Одним концом обе доски упирались в дерево. Толстую доску подвешивали к дереву так, что при малейшем толчке нижней она мгновенно падала вниз и давила птицу. Для ловли птицы использовались также разные сети. Их устанавливали в лесу на ровных местах вблизи рек и озер так, что нижний край сети лежал прямо на земле, а верхний был поднят сажени на полторы и больше. К верхнему краю привязывали веревку, позволяющую сбросить сеть вниз и накрыть добычу. В качестве приманки служили различные ягоды. Иногда использовали подсадную птицу, но большей частью — скрывавшийся поблизости охотник подражал голосу птиц с помощью особого свистка (*чипсан*) и тем заманивал их в сеть²⁷. Сети-перевесья описаны выше.

Как уже отмечалось, все ловушки в основном служили для ловли боровой дичи. Водяную птицу ловили значительно меньше. Это было главным образом занятием подростков. Били ее чаще всего в период линьки для собственного потребления, тогда как боровая больше шла на продажу. Можно упомянуть также и то, что удорцы практиковали сбор яиц диких птиц.

Добыча дичи по путику длилась примерно с месяц. Затем охотники основное внимание обращали на промысел белки. При этом, конечно, не упускали из виду и всякую другую добычу (встречались заяц, горноста́й и изредка россомаха, медведь и лисица, случайно лось и олень). На промысел белки шли всегда с собакой. Били белку из винтовки. Вообще для ловли пушных животных ловушки использовались меньше. Имели некоторое распространение плашки на горноста́я и слопцы. По устройству они друг от друга отличались мало. Система их одна и та же: попавшую добычу давил верхний тяжелый брус.

После окончания промысла охотники возвращались домой. Добыча распределялась между участниками поровну. После ее продажи и приобретения промысловых запасов охотники в конце января вновь уходили в лес. Шли обычно партиями на лыжах. Промысловые лыжи сравнительно короткие и широкие, снизу

²⁷ М. Михайлов. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов, Вологодской губернии. «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 33. СПб., 1851, стр. 95—96, 97—98.

подбиты шкурой с ноги оленя. Припасы несли на себе или везли на нартах. На зимние промыслы охотники уходили дальше от дома, чем осенью. Проходимый путь они измеряли *чомкостами*, т. е. расстоянием между двумя *чомами* (шалашами), которое охотник мог пройти на лыжах без отдыха. Отсюда чомкосты в километровом выражении оказывались неодинаковыми, от 5 до 40 км, так как их длина зависела от условий пути. Прибыв на место, охотники поселялись в избушке (*вёр-керка*, *пывсян*). Вёр-керка представляла собой небольшую избушку типа «черной» (курной) бани. Внутренняя планировка ее и убранство были несложны и довольно однообразны, они почти ничем не отличались от уже описанных в этнографической литературе ²⁸.

Вёр-керка служила охотникам для приготовления и приема пищи и отдыха. В самой избушке и в сенях (если они имелись) находились самые необходимые принадлежности. Все прочее, в том числе запасы продовольствия, хранилось в особом амбаре (*турыш*), построенном поблизости от вёр-керки. Шагах в 20—30 от вёр-керки строили небольшой (2 × 2 м) крепкий амбар, приподнятый над землей на столбах или пнях на 1 м. В нем складывали добычу и хранили припасы. Иногда строили другой амбар, несколько меньших размеров, но приподнятый над землей еще выше (метров до 4) на одном толстом столбе. В такой амбар можно было попасть только при помощи приставной лестницы. В нем сохраняли припасы весной главным образом от медведя и росомахи.

Добыча промыслов сбывалась охотниками местным скупщикам и частично на ярмарках приезжим купцам. По словам А. Карелина, в 1895 г. «доход охотника-удорца невелик, например, рублей 50 выручает от белки, 7,5 руб. от путика и рублей 8 от других зверей. Но так как продукты охоты продаются скупщикам, то последние, меняя дичь и шкурки на товары, роняют цены первых на 25% чуть ли не для половины промышленников, так что доход промышленника, кормящего иной раз семью в 5 человек, колеблется от 44 до 15,5 рублей в год» ²⁹. По архивным данным, заработок охотника бывает от 10 до 50 руб. в год (в среднем 15—20 руб.). Число охотников по волостям было различным: меньше всего в Важгортской (280) и больше всего в Разгортской (600), в остальных двух по 350—450 человек ³⁰.

Кроме охоты, широкое развитие в крае имело рыболовство. Главными местами лова рыбы в крае являлись озера, заливы и мелкие речки — притоки Мезени и Вашки. Единственная рыба, которую вылавливали главным образом в больших реках, — это семга. Следует отметить, что промысел семги занимал первое

²⁸ В. А. Русанов. Статьи, лекции, письма. Л., 1945; «Мезенская экспедиция». М., 1929.

²⁹ А. Карелин. Указ. соч., стр. 117.

³⁰ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 665, лл. 39—40.

место, так как она имела большую ценность и шла не только на питание самих рыбаков и их семей, но и на продажу. Ее ловили обычно осенью. Приспособления были весьма простыми. Семга при своем продвижении к верховьям рек для метания икры останавливается для отдыха в тихих местах, где меньше течение. Учитывая это, рыбаки или использовали образованные течением песчаные мели (*заструга*), или строили поперек течения в самом быстром и глубоком месте загородку (*васай*), вбивая в дно кольца и оплетая их ветвями. В этом месте забрасывали сеть по течению реки. Рыба, собираясь в загородке, начинала играть и запутывалась в сетях. Если ехать осенью по Мезени и Вашке, то можно было встретить бесчисленное количество таких васай. Массовый вылов семги, мешавший ей провести нерест, привел к сокращению запасов этой рыбы. «В недавнее еще время — лет шесть тому назад, — писал Н. Д. Волков в 1879 г., — в р. Мезени и отчасти Вашке, притоке ее, ловля семги была весьма добычлива, но в настоящее время промысел этот упал»³¹.

Для ловли рыбы в озерах, заливах и более крупных реках использовали различные сети и в их числе невод (*тыв*), сплетенный из тонких суровых ниток, бредень (*кõвтым*) из толстых ниток, мережу (*ветель*) из тонких ниток с мелкой ячейкой, ставные сети (*трегубеч*, или *кулõм*) с крупной ячейкой. Их забрасывали в воду, иногда кольцом окружали определенное место, где должна быть рыба, а затем спугивали ее и она запутывалась в сетях. На мелких реках, а также и в озерах чаще всего использовали морду (*гымгу*). Эта ловушка, имеющая вид усеченного конуса, хорошо описана в литературе. Гымгу обычно устанавливали устьем по течению, но возможна и обратная установка, против течения. Для того чтобы рыба вернее попала в морду, речку или залив перегородивали полностью специальным заборчиком (*вис*) из сосновой лучины или другого подручного материала. Основная масса мелкой рыбы вылавливалась рыбаками именно с помощью морд. Из других, менее распространенных, орудий лова рыбы можно еще упомянуть перемет (*прõдõльник*), дорожку (*кысман*), удочку (*вугыр*). Осенью и весной в темные ночи применялось лучение рыбы (*кыбõм*). Для этого на носу лодки на особом приспособлении (*коза-айдлас*) зажигали костер из сухих смолистых дров. Он освещал воду, и видимую на дне крупную рыбу били острой (*айдлас*).

Зимой рыбу вылавливали из-под льда неводами, а также применяли глушение рыбы. Впрочем, последнее было возможно только в тот период, когда лед еще тонкий и прозрачный. Рыболов высматривал рыбу (особенно налимов), стоящую у берега под самым льдом, и сильно бил по льду деревянным молотом. Затем пробивал прорубь и доставал оглушенную рыбу. Продук-

³¹ Н. Д. Волков. Указ. соч., стр. 4—5.

ты рыболовства в основном, за исключением семги, потреблялись самими удорцами.

За право рыбной ловли крестьяне платили особые налоги. В 1878 г. приказом министра государственных имуществ реки Мезень и Вашка с притоками были отданы в пользование крестьянам без всяких торгов (до 1878 г. управление несколько раз пыталось организовать торги, но крестьяне на них не являлись). Было установлено, что жители Разгортского общества будут платить по 2,5 коп., а Глотовского по 1,5 коп. с ревизской души за рыбную ловлю. Важгортское общество, как наиболее бедное, получило право ловить рыбу бесплатно. Более мелкие рыболовные угодья и особенно озера по-прежнему сдавались с торгов. Так, например, такая оброчная статья была образована из озера Китова, находящегося в 100 км от с. Ертом. Было намечено сдавать его на три года с платой оброка в сумме 15 руб. 10 коп. В 1880 г. это озеро на указанных условиях купил крестьянин Петиев³². Следовательно, даже рыболовство было более доступно лишь для зажиточных слоев крестьянства.

Другие промыслы, кроме охоты и рыболовства, большого развития в крае не получили. Во второй половине XIX в. в отдельных поселениях встречались люди, занимавшиеся портняжным ремеслом, например писарь Косланского волостного правления; имелись крестьяне, выжигавшие лес для получения золы, которую продавали соседям, использовавшим ее при выделке кож. В Глотовской волости упоминаются семь столяров и пять кузнецов, в других волостях своих хороших столяров не было, работали обычно пришлые. Значительно больше развивались в крае отхожие промыслы. В 1892 г. в Важгортской волости отходников насчитывалось 302 человека, в Глотовской — 80 и в Ертомской — 15. Занятия их были самые разнообразные. В Глотовской волости все 80 занимались коновальством. Из Важгортской волости 30—40 человек «ежегодно отлучаются в Сибирские же волости, занимаясь коновальством; человек 50 отлучаются в соседние местности для заработков, занимаясь катанием валеной обуви, портняжеством и чеботарством; человек до 5 ради заработков живут в Санкт-Петербурге»³³ и, кроме всего прочего, 50 человек занимались извозом. Производство продуктов сухой перегонки дерева на Удоре не было известно. Еще в 1880 г. Важгортское волостное правление обращалось в Яренскую уездную земскую управу, прося выслать инструкторов для обучения крестьян этому делу. Вследствие отсутствия смолокурения, выгонки дегтя и скипидара эти продукты в волости по цене приравнивались к стоимости ржаной муки. В 1915 г. в крае имелось 19 мелких кузниц, 26 водяных мельниц, четыре смолокурных кустар-

³² ЦГА Коми АССР, ф. 175, оп. 1, д. 30, лл. 53—53 об.; д. 74, лл. 1—7 об.

³³ Там же, ф. 117, оп. 1, д. 177, л. 97; д. 306, лл. 54—55; д. 449, лл. 26—27; д. 665, лл. 37—40.

ных завода, один дегтекуренный и один кирпичный. Большая часть их находилась в Важгортской волости³⁴.

В последней четверти XIX в. в Удорском крае начали развиваться лесозаготовки. В 1890—1891 гг. из Важгортской волости принимали участие в рубке леса для лесопромышленников Русанова и Ружникова 148 человек и из Глотовской волости 150 человек. До появления лесопромышленника Русанова рубка леса на Удоре происходила лишь от случая к случаю по прямому указанию властей, главным образом с целью заготовки корабельного леса. Так, в 1804 г. группа крестьян во главе с Амосовым заготовила лес для кораблестроения в Венденской волости по р. Лоптюге и, согласно договору, должна была сплавить его до Архангельска³⁵. Русанов заключил контракт на заготовку леса на Удоре в 1870 г.³⁶ Позднее там появились и многие другие фирмы, как «Братья Ружниковы», «Торговый дом братьев Володиных», «Торговый дом братья Кыркаловы», «Торговый дом Амосов, Гернет и К⁰» и «Товарищество Архангельского лесопильного завода».

По выставленным правительством условиям лесозаготовками на Удоре могли заниматься лишь те промышленники, которые имели лесопильные заводы на Мезени или в Архангельске. Русановым лесопильный завод на Мезени был построен в 1880 г., а в 1881 г. в Лампоженской заводи для завода было уже запасено 37 889 бревен³⁷. В последующие годы лесозаготовки в крае постоянно возрастали.

Большая часть отходников покидала дом на сравнительно короткое время. В основном они стремились вернуться к полевым работам или к сенокосу. Но были и такие, у которых все полевые работы выполнялись их семьями. Очень немногие отходники отказывались от наделов. Большинство их предпочитало сохранять за собой свои земли. Только некоторые отдавали их в пользование своим поручителям.

Отходники не порывали полностью с сельским хозяйством. Уходя на отхожие промыслы, крестьяне имели целью заработать деньги на прокорм семьи и на укрепление хозяйства. Из числа отходников большой известностью не только среди коми, но и среди окружающего русского населения пользовались удорские коновалы. Их насчитывалось в крае 80 человек, «унаследовавших искусство врачевания скота от дедов и отцов»³⁸. Коновалы ревниво охраняли свои знания и передавали их по наследству от отца к сыну.

Слабое развитие крестьянских подсобных промыслов объяснялось, видимо, отсутствием рынка в крае. Крестьяне могли

³⁴ Там же, д. 2814, л. 10.

³⁵ Там же, ф. 100, оп. 1, д. 69, л. 55 об.

³⁶ Там же, ф. 175, оп. 1, д. 29, л. 179.

³⁷ Там же, д. 105, л. 123.

³⁸ Н. Д. Волков. Указ. соч., стр. 20.

сбывать свои товары лишь на единственной в крае Крещенской Важгортской ярмарке, действовавшей 12 дней в году с 6 по 18 января. Второй ярмаркой, более или менее доступной для населения Удорского края, была Никольская на Пинеге в декабре месяце, третьей — Усть-Вымская. На Крещенскую ярмарку в Важгорт собиралось не только окрестное коми население, но также и русские с окружающих территорий, особенно с нижней Вашки, Мезени и Пинеге, и ненцы. С еще более дальних мест съезжались купцы: из Пустозерска, Ижмы, Устюга, Вологды, Яренска, Сольвычегодска, Каргополя и Усть-Сысольска.

Основным товаром на этой ярмарке продолжали оставаться продукты охотничьего промысла. Правда, продавали пушнину на ярмарке не столько сами промышленники, сколько скупщики, заблаговременно, как отмечалось выше, скупавшие меха у охотников. Роль этих местных скупщиков в крае была очень велика. По словам большинства исследователей XIX в., «почти половина всей добычи промыслов идет через руки скупщиков»³⁹. Скупщиками в крае выступали местные кулаки. Удорское кулачество обращало мало внимания на сельское хозяйство вследствие его слабой эффективности и занималось главным образом торговлей. «Разбросанность удорских селений на громадном пространстве, неудобство путей сообщения препятствует учреждению правильных рынков в известных пунктах; вследствие этого кулачество здесь развито до крайности. Едва ли не в каждом селении есть кулак, снабжающий удорца самыми необходимыми жизненными припасами, и порохом, и свинцом... Купец всегда ценит товар удорца на несколько процентов ниже против курса ярмарочного, а свой поднимает до баснословной цены. Из этого выходит то, что половина промышленников бедных теряет в своих продуктах по промыслам почти четверть против цен ярмарочных»⁴⁰. Подобная система произвольного взвинчивания цен на свои товары и понижение на чужие приводила к закабалению охотников, которые оказывались вынужденными отдавать добычу кулаку на любых условиях, запутывались в долгах, разорялись и нищали. Вследствие этой предварительной скупки товаров ярмарка в Важгорте не приносила существенной прибыли массе крестьянства, попавшей в кабалу к кулакам. Зато кулачество сильно наживалось, перепродавая по повышенной цене отобранную по дешевке у охотников пушнину.

Как уже указывалось, пушнина на Важгортской ярмарке являлась основным товаром. Кроме нее, торговали еще рыбой: семгой, осетром, пелядью, окунем и т. д., причем рыбу в основном привозили на продажу ненцы. Последних на ярмарку собиралось до 40 чумов. Стояли они не в самом селе, а в ближайшем лесу, чтобы олени, которых было несколько тысяч, могли иметь

³⁹ Н. Д. Волков. Указ. соч., стр. 15.

⁴⁰ И. Титов. Ярмарки на Вашке. ВГВ, 1840, № 38.

поблизости необходимую пищу. На деньги, вырученные от продажи рыбы, ненцы покупали хлеб, табак, чай и сахар, а более богатые еще пряники и особенно водку. Местное крестьянство, кроме пушнины и рыбы, сбывало на ярмарке немного мяса, сала и масла. В весьма незначительном количестве появлялось также сукно своего изготовления. Купцы же привозили различные мелочные нужные в крестьянском обиходе товары, которые трудно или невозможно было изготовлять на месте.

Кроме того, независимо от ярмарки пушнину закупали и вывозили и в иное время скупщики из Москвы, Петербурга и Архангельска. Участвовали в этом также и местные торговцы. В 1915 г. в крае насчитывалось более 20 мануфактурных и мелочных лавок, владельцы которых не только снабжали население товарами втридорога, но одновременно занимались и скупкой пушнины⁴¹. Распространенным было лотошничество (*кока лавка*). Лотошники, все товары которых помещались в небольшом сундучке, как правило, были с Вычегды, в частности из с. Зеленец. Они ходили со своим товаром по селам, заходя в каждый дом.

Кроме торгового значения, ярмарки служили местом знакомства коми с русским языком и русской культурой, способствовали укреплению дружественных связей между коми и русским народами. Через Крещенскую ярмарку получили распространение среди коми яркие прялки мезенской росписи, изготовлявшиеся русскими крестьянами с. Палашелье, деревянные расписные ложки из с. Покшеньги, разрисованные сундуки, короба и другие красочные изделия крестьянского ремесла.

Развитие промыслов и торговли в Удорском крае чрезвычайно затруднялось бездорожьем. Местные селения были отрезаны от соседей широкой полосой дремучих лесов и болот, растянувшихся на десятки и сотни километров. Не только в XIX, но и в начале XX в. Удора по-прежнему оставалась самой глухой окраиной Яренского уезда. Даже с уездным центром — г. Яренском — не было регулярной прямой связи.

В летнее время на Удору можно было пробраться лишь с Выми, да и то с большим трудом. Путь этот шел вначале верст 150 вверх по течению Выми, затем по ее притоку Елве до волока, где располагается теперь маленькая деревушка Пегышдор. Оттуда волоком в 6—7 верст лодки перетаскивали в Ирву (приток Мезени) и по ней спускались до Глотовой слободки и далее уже плыли по самой Мезени. Лодки через волок перетаскивали на лошадях, которых доставляли из с. Весляны, находившемся в 60 верстах от волока. Более прямой путь с Удоры на юг, на нижнюю Вычегду, шел с верховьев Вашки на Яренгу, но эта дорога длиною в 120 верст в основном шла волоком по безлюдным местам, так как между дер. Лоптюга на Вашке и дер.

⁴¹ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 814, л. 10.

Куришевой на Яренге населенных пунктов не было. В летнее время этот путь считался практически непроходимым. По нему можно было пробраться лишь пешком, утопая по пояс в болотах, поэтому пользовались им редкие смельчаки. Лишь в 1917 г. был проложен здесь летний тракт от дер. Лоптюга до дер. Чорва (160 км) и далее до г. Яренск (39 км), снабженный стационарными избушками⁴². На север сухопутных дорог из края также не было, но здесь их заменяли реки Мезень и Вашка. Однако в экономическом отношении пути на север имели для удорцев гораздо меньшее значение, чем на юг, хотя и были много удобнее.

Летнее бездорожье прекращалось только с наступлением зимы. Зимние дороги были короче и проходимее летних, поэтому даже путь с Вашки на Яренгу зимой был довольно оживленным. Путь с Выми на Мезень зимой проходил не по указанным выше рекам, а прямой дорогой в 110 верст от дер. Турьинской до Глотовой слободки. От Кослана зимний путь пролегал через Бугкан на Шежам. Для отдыха путников на тракте имелись избушки. Кроме указанных зимних дорог, игравших основную роль в экономике края, следует отметить также торговый путь с Вашки на Пинегу. Он шел от с. Кривой Наволок на Вашке до дер. Нюхча на р. Пинеге. В летнее время им не пользовались. Зимой же он оживал в связи с открытием Важгортской и Никольской ярмарок.

Местное крестьянство упорно боролось против бездорожья, неоднократно обращаясь к правительству и земству с просьбами улучшить старые и провести новые пути. В 1893 г. жители дер. Муфтыжской приняли решение за свой счет провести зимнюю дорогу до с. Верхольского на Пинеге, но управление государственных имуществ отказало в разрешении, мотивируя ненадобностью. В 1897 г. крестьяне с. Глотова добились разрешения на проведение зимней дороги до с. Ижма. После всевозможных проволочек в 1907 г. дорога все же была проложена. В это же время обитатели с. Пучком начали прокладывать зимнюю дорогу в с. Сура на Пинеге⁴³.

Летние дороги внутри Удорского края находились в таком же непроезжем состоянии. Главное значение внутри края имел волок на водоразделе между Мезенью и Вашкой от с. Разгортского до с. Венденского. Этот сорокаверстный волок летом можно было преодолеть только пешком или верхом. Путников также перевозили в санях, запряженных парой лошадей. На телеге проехать этой дорогой было невозможно. По данным источников, в 1899 г. «невозможен был проезд летом в экипажах через 40-верстный Разгортско-Венденский волок и все лица... волей-неволей следовали на верховых лошадях, на лошадях, заложенных в сани, или же пешком. Кроме того, каждый проезжающий,

⁴² ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 2, д. 86, лл. 2—3 об.

⁴³ Там же, ф. 175, оп. 1, д. 290, лл. 2—18; д. 501, лл. 6—36; ф. 171, оп. 1, д. 5, лл. 6—11.



Рис. 10. Волокуша (с Пучком)

не говоря уже о потере 17 часов времени, подвергал себя опасности, проезжая летом в санях по пням и корням»⁴⁴. Однако в начале XX в. этот тракт был несколько улучшен: прорублены просеки и на болотистых местах сделана гать. Этого требовала развивающаяся почтовая связь. Для перевозки почты существовала гоньба. Между отдельными селениями связь поддерживалась по реке. Тропинки и дороги, особенно на Вашке, где местность болотистая, были не лучше мезенско-вашского волока. По ним тоже можно было передвигаться или пешком, или, если на лошадях, то в санях.

При подобном состоянии сухопутных дорог ясно, что колесные повозки широкого распространения в крае не получили. Однако в XX в. в крае были известны двухколесные одноосные повозки (*тэльёг*) и четырехколесные (*нёлъ чильгана*) тарантасы. Как рано они появились на Удоре, пока ответить невозможно. Упряжь конская — обычная (уздечка, хомут, шлея и т. д.), так что на описании ее останавливаться нет необходимости. Вместо колесных повозок долгое время летом использовались сани (*дойд*) и волокуши (*вуж дойд*). Последние отличаются тем, что нижний конец длинных оглобель у них загнут. Он тащится по земле, но вследствие его дугообразности трение о землю получается небольшое. Концы оглобель скрепляются поперечниками. Образуется место для сиденья и груза. Волокуши широко ис-

⁴⁴ Там же, д. 385, л. 238.

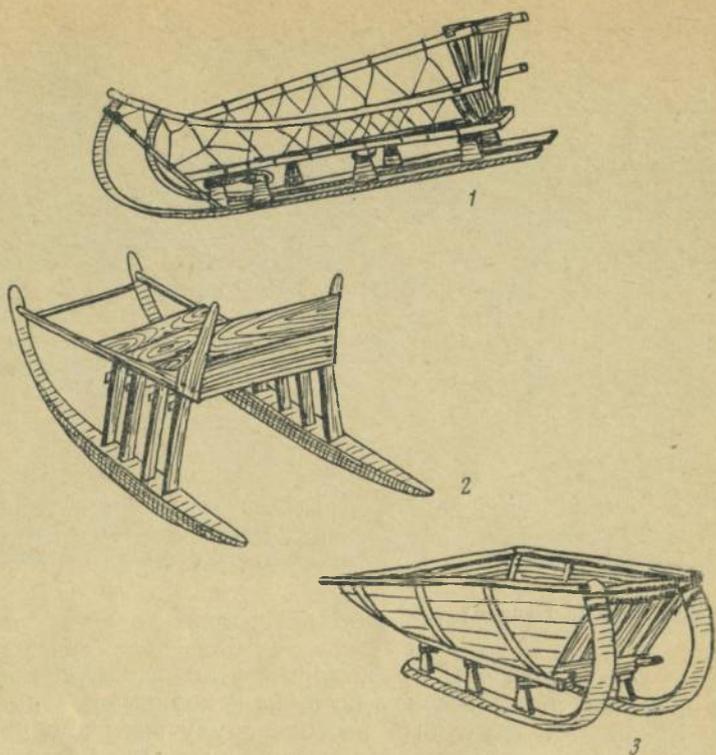


Рис. 11. Средства передвижения

1 — пассажирские сани (кошюва); 2 — ездовые оленье нарты; 3 — грузовые сани (розвалья)

пользовались для перевозки грузов, особенно урожая с полей (снопов и т. д.). Впрочем, в последнем случае нередко пользовались обычными дровнями. При перевозках в болотистых местах волокуши и сани были более удобны, чем телеги⁴⁵.

В зимнее время перевозка грузов и людей производилась в санях разных типов. Грузы перевозили на простых грузовых санях-дровнях и розвальнях (розвалья). Розвальни пассажирские и грузовые несколько различались по своему устройству. Последние обычно имели кузов, сколоченный из досок, довольно вместительный, но вследствие своей высоты неустойчивый. Пассажирские же делались обычно шире и ниже, поэтому они были более устойчивы. Впрочем, для перевозки людей существовали специальные типы саней — кошювки (кошюва), отличавшиеся вместительным удобным кузовом при небольших размерах. Кошювки делались на одного или двух человек. Для удобства пас-

⁴⁵ И. Брусилов. Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833, стр. 46.

сажира кузов делался не жесткий, а мягкий, плетенный из дранки или из веревочной сетки, на деревянном каркасе. В лучшем случае такие кошевки имели закрытый верх (*балк, балкья кошва*). Основной тягловой силой и зимой, и летом являлась лошадь. Значительно менее распространенным летним животным был олень. Поскольку оленеводство удорцы восприняли от ненцев, то и нарты, и вся оленья упряжь были типично ненецкими, неоднократно описанными в этнографической литературе.

Следует остановиться на водном транспорте. Здесь основную роль играли лодки (*пыж*) разнообразных типов. Для перевозки грузов использовались лодки крупных размеров, широкие, вместительные, с большой грузоподъемностью и мелкой осадкой (карбасы). В некоторых случаях для перевозок применялись плоты, особенно при перевозке сена. Лодки — обычно килевые, борта — дощатые. Долбленные лодки-осиновки небольших размеров использовались охотниками и рыбаками. Они поднимали не более двух человек или одного промышленника с грузом. Удорские лодки имели неглубокую осадку, что очень удобно при плавании по мелководным речкам. Не только небольшие притоки, но и сами Мезень и Вашка в летнее время сильно усыхают и мелеют, а вследствие размыва песчаных берегов русла их часто меняются. Множество песчаных мелей затрудняет плавание по удорским рекам. Поэтому легкая мелкоосидающая лодка была там единственно подходящим видом транспорта. Надо отметить, что веслами (*маль*) в плавании пользовались довольно редко, только в период большой воды и на глубоких местах, главным образом спускаясь вниз по течению. Вверх по течению лодки поднимали на шестах и специальных длинных и узких рулевых веслах (*пелыс*), отталкиваясь от дна. Лопасть пелыс шириной 7—10 см в разрезе имела треугольную форму. На конец ее для лучшего упора надевался специальный двухшипный наконечник. Более тяжелые груженные лодки нередко тянули бечевой один или несколько человек. На крупных лодках при всех возможных случаях ставили парус. Скорость движения лодки была невелика: вниз по течению спускались в сутки верст 50, а вверх поднимались не больше 20 (редко 30).

Речное пароходство не было развито. Первый и единственный пароход «Берта» с 15-сильным двигателем появился на р. Мезени в 1903 г.⁴⁶ Старожилы вспоминают, что по Вашке первый пароход поднялся в 1917 г.

Подобное состояние путей и средств сообщения в Удорском крае в XIX — начале XX в. безусловно не способствовало преодолению его оторванности от соседних территорий, не помогало сплочению удорцев с другими группами коми в единую нацию. Ликвидация этого бездорожья стала одной из важнейших задач Советской власти.

⁴⁶ «Мезенская экспедиция». М., 1929, стр. 208.

Подводя итог изложенному, можно утверждать, что основные занятия крестьянского населения края в XIX — начале XX в. оставались прежними, с тем лишь различием, что возросла роль сельского хозяйства и особенно скотоводства в связи с начавшимся упадком промыслов, в частности охоты. Удорское кулачество, отбирая за бесценно добычу охотников и постепенно закабалая их, еще более ухудшало положение трудящихся масс Удорского края. В начале XX в. удорские крестьяне находились на грани полного обнищания и разорения. Только Великая Октябрьская социалистическая революция спасла удорцев от столь печальной участи и открыла для них новую дорогу.

Культурно-бытовая специфика

В XIX — начале XX в. в крае существовали поселения только сельского типа: села и деревни. Как отмечалось выше, большинство поселений на Удоре основано в XVI—XVII вв. В последующие периоды возникновение новых населенных пунктов резко сокращается. В описываемое время появляется только несколько мелких починок в один-два двора.

Для периода капитализма характерен иной процесс. Вместо возникновения новых поселений в крае идет быстрое укрупнение существующих сел и деревень. В то же время следует отметить факт неравномерного развития поселений. Одни разрастаются сравнительно быстро, другие медленно, третьи, наоборот, застывают в росте и даже сокращаются. Важнейшим стимулом роста поселений являлась торговля. Ее влияние наиболее ярко прослеживается на примере с. Важгорт. Именно учреждение в нем ежегодной Крещенской ярмарки вызвало бурный рост поселения и сложение в нем особого типа двухэтажного жилища (см. ниже), приспособленного для торговых целей. Большое значение имело также расположение поселений, в частности нахождение села в центре группы населенных пунктов, особенно при наличии в нем административных сельских учреждений. Подобным центральным положением объясняется выдвижение с. Ертом.

С другой стороны, поселения, возникшие в стороне от торговых и прочих путей, вдали от других населенных пунктов, росли медленно или совсем не росли. Некоторые села, ранее игравшие важную роль в крае, будучи старыми административными центрами, утратив прежнее значение, даже начали пустеть, как, например, с. Вендинга.

Для поселений края в этот период остается характерным прибрежно-рядовое расселение. Новой чертой в населенных пунктах с начала XX в. можно считать появление уличной планировки. Ее начинают приобретать новые части сел, в особенности в крупных пунктах (Важгорт, Кослан и т. д.). Беспорядочное расположение домов постепенно начинает исчезать. Оно сохраняется

только в наиболее старых концах поселений и в мелких деревнях с незначительным новым жилым строительством.

Дома в удорских поселениях стояли друг возле друга на незначительном расстоянии, и возле дома участок земли был очень небольшой, а иногда и вообще отсутствовал, ограждалась лишь часть открытого пространства около дома. Приусадебные земли обычно располагались за деревней. Участок у дома являлся подсобным к закрытому двору. Даже колодцы (*струба*) устраивались не на этом пространстве, а прямо на улице. Амбары обычно стояли или напротив дома на другой стороне улицы или проезда, или же группами за деревней. Там же группами располагались риги с крытыми гумнами. Ближе к дому ставился погреб. Обычное место погреба — напротив дома. Бани предпочитали строить у воды обычно группами же. Изредка их ставили и возле дома. Характерно группирование построек одного назначения в едином месте. В одном конце, например, была группа амбаров, в другом — группа бань, в третьем — группа риг и т. д. Впрочем, совершенно не обязательно, чтобы все постройки одинакового назначения сосредоточивались в одном месте. Могло существовать, например, несколько групп амбаров и наряду с ними имелись отдельно стоящие амбары и т. д.

Господствующим типом жилища в XIX — начале XX в. продолжал оставаться одноэтажный дом из летней и зимней избы. Свободная изба использовалась в качестве чулана или кладовой. До середины XIX в. избы в большинстве случаев строились только черные (курные). Во второй половине XIX в. получают рас-

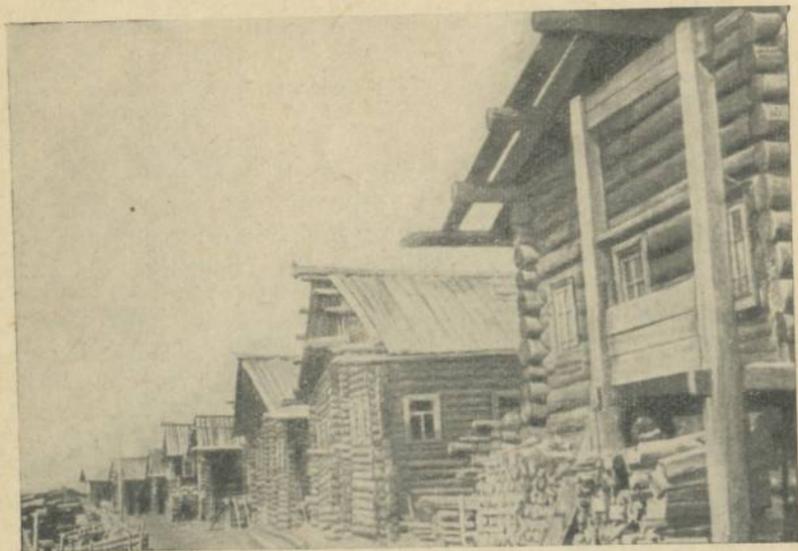


Рис. 12. Прибрежно-рядовое расселение (дер. Муфтага)

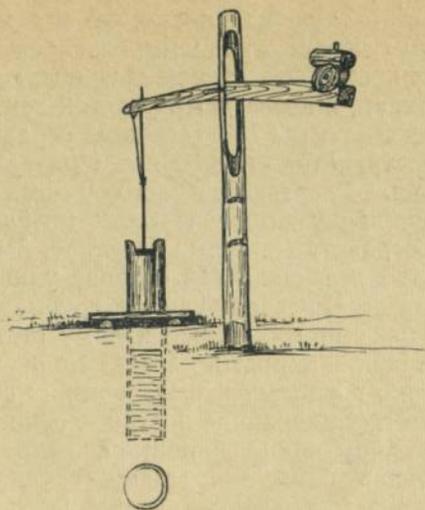
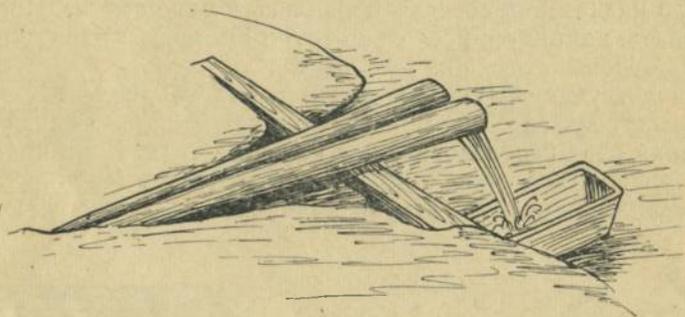


Рис. 13. Источники питьевой воды: колодец (*струба*) и родник (села Кослан и Важгорт)



пространение избы с топкой по-белому. В последней четверти XIX в. в крае курных изб уже не строили. Они сохранялись еще у многих хозяев, но в них жили редко. Использовали их главным образом вместо овинов: сушили в них хлеб, лен и т. д., а иногда там же и обмолачивали.

Строительным материалом в Удорском крае, как и вообще в лесной зоне, служило дерево, главным образом сосна. На нижней Мезени русские очень широко использовали лиственницу, из которой строили весь сруб или, в случае недостатка ее, делали два-три нижних венца⁴⁷. На Удоре же лиственница употреблялась только на первый нижний наземный венец сруба. Сам сруб рубили из сосновых бревен. Лес заготавливали зимой, и до весны

⁴⁷ И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества русского севера. М., 1955, стр. 14.

он сох (иногда сушка леса длилась значительно большее время). Подсохшие очищенные от коры бревна (*кер*) шли прежде всего на сруб (*струб*). Часто его поднимали сразу на мху на уже заранее избранном месте. Но встречалась и другая форма, когда сруб без моховой прокладки рубили прямо там, где заготавливали лес, а потом готовым привозили на место и возводили снова уже с мохом.

Разрешение на постройку выдавало волостное правление. Так, в одном из документов сообщается, что «гловотский волостной старшина Д. Политов в присутствии нижеподписавшихся понятых крестьян постановил сей акт в том, что по просьбе крестьянина села Глотова Е. Щечева отвел место под постройку ему дома на основании строительного устава, рядом со своей старой избой не отступая нисколько [поставить] избу, а если [сможет] поставить и другую рядом с ней»⁴⁸. Фундаментов не было. Первый венец сруба клали прямо на землю. Сруб рубился «в чашу» (*пельёс*). Другие способы рубки угла не были известны.

Строительные инструменты не были разнообразны. Новые инструменты проникали постепенно из соседних русских селений. Поэтому и названия за ними сохранились русские. Так к концу XIX в. получила распространение поперечная пила, а позднее и продольная. Плотники имелись почти в каждом населенном пункте. Строительством занимались сами крестьяне, приглашая специалистов только для более сложных столярных работ, например для устройства косяков, рам и т. д. Широкое распространение имели «помочи» (*помеч*). Расплачивались хозяева с помощниками угощением, для чего заранее приготавливали пиво (*сур*) и покупали водку.

Согласно источникам, в середине XIX в. в крае был распространен дом, состоявший из двух изб с совершенно самостоятельными срубами. Между ними помещались сени обычного, весьма примитивного устройства. Сзади к жилой части пристраивался двухъярусный двор.

После возведения сруба избы, имевшего не менее 20 венцов, приступали к внутреннему устройству дома и прежде всего к настилке полов (*джодж*) и потолков (*йирт*). Первые, укрепленные обычно на переводах (*переводина*), укладывались примерно на высоте середины сруба, поэтому изба была хотя довольно широкая и просторная, но сравнительно низкая, особенно зимняя изба. Переводов было, как минимум, три: два по краям пола, вдоль стен, и один посредине. Делали их из круглых бревен, которые пропускались между бревнами сруба; на них настилали половицы, которые прежде тоже делались из бревен, подтесанных с верхней стороны, чтобы пол был гладким. С нижней стороны они оставались круглыми, и для того, чтобы они лежали ровно, в них вырубали пазы, в которые входили переводы. Позд-

⁴⁸ ЦГА Коми АССР, ф. 132, оп. 1, д. 3, л. 8.

нее полы стали делать из бревен, расколотых пополам, причем выбирались наиболее крупные деревья, чтобы половицы были шире и, следовательно, требовались в меньшем числе, так как изготавливать их без продольной пилы было трудно. Нижняя сторона таких половиц также оставалась круглой. Полы в избах были одинарные. Двойные распространились поздно.

Потолки, как и полы, также были одинарные и из круглых бревен, которые даже с нижней стороны не подтесывались. Позднее, с конца XIX в., потолки стали делать из плах или горбыля. Укреплялись потолочины концами в специальные пазы, вырубленные в стенах. Пазы назывались *черепами*, а отсюда и бревно, в котором их прорезывали, называлось *череп-кер*. В средней части потолок поддерживала матица (*матиц*) — круглое толстое бревно, врубленное концами в стены. Потолок сверху засыпали землей для тепла.

Крыша была тесовая, причем до конца XIX в. плахи вытесывали топором. В XX в. распространяются пиленые доски. Избы имели односкатное покрытие, но в целом над домом кровля получалась двускатная. Укреплялась она на бревенчатом фронтоне. Последний бывал двух типов: а) каждая изба имела отдельный фронтон (в этом случае крыша была довольно плоской), б) над обоими избами поднимался единый фронтон (в этом случае он был выше, и крыша оказывалась значительно более крутой). В первом случае фронтон (*керка юр*) был высотой всего четыре-пять бревен, во втором же случае не менее 10 бревен.

При наличии отдельных фронтонов крыша дома не получала законченного оформления. Верхние концы ската (*сигёр*) крыш изб не сходились вплотную, так как край одного мог быть ниже второго иногда даже на метр. Стык происходил как раз над сенями. Это слабое смыкание крыш было вызвано отсутствием труб в курных избах, дым из которых при топке выпускался в сени и оттуда уже через щели уходил в воздух. Для быстрейшего вытягивания дыма нередко устраивали дымник — деревянную трубу, шедшую в сенях от специального дымового отверстия вдоль стены на крышу. Плотная кровля, особенно в гребне, затрудняла бы отток дыма из избы при топке. Плотное смыкание односкатных крыш — явление более позднее, вызванное распространением печей с трубами. Здесь двускатное покрытие получило законченное оформление. Верхние края досок скатыв стали сводить на одном князевом бревне и прижимать сверху охлупнем (*охлупень*). Последний обычно представлял собой выдолбленное с внутренней стороны желобом бревно. Иногда переднему концу его, являвшемуся комлем дерева, придавалась форма конской или птичьей головы.

Окон (*ошинь*) в избе было четыре, иногда пять: два-три на переднем фасаде и одно-два на боковом. Окна устраивались маленькие, волоковые (40×50 см), без косяков, с одной рамой. Еще в середине XIX в. их вместо стекла нередко затягивали бычьим

пузырем. Затем распространилось стекло. Но поскольку оно было слишком дорого, крестьяне стремились использовать его в возможно меньших количествах. Отсюда частый переплет в раме, позволяющий применять мелкие куски стекла. Только одно окно в доме делалось более крупных размеров. Это было так называемое красное окно. Оно имело косяки (*бель*) и подоконник (*бѣшинь порог*). Рама в нем также была одна. До появления большого косячатого красного окна выделялось тем, что прорубалось в стене несколько выше остальных. Большие косячатые окна постепенно вытесняли маленькие сначала в летних избах и горницах, а затем в зимних. К началу XX в. эта замена в основном завершилась.

В первой половине XIX в. печь (*пач*) в доме имелась только в зимней избе. В конце XIX в. печи появляются и в летних избах, и не только в тех, которые служили в качестве кухни, но и в комнатах (горницах). В зимних избах и в кухнях печи были русского типа, из глины. В XX в. распространяется кирпич-сырец. В первой половине XIX в. в зимних избах печи топилась по-черному, во второй половине они постепенно заменяются печами с трубами. В горницах в XX в. распространяются голландки.

Русская печь в избе всегда ставилась в углу у той стены, в которой был вход. Устьем она была обращена к противоположной двери стене бокового фасада дома, где для освещения прорубали специальное окно. Печь обычно не задвигалась в самый угол. Она стояла несколько отступая от задней стены дома, ближе к двери (*ыбѣс*). Пространство между печью и этой стеной служило или для хранения громоздкой кухонной утвари, или же здесь устраивался вход в подполье (в голбец или хлев). В летних избах, где вход в подполье делался с улицы, печь устанавливали в самом углу устьем к окнам противоположной входу стены. В комнатах и горницах голландка занимала различное положение. Обычно она находилась в задней части избы ближе к двери и устьем была обращена в темный угол, прилегавший к двери. Вплотную к стене ее никогда не ставили.

Вход в избу или горницу вел или из сеней, или прямо из пети — верхнего яруса двора (сарай). Если летняя и зимняя избы строились друг возле друга в передней части комплексной постройки дом — двор, то между ними обычно располагались сени (*керкаводз*). Сени имели весьма примитивное устройство: пол был одинарный, наскоро уложенный и плохо укрепленный, с большими щелями между половицами. Потолка не имелось, и сени кое-как прикрывались краями верхних скатов крыш изб. Передняя и задняя стены сеней складывались из выступающих концов бревен срубов изб, которые выпускались такой длины, что соприкасались друг с другом. Если смыкания не получалось, оставшееся пространство забивали досками или вбивали в него обрубки бревен, но чаще только с передней стороны. Вход в сени в описываемом случае вел с переднего фасада дома.



Рис. 14. Распространенный тип дома со средней горницей и характерным высоким крыльцом. Охлупень крыши украшен изображением коня. Возле крыльца — типичная телега одноколка (дер. Муфтыга)

Перед входной дверью всегда устраивалось крыльцо. Оно бывало двух типов: высокое и низкое. Высокое крыльцо укреплялось на столбах, и лестничный марш на 10—15 ступеней шел вдоль стены дома. Такое крыльцо всегда делалось крытым. Низкое, часто открытое, имело лестничный марш всего из двух-трех ступеней и укреплялось не на столбах, а на срубе. Однако при низком крыльце всегда устраивалась внутренняя лестница в сенях сразу же за входными дверьми, так как пол избы и сеней находился на значительной высоте от земли. Высокое крыльцо в крае имело большее распространение, чем низкое.

Сени в удорском жилище нередко отсутствовали. С высокого крыльца вход вел прямо в сарай, куда открывались входные двери изб и горниц. Вход в избы из сарая устраивался особенно тогда, когда зимние и летние помещения находились в разных концах комплексной постройки. Наиболее частый случай — это расположение летнего жилища в передней части постройки, а зимнего — в задней или сбоку двора. С распространением в крае русского типа жилища, характерного для Архангельской и Вологодской губерний, который состоял из трех самостоятельных частей: переда (летней избы), середки (двора) и озадка (зимовки)⁴⁹, появились отдельные сени для обеих частей жили-

⁴⁹ М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина». СПб., 1913, вып. I-II.

ща, так как само расположение этих трех элементов постройки не оставляло возможностей сохранить общие.

Сени, когда имелись, служили связующим (промежуточным) звеном, а также использовались в качестве складочного помещения. Вдоль стен в них устраивались полки, где хранились различные вещи и продукты питания, на вбитых в стены колышках висела верхняя рабочая одежда, конская сбруя, охотничье снаряжение и т. д. Под полом в сенях в летнее время помещался мелкий скот (овцы).

Внутренняя планировка избы была севернорусского типа, однако никаких перегородок, выделяющих отдельные помещения для горницы, горенки и т. д., что характерно для русских жилищ Вологодской и Архангельской губерний⁵⁰, здесь не было. Единственное, что можно отметить,— это существование занавески, отделявшей пространство перед печью (*иньпöв, кöтшас*). Передний угол (*ен ув пельöс*), устраиваемый по диагонали от печи, был в противоположном входу конце помещения между стенами переднего и бокового фасадов, в которых были пробиты окна. В переднем углу стояли две длинные неподвижные лавки, шедшие вдоль стен, обеденный стол, короткие передвижные скамьи и иногда стулья своего изготовления.

Под потолком над лавками были устроены полки, на которых лежали мелкие вещи: клубки ниток, шапки, рукавицы, мелкие орудия и т. д. Для икон всегда имелась отдельная полочка, называвшаяся *енко* (божница). Полки устраивались на одной высоте с полатями (*пöлать*). Один из чиновников, проезжавший по краю в 1825 г., писал, что «в крестьянских избах устроены низко палаты, нары, полавошники и самые двери», и предлагал строить двери «не менее 2,5 аршин, а палаты и полавошники от полу не ниже 3 аршин, ибо высота в избах везде позволяет сие делать. Тем более, что между палатами и потолком будет точно ровное пространство»⁵¹.

Полаты в зимних избах были всегда в задней половине избы над дверьми. Они были довольно значительных размеров и тянулись от печи до противоположной стены, на высоте лежанки печи или несколько выше. Расстояние от пола до полатей было таким, чтобы под ними мог свободно проходить, не нагибаясь, взрослый человек. Пространство над полатями было разнообразное: в курных избах оно было весьма значительным, иногда даже в рост человека, в «белых» — гораздо ниже: в лучшем случае взрослый человек мог сидеть на полатях, нередко и это не было возможным. Полаты служили только для спанья в зимнее время. Для этой же цели использовались лежанки печи (*пач выв*) и голбечная пристройка, если она имелась (*гöлбеч выв*).

⁵⁰ М. Б. Едемский. Указ. соч., стр. 26—31.

⁵¹ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 279, л. 434.

Кухонная утварь и посуда хранились в женской части избы (*иньпöв*), т. е. в пространстве перед печью, отделенном занавеской от остальной части избы. Здесь имелся кухонный стол для приготовления пищи, полки с посудой, залавок для разной утвари, кадки (*карандыс*) с водой и т. д.

В конце XIX — начале XX в. получают распространение летние кухни. По внутренней планировке они мало отличались от зимних изб. Та же русская печь в углу у двери, передний угол по диагонали от печи, в котором стояли лавки и стол, и т. д. В летних кухнях обычно не было полатей и входа в подполье, так как оно использовалось в качестве погреба и имело вход с улицы.

Летняя половина дома еще в середине XIX в., как выше отмечалось, была холодной, т. е. печи не имела. Позднее, во второй половине XIX в., в летней избе появилась печь, причем здесь сразу стали строить печи с трубами, правда, вначале это были тоже русские печи, так как голландские появились лишь в конце XIX в. Именно в летней половине впервые получили распространение окна больших размеров. До конца XIX в. обстановка летней избы мало отличалась от зимней: те же лавки, скамьи, столы и т. д. С конца XIX в. в ней начинает появляться все больше предметов, воспринятых из городского обихода. Особенно заметно изменились планировка и обстановка в летней половине жилища с вы-

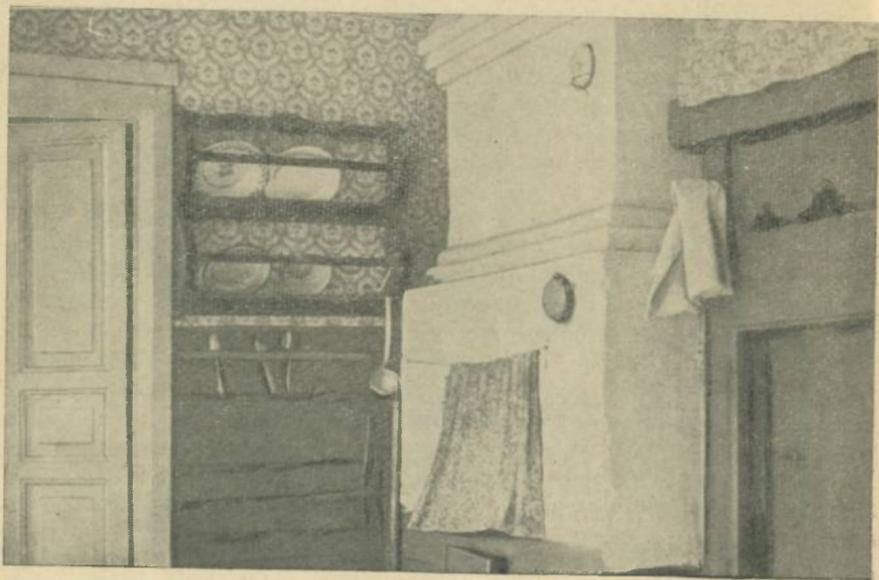


Рис. 15. Интерьер кухни. Видны вход в голбец, передняя часть русской печи и полка для посуды (с. Важгорт)

делением в избе комнат и горниц, отделенных от кухни. И если планировка и обстановка летней кухни оставались в основных чертах сходными с зимней избой, а позднее с зимней кухней, то комнаты и горницы получили совершенно иную планировку и обстановку. В последних прежде всего отсутствовала русская печь; в них строили голландку или плиту. Здесь имелась только городская мебель: стулья, жесткие диваны, комоды, столы разных размеров и фасонов, буфеты и т. д. Распространилась покраска, побелка потолков и даже оклейка стен. Именно комнаты и горницы стали считаться парадной частью жилища, и поэтому хозяева стремились по возможности приукрасить их. Отсюда цветы, лубочные и иные картины по стенам, занавески и тканые полотенца на окнах и т. д.

Большинство жилищ Удорского края возводилось на подклети. Помещение под полом имело разнообразное использование. Под зимней избой на Вашке оно обычно служило в качестве хлева для крупного рогатого скота на зимний стойловый период. Удобство такого расположения было в том, что хозяйка могла ухаживать за скотом, не выходя на холод. Вход в хлев устраивался за печью, где в других случаях помещалась дверь в голбец. Корм и поило скоту спускали прямо из избы через особое отверстие в полу (*рузь*), прикрывавшееся специальной крышкой (*рузь пöв*). Большим недостатком подобного использования подполья было то, что запах хлева поднимался в избу, да и нижние венцы дома быстро гнивали и требовали частой замены. Иногда часть помещения под полом выделялась перегородкой под голбец для хранения продуктов и овощей.

Под летними избами было распространено устройство погребов (подвал) с наружным входом с улицы. Здесь имелась яма со льдом для хранения продуктов в летнее время. Подобным образом использовалось подполье и в летних избах русского населения по р. Ваге. Иногда здесь вместо погреба устраивали амбар или просто складочное место.

Изменения в жилище удорских коми, происходившие в течение XIX в., касались не только его внутреннего убранства и обстановки, но и типа самого жилища. Выше уже отмечалось, что в середине XIX в. господствующим типом жилища удорцев был дом из двух изб: летней и зимней, или иначе — холодной и теплой половин. В конце XIX в. и особенно в начале XX в. получают широкое распространение в крае новые типы жилища, в основных чертах заимствованные от соседних русских жителей Архангельской и Вологодской губерний. Поскольку наиболее интенсивные связи (см. выше описание торговых и иных путей) с русскими имели удорцы северной и западной частей края (Пысская, Чупровская, Важгортская группы поселений), то эти заимствования резче проявились в жилище населения именно этих мест.

Прежний тип дома из двух изб, летней и зимней, сохранился лишь в поселениях глотовской и косланской групп. Обе избы



Рис. 16. Зимняя изба с хлевом в подполье. Выход из сеней ведет прямо на взвоз (дер. Муфтыга)

этого жилища располагались друг возле друга, занимая переднюю половину всей постройки дом-двор. Между ними находились сени, вход в которые вел с переднего фасада дома через высокое крыльцо. Крыши изб односкатные, некрутые, верхними краями сходились над сенями, но редко, чтобы вплотную. Обычно край одной был чуть ниже другой и заходил под него, поэтому здесь не имелось общего князевого бревна, а также охлупня. Окна были большие. На переднем фасаде дома их имелось обычно шесть, по три на избу. Печи — русские (в зимней всегда, в летней часто). Планировка изб — севернорусская, соответствующая описанной выше. В документах можно встретить следующее описание глотовского жилища: «Изба, клеть и двор с задними конскими стаями под одной крышей» или «изба, горница, двор и конюшня под одной крышей»⁵².

В поселениях пысской группы Удорского края, расположенных на Мезени же, в конце XIX в. получило распространение жилище более сложной устройства. Для него было характерно деление всей комплексной постройки на три части: перед (летнее жилище), середка (двор) и озадок (зимняя изба). В конце XIX в. летняя часть складывалась из двух изб, разделенных сенями, а в начале XX в. вместо них получили распространение двойни (две избы, установленные вплотную друг подле друга) и затем

⁵² ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 275, лл. 4—9.

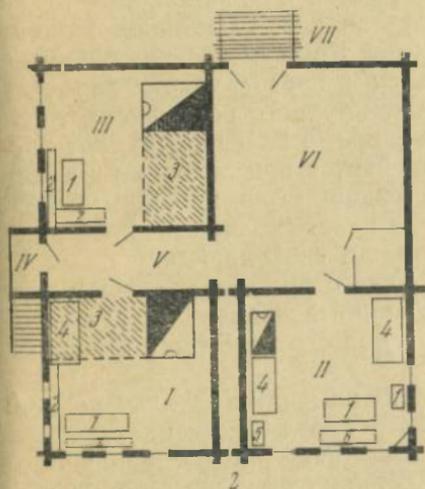
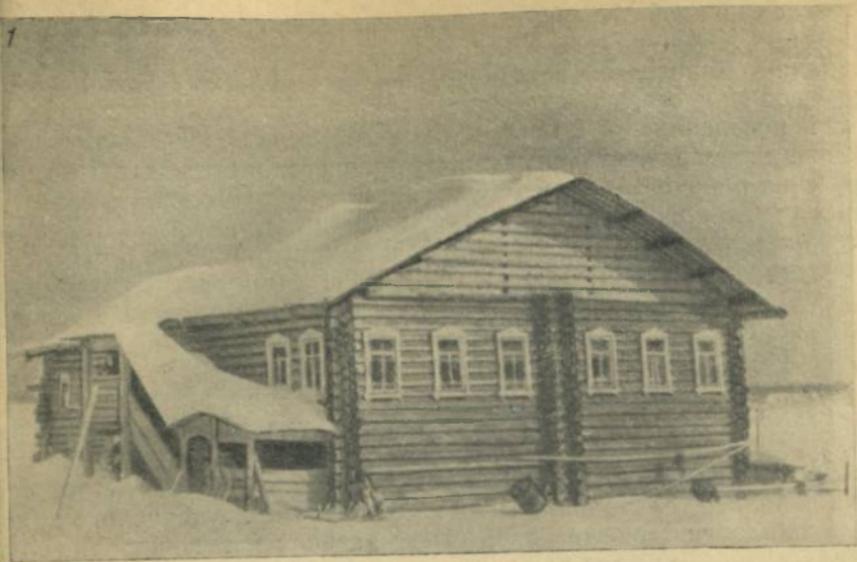


Рис. 17. Типичный дом в поселениях на Вашке (1) и план того же дома (2) (дер. Острово)

I — кухня летней половины; II — комната летней половины; III — зимняя изба; IV — крыльцо; V — сени; VI — повить; VII — взвоз; 1 — стол; 2 — лавка; 3 — полати; 4 — кровать; 5 — сундук; 6 — диван

пятистенок. Во всех этих формах в летней части имелись кухня и горница: В кухне имелась русская печь, а в горнице — голландка. Если летнее жилище этого типа строили на высоком подполье, то зимнюю избу — только на низком. Такие зимние избы на русском севере носили название скотной избы. Пристраивались они или сзади двора, или чаще сбоку и имели отдельные сени. Жилище этого типа, по всей вероятности, было воспринято у

русских нижней Мезени, где оно имело широкое распространение в конце XIX — начале XX в.⁵³ Впрочем, следует отметить, что жилище Двинского бассейна также весьма мало отличалось от вышеописанного.

В поселениях по Вашке с конца XIX в. получила распространение своеобразная форма дома, привнесенная сюда также из русских районов. В этом типе жилищ летняя часть занимала всю переднюю половину комплекса, зимняя же входила в состав двора, захватывая или половину, или какую-нибудь иную часть его, смотря по размерам последнего. И зимняя, и летняя избы здесь строились на высокой подклети, только в подполье первой помещался скот и оно зимой служило хлевом, а под полом второй обычно был погреб (*улыс-кум*). В дом входили с бокового фасада через высокое крыльцо. Сеней практически не было. С крыльца дверь вела прямо в сарай, куда открывались двери всех изб. Планировка зимней избы — севернорусская. Иногда эта изба имела форму пятистенка. Главной особенностью летней части являлось то, что она всегда была в форме двухсрубного дома или изб-двоен. При этом избы имели разное назначение: одна служила кухней и имела все характерные черты ее устройства, другая — горницей (*жыр*), чистой парадной половиной, уже не холодной, а теплой, снабженной голландкой. Сравнивая жилище Вашского бассейна Удорского района Коми АССР с нижнемезенским, прежде всего следует отметить в первом такой характерный для него факт, как содержание крупного рогатого скота зимой в подполье под избой. В то же время содержание скота под полом источниками постоянно отмечается при описании жилища русского населения западных уездов Вологодской губернии (в частности, в Кадниковском). Там же большое распространение в качестве летнего жилища имели избы-двойни⁵⁴. Отмеченное сходство жилища коми на Вашке с русским жилищем юго-западных уездов Вологодской губернии позволяет полагать, что здесь мы имеем случай проникновения его на Вашку именно из этих мест.

Говоря о чертах сходства и различия жилища удорских коми, особенно по Вашке, с постройками русского населения соседних территорий, следует упомянуть некоторое распространение на Вашке летних горниц на повети. Горница на повети (*сарай-керка*) обычно была холодной и по устройству заметно отличалась от зимней избы, хотя под ней тоже помещался скот. Сруб горницы из трех стен врубался в стену сарая, которая служила четвертой наружной стороной сарай-керки и в которой прорубались окна. Вход вел прямо из сарая. Полом горницы служил пол

⁵³ М. Б. Едемский. Кулойско-Мезенский край. «Известия русского географического общества», вып. 2, 1927, стр. 83—84.

⁵⁴ «Этнографические наблюдения в с. Кумзер Кадниковского уезда». ВЕВ, 1907, № 11, стр. 231.



Рис. 18. Кулацкий дом с двухэтажным жилым передом; за сенями — горница на повити, а под ней — хлев, далее — сарай и зимняя изба (с. Важгорт)

сарая, и лишь потолок, отсутствовавший в сарае, устраивался отдельно только над горницей. Жили в ней редко; чаще она использовалась в качестве чулана или клетки, а поэтому во многих случаях хозяева не достраивали сарай-керку и она оставалась хозяйственной постройкой — клетью на повити (*кум*). Отметим, что если у русских таких горниц и клеток могло быть на повети одновременно несколько, то на Удоре строили или только одну клеть или горницу. Объяснялось это, вероятно, меньшими размерами сарая и отсутствием потребности в такого рода постройках.

На конец XIX в. падает возникновение в крае, в центральном селении Вашского бассейна — Важгорте, нового типа жилища — двухэтажного дома. Объясняется его появление перенесением в Важгорт Крещенской ярмарки, на которую съезжалось значительное число купцов, нуждавшихся в жилых помещениях, складах для товаров и лавках для торговли. Учитывая эти потребности торговцев, жители Важгорта принялись строить крупные многокомнатные двухэтажные дома. Внизу помещались склады и лавки с наружным входом. Между первым и вторым этажами внутренней связи не было. Наверх вела наружная лестница с высоким крыльцом. На втором этаже находились жилые помещения и кухня. Всего в доме строилось до восьми комнат. Здесь жили и сами хозяева, и приезжие купцы. Первые имели свою отдельную половину: зимнюю избу, располагавшуюся позади летней двухэтажной части, а иногда даже пристроенной к двору

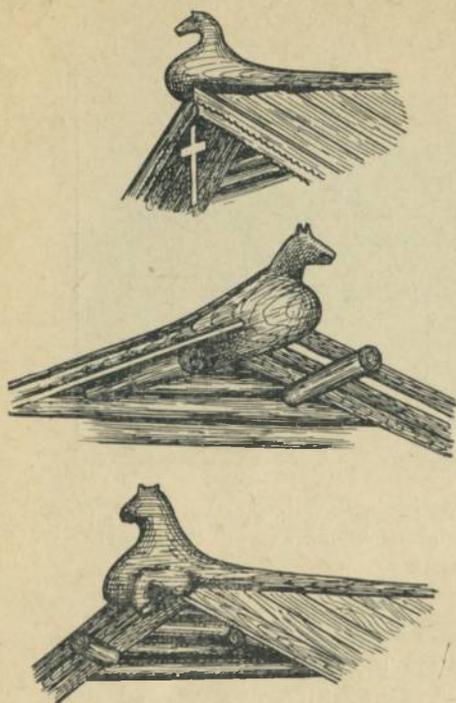


Рис. 19. Изображение коньков на охлупнях крыши (с. Важгорт, дер. Муфтыга)



Рис. 20. Деталь богато украшенного дома (с. Важгорт)

сзади так, что последний оказывался посредине между двухэтажным передом и одноэтажным на высоком подполье озадком. Деление на летнюю и зимнюю половины продолжало сохраняться в большинстве домов. Первую сдавали купцам внаем, а во второй жили сами хозяева, зачастую никакого участия в торговле не принимавшие, исключая сдачу дома в аренду. Возникновение этого типа дома в Важгорте произошло также под русским влиянием. Такого типа дома широко были распространены среди населения бассейна Северной Двины.

Таковы основные типы жилища, распространившиеся по Удорскому краю в конце XIX в. Из частных конструктивных изменений, происходивших в это же время, следует указать на возникновение пятистенка и начало распространения шестистенка в качестве как летней, так и зимней избы. Вероятно, в это же время распространяются новые формы украшений жилища. Кроме коньков на охлупнях, появляются резьба на карнизе крыши, фронтоне дома и наличниках окон, декоративные балкончики у слуховых окон и т. д. А на одном доме в дер. Острово нам встретилась полихромная роспись фронтона. Художник изобразил на обшивке зверей вроде львов, какие-то разноцветные круги и т. д.

Жилой дом на Удоре, как и на всем русском севере, связан с двором в единую постройку, которая называется *дѡм*. Двор всегда двухъярусный. Размеры

его и расположение довольно разнообразны. Для Мезени, например, было характерно устройство двора позади жилой части так, что он занимал всю заднюю половину комплекса. Зимняя же изба в тех местах, где она имелась, как выше отмечалось, обычно пристраивалась сбоку или сзади двора. На Вашке же двор имел меньшие размеры, так как там значительную часть задней половины комплекса занимала зимняя изба. Иногда, впрочем, и здесь зимняя изба пристраивалась к двору сзади, но сохраняла свою форму. Двор делился на два яруса однорядным настилом, который одновременно являлся потолком для нижнего этажа и полом для верхнего. Делали его из горбылей или толстых плах, довольно неплотно уложенных. Нижний этаж двора — хлев (*карта выв*) — служил для содержания скота. В нем имелись отдельные помещения в виде маленьких срубов, установленных внутри хлева, для овец (*шы*), лошадей (*гид*), коров (*шы*) и т. д. Двери этих отдельных помещений открывались внутрь общего хлева, который имел один, а иногда и два наружных выхода для скота. Хозяева могли попадать в хлев, не выходя на улицу, по особой лесенке из сарая. Сарай — верхний этаж двора — обычно внутренних перегородок не имел. Лишь в тех случаях, когда в нем были горницы или клетки, часть его оказывалась отгороженной стенами этих помещений. Потолка сарай не имел, только крышу, всегда двускатную, смыкавшуюся в большей или меньшей степени с кровлей жилой половины. Служил он для хранения запасов сена (солому обычно держали под навесом около гумна), а также хозяйственного инвентаря: телег, саней и т. д. В одном из углов обычно помещали ручную мельницу (*изки*), иногда ее устраивали в клетки. Сарай соединялся с сенями дома особым входом, а нередко передняя часть его служила вместо сеней. Кроме того, в задней стене сарая устраивались специальные ворота, через которые ввозилось сено. К ним шел широкий бревенчатый въезд (*звёз*).

Среди других хозяйственных построек широкое распространение в крае имела баня (*пывсян*). Удорцы считали паровую баню лучшим лекарством от всех болезней, особенно простудного характера. Баню имел почти каждый крестьянский двор. Топились они по-черному. Длина и ширина их составляла 1,5—2 сажени. Предбанников нередко не было, и моющиеся раздевались прямо на улице. Полки для паренья и лавки для мытья делались на высоте от 12 вершков до 1 аршина от пола. Воду заготавливали в основном холодную, горячей пользовались лишь для мытья головы. Главной целью посещения бани было парение березовым веником. Попарившись, обливались холодной водой, а более крепкие обтирались снегом, и на этом процесс обмывания заканчивался. Мылись часто, два, а то и три раза в неделю⁵⁵. Распола-

⁵⁵ Кочиев. Зырянские обычаи. ВГВ, 1848, № 49.



Рис. 21. Амбары — *турышъяс* (дер. Муфтыга)

гались бани группами у воды, обычно на самом берегу реки. Однако нередко строили бани поодиночке возле домов, особенно в тех случаях, когда поселение находилось в стороне от реки и источником воды служили колодцы (*струба*).

Почти каждый крестьянский двор в качестве необходимой хозяйственной постройки имел амбар (*анбар, турыш*). Зажиточные крестьяне имели даже по нескольку амбаров. Служили они для хранения зерна и муки. С целью обезопасить запасы от грызунов и сырости амбар никогда не ставился непосредственно на землю. Под сруб подводили подставки в виде ножек. Крыша амбара, почти всегда двускатная, козырьком нависала над входом. Амбары, как и бани, обычно располагались группами, иногда напротив домов их владельцев, но чаще — в стороне от жилищ, для большей безопасности в случае пожара.

Значительно меньше амбаров известны погреба. Распространены они в крае были далеко не повсеместно, так как очень часто их заменяло подполье под летней избой. Погреба имели вид низенькой односкатной постройки, вход в которую вел со стороны высокого края ската крыши. Внутри этой постройки для хранения припасов имелась яма со льдом или снегом. Сруб погреба стоял прямо на земле. Пол настилался также на землю. Вход в яму находился в средней части пола и закрывался западней.

Еще дальше от жилищ удорцы возводили риги с крытыми гумнами. Удорские овины напоминали своим устройством деревенские бани. Служили они для сушки снопов хлеба перед обмо-

лотом. Молотили зерно на гумне, вплотную пристраивавшемся к овину. Гумно представляло собой четырехугольный сруб из тонких бревен, покрытый двускатной крышей. Пол его был глинобитный. Риги всегда стояли группами в стороне от селения ближе к полям. В одиночку их не возводили.

Можно упомянуть еще водяные мельницы, которые, как правило, являлись собственностью местного кулака, и пользование ими крестьянину обходилось дорого. Гораздо реже встречались общинные мельницы. Это были довольно невзрачные маленькие срубные постройки на берегу незначительного ручья, протекающего неподалеку от селения. Ручей перегораживали плотиной из вбитых в землю в два-три ряда кольев, перевитых ветвями, промежутки между которыми засыпали землей. Такая плотина позволяла сохранить воду для летнего времени. От плотины, над которой возвышалось помещение мельницы, по лотку вода попадала в нижний этаж, где силой своего падения вращала колесо, приводившее в движение жернова. Каменные жернова устанавливались в полу верхнего этажа посредине помещения. Над ними помещался ящик для засыпки зерна, из которого оно постепенно самотеком высыпалось на жернова. Крестьянство большей частью пользовалось домашними жерновами, так как плата за пользование купеческими и кулацкими водяными мельницами была слишком высока.

Таковы были, по имеющимся данным, жилые и хозяйственные постройки удорских коми в XIX и начале XX в.

* * *

Народная одежда удорцев в XIX — начале XX в. в основном сохранила те же характерные черты, что в XVIII в. Новым явилось распространение в XX в. фабричных тканей и городских фасонов одежды, преимущественно мужской, так как мужчины чаще покидали свой край, посещали города, постепенно усваивали городскую культуру и приносили ее к себе в деревню. Однако если материал одежды изменялся довольно быстро, то покрой, наоборот, сравнительно медленно. Традиционные формы одежды, особенно женской, полностью сохранялись еще в начале XX в. Основным материалом для изготовления белья, нательного и верхнего, служили льняной и конопляный белый и крашенный холст, пестрядь и набойка. Летнюю верхнюю одежду шили из домотканого сукна разных цветов: белого, черного, синего и серого или из сукманины. Отдельные вещи делали из замши (*ровдуги*). Зимнюю верхнюю одежду изготавливали в основном из овчин и частично оленьих шкур. С конца XIX в. начали употреблять в крае для шитья платья различные бумажные ткани, ситцы и кумачи. Некоторое распространение имели такие материалы, как тафта, камка, грезет, гродетур, полотно и т. д.

Мужская одежда мало отличалась от одежды русского населения. Она состояла из рубашки и штанов. Рубашки были одно-



Рис. 22. Женщина в традиционном костюме

цветные, чаще белые или черные, праздничные — более яркие. Носили их навывпуск, с узорным тканым поясом. Штаны, характерные для прошлых веков, в XIX в. начинают заменяться брюками обыкновенного городского покроя. Шили их из холста или из домашнего сукна, редко из замши. Получают также распространение различные блузы, толстовки и пиджаки. Однако эти изменения появились лишь в конце века. В первой половине XIX в. мужская одежда была почти еще такой же, как и в XVIII в. В документах за 1824 г. описан костюм старика из косланского селения. «Платья на нем две рубашки одна на поверхности из толстого холста, а другая под низом потоньше, портки, на ногах крестьянские сапоги козловые, называемые у них по просторечью бахилы, ноги обернуты холстиной»⁵⁶.

При отправлении на промыслы кроме обычного платья надевали специальную накидку (*лоз*) без рукавов для предохранения тела от воды и для удобства работы на промысле. Лоз, или иначе лузан (под этим названием он распространен на Мезени среди русского населения)⁵⁷, в литературе описан достаточно ясно. В источниках костюм охотника описан следующим образом: «На нем одежда вида русского полукафтана, по-зырянски называемая шойданик. Сверху пониточный лузан. Снизу под шойдаником овчинный полушубок, штаны суконные, на ногах чулки суконные белые, вместо чарков, уляди, обшитые кожей. Шапка овчина легкая, рукавицы кожаные. Рубашка и порты. Сверх того имеется при нем топор, пищаль, порошница, лыжи»⁵⁸.

Значительно более разнообразной была женская одежда. Здесь имелось различие между одеждой девушек, замужних женщин, вдов и старух. Различия эти проявлялись в форме головных уборов, расцветке верхнего платья и даже в материале.

Наиболее характерными для женского костюма были сарафан (*кунтэй*) и рубаха (*сос*). Сос (буквально «рукава») представ-

⁵⁶ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 270, л. 371 об.

⁵⁷ М. Б. Едемский. Кулойско-Мезенский край, стр. 83.

⁵⁸ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 261, лл. 82—83.

ляла собой род короткой распашной кофты. Носили ее под сарафаном для прикрытия верхней, не закрытой им части тела. Под сос и сарафан надевали особую рубаху прямого покроя, шитую целиком из холста. Но уже к концу XIX в. такие рубахи начинают заменяться сос, к которой стали подшивать холщовый стан. Первое время сос являлась только праздничной рубахой. Рукава и грудь ее шили из одноцветной материи, часто из ситца. Манжеты и стоячий воротник обшивали кружевами и лентами. Осо-

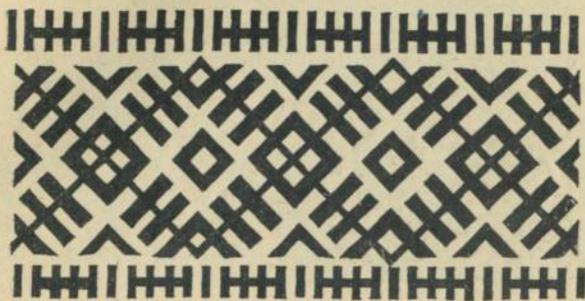


Рис. 23. Тканый красной нитью узор на полотенцах и сос (с. Ертом)

бым украшением сос были наплечные вставки (полики) обычно из парчи или иной яркой, цветной материи. Холщовый стан сос по подолу покрывался тканым красной нитью орнаментом. Праздничную сос носили не столько под сарафаном, сколько в качестве самостоятельного летнего домашнего платья. Сос в форме распашной кофты из набойки сохранилась под названием наруквник.

Основной формой летнего платья служил сарафан. Материал для его изготовления в конце XIX в. старались достать фабричный (ситец, а более зажиточные — сатин и даже шелк). Только бедняки сарафаны шили по-прежнему из пестряди, даже праздничные (*красеник*). В первой половине XIX в. материалом служили холст, крашенина и в качестве праздничного — китайка. Материи предпочитались одноцветные. Наиболее яркие цвета имели праздничные, особенно девичьи, сарафаны. У женщин они были более темных тонов. Носили сарафаны на узких и коротких лямках. Шили их весьма широкими, из семи полотнищ и двух клиньев. По подолу сарафан украшали нашивкой из кружев, а лямки обшивали парчевой лентой. Поверх него надевали бумажный или холщовый передник и подпоясывались ярким тканым или плетеным поясом⁵⁹.

Согласно описанию, повседневная одежда крестьянки дер. Муфтыога в 1860 г. выглядела следующим образом: «На ней синий

⁵⁹ См. также: В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.



Рис. 24. Женщина, ткающая холст

холщевый сарафан, черноватая холщевая рубаха, пестрый домашней работы пояс, на ушах медные серьги, на ногах коты кожаные и чулки пестрые шерстяные. На голове бумажный платок, который был завязан на голове в виде шапочки со сложенными и завязанными на затылке двумя концами. Верхний ее другой платок лежал на земле»⁶⁰.

В начале XX в. появляются кофты, юбки, жакеты и другие типы одежды городского покроя. Бедняки по-прежнему шили их из холста (*дбра кофта*).

Детские комплекты повседневной одежды напоминали одежду взрослых. Так, например, на девочке трех

лет были надеты «рубашка портняная», опоясанная шерстяным поясом, на голове красный бумажный платок, на шее крест медный, на ногах чулки шерстяные и поверх них чарки (коты). Одежда девочки 10—12 лет дополнялась сарафаном. А на десятилетнем мальчике имелись шапка, кафтан, рубашка и портки из нового холста⁶¹.

Верхней одеждой удорца служил *дукос*—кафтан из домашнего сукна различного цвета, чаще синего, а в качестве рабочей одежды сукман, обычно серого цвета. Покрой у обоих был одинаковый. Шились они в талию, имели глубоко запахивающиеся полы и очень широкий подол, так как между полами и спиной от талии вниз вставлялись широкие клинья. Женской верхней одеждой служили пониток (сукман), коротенька (телогрейка) и *гырка*— пальто (короткое, в талию, с оборками). В зимнее время большим распространением пользовалась одежда из овчины и оленьих шкур, главным образом шуба (*насб*), малица и совик. Покрой двух последних одинаковый, воспринят у ненцев, только малицу всегда шили из выделанных оленьих шкур шерстью внутрь и сверху покрывали матерчатым чехлом из нанки. Иногда, впрочем, она оставалась непокрытой, белой, но такая малица считалась праздничной и для постоянной носки не годилась, так как быстро загрязнялась. По подолу малицу обшивали для украшения пыжиком и даже котиком (богатые). Совик же отличался

⁶⁰ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 418, лл. 6—22.

⁶¹ Там же, д. 279, лл. 30 об., 183 об.; д. 270, л. 371 об.

прежде всего тем, что его шили шерстью вверх и нередко из худшей шкуры. Надевали совик поверх малицы для тепла в дороге, а также, как более дешевый, на работе. Шубы из овечьих шкур и полушубки имели широкое распространение особенно в тех поселениях, где крестьяне сами не занимались оленеводством, а приобрести оленьи шкуры поблизости было не у кого. Рукaviцы были меховые, овчинные или чаще вязаные (шерстяные), встречались и замшевые.



Рис. 25. Узор на вязаных шерстяных чулках (дер. Чернутьево)

Прически и головные уборы удорцев напоминали соседние русские и коми. Девушки заплетали волосы в одну косу, а замужние женщины — в две. Первые носили их открыто спущенными на спину, вторые обвивали вокруг головы и покрывали круглым повойником (*куклюшка*), который в свою очередь закрывался платком. Девушки носили особую форму венца — девичью повязку (*бисер*) или яркий платок. Самое широкое распространение в качестве головных уборов у женщин получили шали и платки ярких тонов и узоров, изготовленные из холста и набойки а для праздников покупные — бумажные и шелковые. У мужчин наибольшей известностью пользовались оленьи и пыжиковые шапки с длинными ушами, а иногда и овчинные, в более теплое время носили высокие шапки из самотканого сукна. С XX в. появляются картузы и фуражки. В качестве украшений носили медные и серебряные серьги и кольца, встречались позолоченные перстни, стеклянные бусы, мишурные сетки. Непременнo у каждого имелся крест, медный или серебряный. Одежду украшали вышивкой или тканым орнаментом и подпоясывались яркими ткаными поясами. Иногда вместо поясов повязывались платками. Некоторое распространение имело ношение мужчинами платков на шею.

На Удоре, как и на соседних русских территориях, получил развитие геометрический орнамент в украшении народной одежды. В вязании, вышивке, ткачестве и плетении наиболее отчетливо прослеживается взаимное влияние русских и коми.

В обуви как мужской, так и женской различия менее заметны. Летняя обувь была кожаной. Рабочей обувью в сухое время года у обоих полов служили *кыс-кӧти* из сыромятной кожи с круглыми широкими носками шерстью внутрь. По верхнему краю их обшивали суконной опушкой, сквозь которую пропускалась веревка, стягивавшая коты вокруг ступни, а концы ее обертывались вокруг голени и удерживали онучи. Последние наворачивались на шерстяные вязаные чулки, обычно яркого узора. Для осеннего времени коты шились иначе. Это были так называемые *тюникӧти*. Основные отличия их состояли в том, что мех у них был снаружи шерстью вниз, что несколько защищало кожу от порчи и стирания, голенища были кожаные и холщовые. В тех случаях, когда работа была связана с пребыванием в воде (на охоте, рыбной ловле) и т. д., надевали бахилы — сапоги из выделанной кожи с мягкими головками, шитыми без колодки. Они являлись только мужской обувью. Для непромокаемости кожаную обувь промазывали смолой или пропитывали дегтем, а подошву выдерживали два-три дня в смоляной воде (*сир-ва*). От этого она становилась жесткой и непромокаемой.

В зимнее время, в частности на Мезени, использовалась обувь из оленьих шкур, особенно пимы — мягкие сапоги из оленьего меха. Для большей теплоты последние надевали на специальные меховые чулки (*липты*). Пимы служили выходной и праздничной обувью и поэтому украшались красиво подобранными полосками меха разных оттенков. Имелись пимы и без всяких украшений — рабочие (*мадаки*). Кроме того, для женщин шили особые короткие, до колен пимы, называемые бурками. В особо холодные дни при необходимости длительное время находиться без движения (например, при езде в санях) поверх пим натягивали специальные меховые же чулки — *тобоки*. Помимо обуви из оленьих шкур, большое распространение зимой имела валеная обувь (*упаки*). *Пышана упаковки* состояли из валеных головок и пришитого к ним длинного суконного голенища, которое перевязывалось под коленом. Это защищало от попадания снега внутрь обуви, что было особенно важно при работе в лесу.

Праздничной обувью в летнее время считались сапоги из хорошей кожи, у более зажиточных даже хромовые. Зимней праздничной обувью были богато расшитые пимы, бурки и валенки.

Представители сельской администрации, в частности писаря и писарихи, стремились одеваться на «городской манер»: мужчины носили пиджаки и брюки, женщины различные саки и т. п. Описанная одежда имела мало отличий от соседней русской, в частности мезенской.

Несколько слов следует сказать о постельных принадлежностях. О белье писать нечего, так как оно в крестьянском обиходе отсутствовало. Крестьяне не знали простынь, наволочек и т. д. На кровати имелись матрац (*вольпась*), набитый перьями или оленьей шерстью, у бедняков — соломой, большая подушка

(0,5×1 м) из перьев и овчинное одеяло. Хозяева спали на деревянной кровати, дети — на полатах, замужние дочери и женатые сыновья (если такие имелись) и прочие — прямо на полу. Бедняки, у которых не хватало постельных принадлежностей, вместо них использовали старую одежду, Кровать украшало одеяло, верх которого шили из разноцветных, обычно треугольных, лоскутков ситца. Встречались подобные же коврики.

* * *

В составе крестьянской пищи основную роль играли ячменный хлеб, продукты животноводства, охоты и рыболовства. Кроме ячменной, у широких масс удорского крестьянства других сортов муки никогда не имелось. Более того, в неурожайные годы и этой муки не хватало. Не только беднякам, но даже и середнякам приходилось примешивать в хлеб разные суррогаты, как, например, пихтовую кору и исландский мох. По утверждению некоего «экономиста» Осипа Беломорского, «народ вынужден питаться мякиной, толченой корой и толченой соломой с незначительным количеством муки». Этот автор полагает, что положение можно улучшить, «введя в пищу населения лишай и мхи: исландский, белый олений и древесный мхи. Древесный мох для человека может служить хорошей пищей, тем более, что не имеет горького вкуса, питательность же, по удостоверению ученых, превосходит пшеничную муку: значит, собирание этого чужеродного растения принесет двойную пользу; сохранит деревья от чахлости и засыхания и даст туземцам новое подспорье в хлебе»⁶².

В условиях существования частной собственности, эксплуатации человека человеком, капиталистической конкуренции и стремления к наживе, к обогащению экономически слабому местному крестьянству было не под силу вносить улучшения в свое хозяйство, оно с трудом могло сводить концы с концами. Кулачество и торговцы стремились только к личному обогащению за счет того же нищего крестьянина-охотника, а царское правительство не интересовалось ничем, кроме исправного поступления налогов.

Буржуазные «экономисты», безусловно, не могли признать причиной разорения и обнищания удорцев жестокую эксплуатацию и все сваливали на климатические условия края («все чаще повторяются неурожайные годы от морозов летом... Климатические условия изменить невозможно...»). Однако даже они вынуждены были признать тяжелое положение крестьянства: «В настоящее время вологодские зыряне обитают в грязных хижинах, пресмыкаются в бедности, а для насущного пропитания и уплаты податей рассыпались по белому свету. Одни постоянно живут в столицах, другие в Ижме,... либо в Пермской губернии,

⁶² Из портфеля Осипа Беломорского. ВЕВ, 1876, № 12, стр. 183—186.

на Чердынских заводах; значительная часть пробавляется бурлачеством, в сплаве судов к Архангельскому порту; в самой Вологде найдете зырян, работающих без жалованья, из-за одного хлеба. Но никогда не везет этим честным труженикам, так как они трудятся на неблагоприятной почве,... редкий артельщик может откладывать копейку, а бурлак и поденщик едва сводят концы с концами»⁶³. Сваливая вину на природные условия, на климат, так называемые «экономисты» не видят иного средства улучшить положение крестьянства, в частности его питание, кроме как рекомендовать в пищу людей древесные мхи и ягель.

Из ячменной муки удорцы стряпали ярушники (*житей*), пироги (*пирёг*), мучные шаньги (*прёстоя шаньга*), колобки (*скёвородник*) и т. д. В тех случаях, когда имелась ржаная мука, стряпали круглый подовой ржаной хлеб (*ыджыд тупось* или *рудзог нянь* и *посни тупось* или *рудзог тупось*). Ржаную муку использовали также для пирогов и шанег, начинка которых делалась из ячменной муки или крупы. С начала XX в. в качестве начинки для шанег стал распространяться картофель (*картупеля шаньга*). Из ячменя крестьяне сами приготавливали ячневую крупу. Для этого зерно засыпали в ступу, доливали туда немного воды и заставляли кого-либо (обычно детей) толочь его, пока не отделится шелуха. Затем высыпали зерно на берестяную коробку (*шердын*) и, встряхивая его, отвеивали. Из этой крупы и делали начинку для шанег, а также варили каши и различные щи (например, толстые щи с горохом и т. д.).

Из ячменной же муки приготавливали особую болтушку путем размешивания муки в кипятке (*нурья шыд*). Эту похлебку часто делали охотники и рыбаки при кратковременных остановках. В домашних условиях она служила постоянной пищей лишь для бедняков, заменяя суп и хлеб одновременно. Впрочем, ячменную муку и крупу примешивали в качестве приправы даже в мясные супы. Из ячменной же муки варили на завтрак крутую кашу (*пызя рок*). Для этого в кипятке засыпали муку и ставили ненадолго в печь, затем вынимали и вновь добавляли муку. И так трижды. В том же чугуне ее подавали на стол. В середине хозяйка выдавливала ямку и наливала туда масло, топленое или постное. Кашу черпали с краю и, обмакнув в масло, ели. Есть ее нужно было сразу же после приготовления и только в горячем виде.

Хлеб на стол подавался нарезанными ломтями (*кус*), причем свежий назывался на Вашке *небыд кус*, а сухари — *кос кус*.

Супы приготавливали как мясные, так и рыбные, причем, последние довольно редко. Супы имели вид бульонов с приправой из ячменной муки. Никаких иных приправ не употреблялось, кроме разве лука. Мясо стремились использовать в свежем виде. Если сохранить его в таком виде было невозможно, применяли

⁶³ Из портфеля Осипа Боломорского. ВЕВ, 1876, № 12, стр. 183—186.

вяление и сушение (*тöлöдöм* и *кoсьтöм яй*). «Для этого его, сняв сало, сушат и выветривают целые месяцы на вольном воздухе небольшими кусками на длинных шестах возле дома»⁶⁴. Применялось сушение и на охоте. Осенью же с наступлением холодов, когда охотники привозили битых зайцев и тетеревов, их тушки подвешивались на жердях прямо под навесом крыши, где они и висели всю зиму. Хозяйка по мере необходимости снимала их оттуда. Кроме выветривания на вольном воздухе, в деревнях применялась сушка в русских печах уже проваренного мяса. Соление не было распространено, так как мясо теряло вкус свежее. Последнее в пище крестьян бывало лишь в периоды после успешного охотничьего сезона.

Вторые блюда из мяса в крестьянском меню были чрезвычайно редки. Обычно их заменяло вареное, вынутое из супа. Хозяйка подавала на стол суп в общей чашке, из которой все хлебали деревянными ложками бульон. Когда же на дне оставалось только мясо, хозяин ножом или чаще прямо пальцами разрывал его на мелкие куски, посыпал солью и перемешивал своей ложкой. Затем каждый брал кусок мягкого ячменного хлеба и, макая его в чашку, старался прихватить при этом мясо (*шидсö рузи*).

Большое место в питании населения занимала рыба, которую обычно использовали в качестве вторых блюд. Ее варили в специальной глиняной посуде (*чери латка*), в которой и подавали на стол. Брели рыбу, как и мясо, руками. Распространено было стряпанье рыбных пирогов (*курник*). В отличие от мяса рыбу не столько сушили (в сушку шла лишь мелкая рыба), сколько солили, причем предпочиталась малосоленая с резким запахом (*нюк*). Рыбу предпочитали есть в сыром виде; ее обязательно подавали к чаю. Крепко соленая рыба не ценилась, поскольку теряла свой природный вкус. Большим лакомством считались мальки (*ёс*) и особенно очищенные внутренности крупной рыбы (*чоля*). Последние подавались на стол, и хозяин тут же на глазах гостей резал их на мелкие кусочки, как лапшу, ножницами.

Молоко и молочные продукты в пищу попадали редко, так как крестьяне старались прежде всего добывать масло для продажи на Важгортской ярмарке, и только отходы маслопроизводства (обрат — *карöм йöв* и т. д.) попадали в пищу. Однако крестьянство знало и умело готовить из молока разнообразные продукты: простоквашу (*кöниса йöв*), сметану (*нöк*), творог (*рысь*), сыворотку (*нер*), сбитое (*уль вый*) и топленое (*пюём вый*) масло. Из молока с мукой варили кисель, который ели, залив холодным молоком.

Из других видов пищи можно упомянуть еще грибы и ягоды, которыми удорские леса чрезвычайно богаты. Однако население их заготавливало мало, особенно грибы. В какой-то мере еще

⁶⁴ И. Попов. Указ. соч.

встречалась сушка грубов, но соленые были вещью очень редкой. Ягоды, главным образом брусника, заготавливались в большом количестве, причем занимались их сбором поздно осенью и домой не носили, а засыпали в деревянные кадки и колоды в лесу и оставляли до установления зимнего санного пути. Кроме брусники, собирали морошку и клюкву, а также черемуху, из которой приготавливали особое блюдо — *ляз*, и др. Из брусники, перемешанной с ржаной мукой, изготовлялась *пувья рок*. Для этого ее ставили на ночь в русскую печь, где она прела и приобретала кисло-сладкий вкус. Такое блюдо знали вепсы и другие западнофинские народы⁶⁵.

Из напитков широкое распространение в крае имели хлебный квас и пиво (*сур*), впрочем, квас весной часто заменялся березовым соком (*зара-ва*). Пиво, приготовленное из солода, без хмеля, считалось необходимым угощением на праздниках. Водка и спиртные напитки в крае весьма ценились. Объяснялось это, видимо, отсутствием средств для их приобретения. Для приготовления пива были необходимы солод и ржаная мука, из которых с примесью мякины замешивалось густое тесто. Оно помещалось в специальную глиняную посуду (корчагу), которая отличалась тем, что имела в нижней части возле дна отверстие, заткнутое втулкой или залепленное мукой. Перед заливкой теста в корчагу закладывали пучок соломы, изнутри прикрывавший отверстие. Корчагу, загрузив примерно на $\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{5}$ объема, ставили на ночь в печь. Утром ее вытаскивали, ставили на лавку и заливали рассолодевшее тесто кипятком. Затем, примерно через час, отверстие в корчаге открывали, и из него тонкой струйкой начинало течь темное сладкое сусло. Выпуск сусла длился четыре-пять дней. Из последнего жидкого сусла изготовляли квас, а из первого — пиво. Подносили его в особой посуде (братина), к которой прикладывались по очереди, передавая друг другу. Для большей крепости в пиво добавляли хмельный отвар, полученный путем заливки сухого хмеля кипятком. После добавления в это пиво дрожжей происходил процесс брожения, и оно превращалось в хмельную брагу (*сур*).

На Удоре очень любили чай. Его обязательно подавали каждому гостю всегда свежесваренным и очень крепким. Следует отметить, что на Удоре женщины пить чай вместе с гостями мужчинами (если они чужие) не садились. Мало было распространено курение.

Кухонная утварь и посуда в крестьянском обиходе не была разнообразной. В употреблении были деревянные и глиняные изделия собственного производства. Глиняная посуда — горшки, крынки (*крынча*), латки и т. д. — изготовлялась без гончарного круга, обычно женщинами. Деревянная посуда и утварь были

⁶⁵ В. Пименов. Вепсы. М.—Л., 1965, стр. 109.

более разнообразными: ложки (*люська*), чашки (*пу чась*), ковши (*пу кош*), корыта (*пу вор*), кадки (*пу пельса, карандыс*), ведра, ушаты и т. д. Можно упомянуть также берестяную посуду и утварь: туис, шердын, кузов и т. д. Деревянную и берестяную посуду изготовляли мужчины. Кроме того, уже с начала XIX в. все большее распространение начинают получать медные котлы и котелки, ковши, руксмойники, а также железные и чугунные предметы.

* * *

Вплоть до конца XIX в. в быту удорского крестьянства сохранялся еще обычай жить большими семьями. Жила такая семья в одном доме и вела общее хозяйство. Право распоряжения и руководства хозяйством и направления на работу принадлежало главе семьи, которым всегда был мужчина. Работу по дому выполняли женщины, находившиеся в подчинении старшей хозяйки, жены главы дома (иногда его матери). В последней четверти XIX в. учащаются в крае распады больших семей и выделение малых. Разделы производились полюбовно. Многое зависело также и от главы семьи, который имел право единолично выделить долю отделившемуся сыну или брату.

Детей крестьяне любили и радовались рождению каждого ребенка, особенно сына, так как видели в нем будущего помощника в труде. Рождение торжественно отмечалось. Поскольку удорцы придерживались христианства, то новорожденных крестили, правда нередко с большим опозданием, так как от многих поселений церкви были весьма удалены и добираться до них было трудно. С другой стороны, часть удорцев придерживалась старообрядчества и православных священников не признавала. В этом случае крещение проводил начетчик или сам хозяин. Восприемниками выступали ближайшие родственники. Крестные отец (*вежай*) и мать (*вежань*) в последующей жизни крестника играли немалую роль. Этот обычай выбирать крестных из близких родственников нарушался лишь в тех случаях, когда первые дети по каким-либо причинам умирали в детстве. Чтобы спасти от преждевременной смерти последующих детей, существовал обычай приглашать крестным совершенно чужого человека, первого встречного, попавшегося на улице. Крестьяне верили, что таким образом можно отвести нависшее над семьей несчастье.

Воспитание детей было самым примитивным. Они предоставлялись самим себе, так как взрослые были всецело заняты работой. Обычно более старшие выступали в роли нянек при младших. Большую часть времени, особенно летом, дети проводили на улице. Впрочем, в деревне, где рабочие руки были очень дороги, детство кончалось быстро, ибо детей рано начинали приучать к работе. Девочки помогали матерям по хозяйству, мальчики участвовали в полевой работе, а также и в промыслах.

В брак мужчины вступали сравнительно поздно, в 25—30 лет. Девушек обычно выбирали моложе по возрасту, но нередко были браки и со старшими (даже на несколько лет). Инициаторами брака зачастую выступали родители молодого человека. Они подыскивали ему невесту, совершенно не принимая в расчет склонности самого жениха. Случалось, что он даже в глаза не видел своей невесты. Невест предпочитали брать из дальних деревень, поскольку происходящие из одного котыр считались близкими родственниками. А эти котыр, вследствие широкого расселения в XIX в., обитали не только в одном каком-либо населенном пункте, но и в ряде соседних, и все эти отдельные уже группы однофамильцев по-прежнему считались родственниками. Невест предпочитали брать из своей крестьянской среды и в основном из коми. На Вашке, однако, встречались браки с русскими девушками из ближайших деревень Кеба и Олема, а также с Пинеги (Нюхча и т. д.). На верхней Мезени же, особенно в глотовской группе, предпочитали ездить свататься на Вымь, так как на самой Мезени существовал обычай выкупа за невесту, т. е. приданое должен был давать жених отцу невесты, а не невеста в дом жениха. Тогда как на Выми, наоборот, приданое давалось за невестой.

Выбрав невесту, родители засылали сватов, обычно крестного жениха (*вежай*). Иногда сговор удавался сразу, иногда после длительных переговоров. В случае получения согласия следовало вручить родителям невесты два-три ведра водки в качестве платы за невесту. После этого устраивали смотрины, на которых жених видел свою невесту в первый раз. На смотрины он приходил с друзьями. Невеста одаривала их всех ткаными яркими поясами. Затем устраивался девичник, на котором невеста прощалась со своей девичьей долей, оплакивая свою судьбу. Пир по случаю свадьбы устраивался в некоторых местах по Удоре только в доме жениха после венчания, а в других — и в доме невесты, но еще до венчания. При последнем пире невеста в сопровождении свахи — крестной (*вежань*) обходила пирующих с подносом, на котором стояла чарка водки, и с низким поклоном угощала гостей. Сопровождавшая ее вежань также кланялась гостю и чествовала его. Гость обязан выпить чарку и положить на поднос небольшую сумму денег. На этом пиру как раз и выпивалось то вино, которое жених вручал в качестве платы за невесту. По обычаю его должны были выпить полностью. После этого пира отправлялись в церковь. Перед венчанием жених и невеста ходили прощаться по дворам своих родственников и получали с каждого двора по караваю хлеба. После этого обряда молодые ехали в церковь. Для охранения свадебного поезда от сглаза существовал особый сторож (*видзись*). Поезд сопровождался поезжанами, которые стреляли холостыми патронами и вообще производили страшный шум. На обратном пути из церкви молодые кланялись народу во все стороны. После венчания следовал

пир у жениха. Молодые входили в дом жениха через задние ворота.

На следующий день они ехали в дом родителей невесты за приданым. На самой Удоре оно было очень невелико. Это в основном только платье невесты и кое-какие предметы домашнего обихода, постельные принадлежности и т. д., которые выделяла ей мать. С Выми же привозили более значительное приданое: больше вещей, скот и т. д. Расходы по свадьбе на Удоре нес обычно жених.

Существовали в крае и другие формы заключения брака. Встречались браки по согласию самих молодых. Знакомства происходили на вечеринках, устраиваемых девушками в зимнее время. На такую вечеринку обычно являлись с работой (пряли, вязали, вышивали). Позднее туда же являлись парни. Вечеринки сопровождалась песнями, играми. Иногда в праздничные дни девушки готовили пиво, которым угощали парней. Здесь на вечеринках и завязывалось знакомство. Если девушка отвечала согласием на предложение молодого человека, она дарила ему что-либо из своего наряда, обычно платочек. Получив вещественное доказательство, он обращался к родителям с просьбой засылать сватов. При согласии родителей свадьба шла своим чередом. При отказе их практиковалась свадьба убогом. Иногда она устраивалась и с согласия родителей с целью избежать лишних расходов.

Здесь же следует упомянуть такой способ заключения браков, встречавшийся на Удоре еще в XIX в., как похищение невесты. Впрочем, сведения о нем имеются лишь для Вашского бассейна. Похищение происходило иногда с согласия самой девушки, которой родители запрещали брак с избранником, но чаще оно вызывалось отказом ее родителей принять сватовство. В последнем случае молодой человек сговаривался с приятелями, с которыми, подкараулив удобный момент, старался украсть девушку. Для большего успеха стремились подстеречь жертву в стороне от дома, но если это было невозможно, похитители врывались даже в дом родителей девушки. При успехе жених с похищенной невестой скрывался, а приятели его задерживали и сбивали погоню, если таковая была. Девушку принуждали к сожительству с похитившим ее молодым человеком, так что когда по истечении некоторого срока молодые возвращались в дом, родителям невесты ничего не оставалось делать, как простить зятя и примириться со свершившимся фактом.

Поскольку большинство населения Удорского края было православным, то законным признавался только церковный брак. Разводы же при церковном браке запрещались, и замужняя женщина, даже если в доме мужа создавались невозможные условия для жизни, уйти не имела права. Родители ее не принимали и заставляли вернуться обратно. Браки без церковного оформления встречались только среди староверов на Вашке.

Старообрядчество на Вашке появилось в начале XIX в. Занесено оно было из Москвы местным торговцем из дер. Усть-Кула Паганевым. Во время одной из своих поездок он воспринял учение секты филипповцев и стал его распространять среди своих односельчан. В конце XIX в. раскол захватил северную часть Вашского бассейна от Коптюги до Важгорта. Официально раскольников в 1902 г. насчитывалось в крае 60 мужчин и 150 женщин. Неофициально же придерживалось этой веры $\frac{2}{3}$ населения в отмеченных поселениях. Проповедником и руководителем секты филипповцев в Важгорте был слепой старик Михаил Петрович Бозов из богатых важгортских крестьян. Помощником его был племянник Михаил Бозов. По фамилии своего наставника секта называлась «бозовыми». В конце XIX в. вследствие несогласий с Бозовым от этой секты откололся ряд мелких сект: Южиных, Сазоновых, Рахмановых и т. д., но все они были чрезвычайно малочисленны. «Бозовы» относились к группе беспоповских толков старообрядческого течения. Специальных молен не имели. Собирались для молитвенных чтений в частных домах, главным образом у своих наставников или наставниц. Священников православных церквей не признавали и в свой дом не принимали. Отличались строгим соблюдением обрядовых мелочей и религиозных правил, в частности берегли свою посуду, но особым аскетизмом также не отличались, например все употребляли в пищу мясо. Грамотных среди них было мало. Большинство знало только несколько главных молитв. Основной массой старообрядцев были люди пожилого возраста, старики и старухи⁶⁶.

Кроме «бозовской» секты, с середины XIX в. на Вашке же появляется еще одна секта старообрядческого толка — «бегуны» (скрытники). Привез ее торговец из с. Чупрово, во время своих поездок в Олонецкую губернию ознакомившийся с этим течением в Каргопольском уезде, где был центр секты. Став ярым сторонником этого учения, он продал все свое имущество и скрылся в Каргополь. В последующие годы он не раз возвращался на Вашку с другими представителями бегунского толка. В результате в поселениях Чупрово, Муфтыга, Верхозерье и Вильгорт возникли убежища скрытников. Держателями этих приютов в конце XIX в. были в Чупрове Стефан Екимов и Михаил Козырев, в Муфтыге Никифор Коровин, в Верхозерье Афанасий Коровин. Общее число скрытников в крае в конце XIX в. не было известно, так как оно все время менялось. Среди постоянно живущих насчитывалось около 15 человек. Обряды удорских скрытников известны мало. Совершали они их втайне в тех же убежищах, где и скрывались. Но очевидно, что обряды эти ничем не отличались от известных обрядов скрытников других мест России.

⁶⁶ ВЕВ, 1901, № 21, стр. 340—344; 1903, № 6, стр. 146—150; 1907, № 13, стр. 287—290.

Имеющиеся данные говорят о том, что и православное население Удорского края редко посещало церковь, предпочитая обходиться домашними молебствиями, которые проводил сам хозяин.

Поминальные обряды и обычаи удорцев особых отличий не имели. «По смерти своего родственника, зыряне выносят покойника в особую нежилую комнату, кладут на лавку, обмывают, одевают в чистую одежду, причесывают, возле него ставят стол, накрытый чистой скатертью. На столе стоит кутья, овсяные блины, пирог с рыбой и т. д. Стол с кушаньями стоит все время, пока покойник в доме»⁶⁷. Выносили покойника не через крыльцо, а через взвоз, чтобы «не нашел дороги домой», а после выноса тела трижды запирали входную дверь. Чтобы покойнику было светло в гробу, в его крышке прорубали окошко. Существовал обычай «выкупка могилы»: в яму родственники бросали мелкую монету; одежду и вещи покойника раздавали нищим на «помин души». Могилы родственников на кладбищах располагались отдельными группами и отмечались деревянными крестами или гробницами, на которых указывались фамилия, имя и отчество, годы рождения и смерти покойного. Поминование умерших совершалось в день смерти, а также в родительские субботы, троицкую и покров. В день смерти заказывали специальную обедню. В церковь приходили с заготовленной заранее пищей (блины, рыбники, каша, молоко, жареные рябчики). Часть ее дарили церковному причту, а остальное уносили на могилы, где и оставляли. Кое-что возвращалось домой для угощения гостей. На поминки созывали всех родственников. За столом сидели по степени родства, женщины отдельно от мужчин. Поминки справляли на девятый и сороковой день, считая со дня смерти поминаемого.

Большое место в быту удорца занимали всевозможные религиозные праздники. Особенно много времени отнимали храмовые (престольные), поскольку они шли один за другим, и все родственники переходили из деревни в деревню день за днем. Если в одном селе жило несколько родичей, то гости за день обходили всех, начиная с более близких и кончая дальними. Эти празднования проходили семейно, так как к посторонним в дом, как правило, старались не заходить.

Иное дело званый пир, все равно свадебный или любой другой. В этом случае, как минимум, ставились два стола и на них обязательно большая трехлитровая бутылка водки (*парта вина*), в качестве символа достатка и щедрости хозяев. Пока званые гости ели и пили за столом, вокруг них собиралась толпа любопытных соседей — незваных гостей. Их к столу не приглашали. Они только смотрели, так как такие пиры были важным развлечением всей деревни. Незваные присутствовали в доме до тех пор, пока охмелевшие званые гости не начинали петь и пля-

⁶⁷ ВЕВ, 1905, № 23, стр. 538—544.

сать. Тогда посторонних постепенно отесняли за дверь, и они расходились. Однако их присутствие в начальной стадии пира считали даже обязательным.

Многие престольные праздники были связаны с почитанием «чудотворных» икон. Так, в часовне дер. Кривой Наволок была установлена икона Параскевы-пятницы, которая считалась целительницей. Заболевшие давали обет посетить ее и принести пожертвования в случае помощи. К таким «чудотворным» иконам совершались поломничества со всей Удоры, так как медицинская помощь в крае почти отсутствовала.

Наряду с христианством в среде удорцев продолжали сохраняться остатки древних языческих верований: различные суеверия, вера в знахарей и колдунов, в порчу и т. д. Удорцы верили, например, что колдун может «испортить» человека и животных. Так, «икота» (особый вид истерии) считалась следствием «порчи». Верили, что от наведенной «порчи» у коров исчезает молоко. Охотники верили в «порчу» собак, которые теряли способность чують дичь, в отвод дичи и т. д.⁶⁸ Сохранилась вера в магическую силу заговоров, в существование различных духов, особенно многочисленных в лесу. Духи эти будто бы постоянно вмешивались в жизнь человека, особенно охотника, и немало вредили ему. Весьма много сохранялось различных примет. Например, не разрешалось ничего выносить из избы и ходить в амбар после захода солнца, чтобы не обеднеть.

* * *

Сохранение всевозможных суеверий объяснялось темнотой населения. Образование в крае находилось в зачаточном состоянии. Абсолютное большинство населения было неграмотным. Женщины почти поголовно были неграмотны и даже в большинстве не были знакомы с русским языком. Среди мужчин грамотных было больше, но и те умели лишь подписывать свою фамилию и читать старинные церковные книги.

Образованием на Удоре ведала церковь. Первая школа в крае была открыта в 1860 г. в Вендинге. Помещалась она в доме священника, который и был в ней учителем. В 1870 г. в ней учились семь мальчиков и одна девочка. В 1867 г. была открыта школа в Ертومه (учил дьячок), в 1868 г. — в Чупрове (учил священник), в 1869 г. — в Кослане и Селибе (учили тоже священники). Эти церковно-приходские школы никакого содержания не получали.

В 1870 г. земством были открыты два сельских училища: в Глотове и Важгорте. Они содержались за счет особого сбора с крестьян в размере 6 коп. с двора. В 1876 г. было организовано

⁶⁸ В. Н. Белицер. Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР. КСИЭ, вып. XIX. М., 1953, стр. 27.

сельское училище в Кослане⁶⁹. В эти же годы начал обучать детей крестьянин дер. Вендинга В. Калинин. Школа помещалась в его собственном доме. Работал он бесплатно до 1879 г., когда управа решила платить ему по 5 руб. в год. С 1 января 1886 г. эта школа была передана в епархиальное ведение и учителем был назначен местный священник. Учился в школе 18 мальчиков и 4 девочки. В январе того же 1886 г. в крае была открыта вторая церковно-приходская двухгодичная школа в Глотове. На ее содержание земство выделило 60 руб. на год в качестве платы за обучение и 15 руб. на учебные принадлежности. Подготовка помещения и мебели была возложена на самих крестьян. Учителем был назначен местный священник⁷⁰. В 1888—1889 гг. на Удоре существовало пять церковно-приходских школ (Чупровская, Вендингская, Селибская, Глотовская и Ертомская) и одна школа грамоты (Разгортская).

Крестьянство края относилось к созданию школ весьма сочувственно, с охотой отдавало детей для обучения. Более того, крестьяне на свои средства строили школьные помещения, например в дер. Муфтыга и в с. Чупрово, содержали сторожа и предоставляли учителям бесплатные квартиры с отоплением. Причем многим учителям содержание уплачивалось также не государством или церковью, а самими крестьянами. Так, учителя школ грамоты получали от родителей по 40—50 коп. с ученика в год, готовый стол и квартиру. В большинстве случаев даже сами школы помещались в крестьянских домах. Такая тяга населения к образованию заставляла церковных деятелей сосредоточивать дело образования в своих руках, чтобы направлять его в желаемую сторону. Для этого в крае открывались лишь церковно-приходские школы и школы грамоты, а оба земских училища в 1890 г. были преобразованы в церковно-приходские же и переданы в епархиальное ведомство. В 1896 г. в крае имелось восемь церковно-приходских школ (Чупровская, Муфтыгская, Ертомская, Селибская, Глотовская, Косланская, Вендингская) и восемь школ грамоты (Пучкомская, Кривонаволоцкая, Чирская, Чернутьевская, Бутканская, Боровская, Макарибская, Разгортская). Учились в них в том году 371 мальчик и 84 девочки⁷¹.

К началу XX в. число школ в крае еще несколько увеличилось. Были открыты главным образом новые школы грамоты. В 1902 г. на Удоре работали 23 школы, из них 9 церковно-приходских и 14 школ грамоты, в которых обучалось 409 мальчиков и 118 девочек. Однако эти школы охватывали не более $\frac{1}{3}$ всех детей школьного возраста. По имеющимся данным, в 1904 г., когда число школ в крае еще более увеличилось, было 933 ребенка школьного возраста, из которых обучалось 484, т. е. все-

⁶⁹ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 27, лл. 29—63; д. 117, лл. 23—26.

⁷⁰ ВЕВ, 1886, № 3, приложение, стр. 27; № 16, приложение, стр. 11.

⁷¹ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 860, л. 96; д. 790, лл. 118—119.

го около половины. Вследствие недостаточного развития сети церковных школ, Яренская земская управа приняла решение открыть несколько школ за свой счет. Таким образом, к 1914 г. работали Боровское, Кривонаволоцкое, Бутканское, Островское, Коптюгское, Усть-Вачергское, Лоптюгское, Чернутаевское, Нижне-Вылибское, Шиляевское, Чирское и Пучкомское земские училища⁷² и, кроме них, два двухклассных министерских училища, из коих Важгортское было открыто в 1906 г., а Глотовское — в 1908 г. Почти все школы помещались в наемных домах, не приспособленных для целей обучения. Так, по признанию самих церковных попечителей, «помещение Пучкомской школы темно, низко и сыро». При школах отсутствовали жилые помещения для учащихся. Не было ни общежитий, ни даже ночлежных приютов (их организовали только в нескольких земских школах). В 1896 г. пять из восьми школ грамоты вообще не имели постоянного помещения, они были подвижными. Учитель с учениками в течение всего учебного года кочевали по избам родителей учащихся из одного дома в другой. В 1900—1912 гг. земством было построено несколько специальных школьных зданий. Строили их сами крестьяне, и только лес был получен земством по пониженной таксе. Свои здания имели, например, Важгортское и Чернутаевское училища.

Учителями стремились назначить церковнослужителей. В целом по Яренскому уезду из 72 учителей в 1894/95 г. к духовному званию относилось 38 (30 священников, 3 дьякона и 5 псаломщиков). В школах грамоты в Удорском крае учительствовали более грамотные крестьяне. Учили во всех этих школах чтению, письму и счету. Главное внимание было обращено на изучение закона божьего, церковное чтение и пение. Лишь при некоторых земских школах в 1910—1915 гг. появились ремесленные отделения.

Для усиления религиозного воспитания при школах организовывались библиотеки, непременною литературой в которых являлись «Пересказы библии», «Жития святых», «Троицкие листки», «Воскресные листки» и т. д. Наиболее нужными считались краткие жизнеописания известных святых.

Основные средства на содержание школ, кроме самого населения, давались земством. Синод и другие церковные организации выделяли мизерные суммы. Так, на 1891/92 г. на содержание школ Яренского уезда было выделено земство 7600 руб., от волостных сельских обществ — 145 руб. 18 коп., от Синода — 40 руб., от церквей — 43 руб. 24 коп., да от епархиального училищного совета «книги для школьных библиотек».

Занимались учащиеся края усердно. По данным епархиального училищного совета, в конце XIX в. в числе лучших по успехам школ уезда считались Пучкомская, Разгортская, Глотов-

⁷² ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 975, лл. 208—210; д. 1054, лл. 6—36; д. 1922, лл. 9—14.

ская, Важгортская и Вендингская. Однако несмотря на тягу населения к грамоте, как уже отмечалось выше, почти половина детей даже младшего школьного возраста оставалась вне школы.

Таким образом, даже то куцое образование, которое давали церковно-приходская школа и школа грамоты, большей половине населения края было недоступно. Причем, если мужчины все же в какой-то степени теми или иными путями выучивались чтению, письму и счету, то абсолютное большинство женщин оставалось совершенно неграмотным. Такое положение сохранялось и в начале XX в. вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Впрочем, каково было образование, даваемое этими церковными школами, можно судить по отчету одного инспектора, который писал: «существует ли какое-нибудь разделение учащихся по успехам на отделения в Готовском и Важгортском училищах, сказать трудно, потому что степень познания всех учащихся в них почти одинакова. Если некоторые читают и пишут, то ни посетитель не поймет, что они читают, ни сами учащиеся не понимают»⁷³.

Свидетельством большой тяги населения к знаниям может служить сообщение учителя Косланского училища в 1890 г. в земскую управу, что крестьяне часто обращаются к нему с вопросом, где можно купить книги; он предложил управе прислать ему книги для продажи населению⁷⁴. Яренская земская управа решила открыть в уезде несколько бесплатных библиотек, и в 1900—1901 гг. были открыты первые земские библиотеки в Важгорте и Кослане. Работали они первое время всего два дня в неделю и только днем, так как ни ламп, ни керосина не имелось. Нашлись библиотеки при тех же школах. В 1912 г. на Удоре работало уже девять библиотек (Важгортская, Вендингская, Готовская, Ертомская, Кривонаволоцкая, Селибская, Чернутьевская, Чупровская и Косланская), имевшие по 500—1300 экземпляров различных книг и журналов. Заведовали ими псаломщики, дьяконы, фельдшера и учителя. Общий надзор вершили местные священники. Состав библиотечного фонда во всех библиотеках был однотипным. Так, в Косланской имелось книг религиозного содержания 78 экземпляров, по истории—36, географии—2, медицине—20, ремеслу—2 и художественных—205. Из журналов выписывались «Русский паломник», «Нива», «Природа и люди». Читателей было в среднем по 50—100 человек, $\frac{2}{3}$ из них были дети и подростки. Так, в Важгортской библиотеке в 1912 г. из 130 читателей детей было 47, подростков—33 и взрослых—50 человек. За год было сделано 942 книго-выдачи⁷⁵. Кроме этих немногочисленных земских библиотек, как уже отмечалось выше, имелись небольшие библиотеки при школах. Однако всех их было явно недостаточно.

⁷³ Там же, д. 131, лл. 220—221.

⁷⁴ Там же, д. 579, л. 11.

⁷⁵ Там же, д. 975, лл. 8—9, 180; д. 1576, лл. 15—16; д. 1151, лл. 236—237

Не менее тяжелым было положение с народным здравоохранением. Вплоть до конца XIX в. медицинское обслуживание в крае практически отсутствовало. Лечение больных занимались знахари и колдуны, пользовавшие их различными травами и прочими домашними средствами, среди которых универсальным считалась баня. Знахарям своим удорцы доверяли больше, чем официальной медицине. Известно, что еще в последней четверти XIX в. они отказывались прививать оспу, не веря в ее положительное действие⁷⁶. В 1867 г. на Удоре работали два специальных оспопрививателя. За год ими была привита оспа 66 человекам. Каких-либо других медицинских сил в крае в те годы не было. На весь Яренский уезд имелись один врач, два фельдшера, одна повивальная бабка, шесть оспопрививателей и одна больница на шесть коек в Яренске. Первый постоянный фельдшер на Удору был назначен в 1873 г. Он обязан был обслуживать весь край, причем место жительства его было определено на Выми. Назначение его было вызвано эпидемическим характером заболеваний на Удоре. Там свирепствовали корь, натуральная оспа, брюшной тиф, горячка, скарлатина, коклюш, ревматизм и другие болезни, нередко со смертельным исходом. Однако один фельдшер практически не в состоянии был оказать населению необходимую помощь. Эпидемия оспы, например, длилась с декабря 1874 г. по март 1875 г. Переболело 355 человек, из которых 75 умерло, а временно командированный для борьбы с эпидемией яренский врач вынес решение, что она утихнет сама собой и вернулся обратно⁷⁷. Он был обязан дважды в год (летом и зимой) посещать удорские волости. С 1880 г. местожительством удорского фельдшера был определен Кослан. А в 1886 г. земство назначило на Удору в Ертом второго постоянного фельдшера.

Однако эпидемии продолжали свирепствовать. Кроме оспы, особенно большое распространение имел брюшной тиф. Вследствие этого в 1890 г. специальным присутствием Вологодского губернского правления было принято решение направить на Удору временно врача и еще двух фельдшеров, а также открыть на период эпидемии больницы, которые, впрочем, так и не были открыты. В 1893 г. на Удору была назначена повивальная бабка. Первые временные больнички в крае были открыты в 1894—1896 гг. в связи с массовыми заболеваниями брюшным тифом. Эта эпидемия свирепствовала более двух лет подряд. Было много смертных случаев.

Явная недостаточность медицинских сил заставила Яренское земство выделить Удорский край в специальный лечебный уча-

⁷⁶ Н. Д. Волков. Указ. соч., стр. 27.

⁷⁷ ЦГА Коми АССР, ф. 117, оп. 1, д. 36, лл. 15—16; д. 49, лл. 87—88; д. 156, лл. 36, 105—106; д. 106, лл. 18—73.

сток. В 1902 г. здесь работали один врач, находившийся в с. Ертом, где был открыт постоянный приемный покой на три койки, четыре фельдшера, по одному на каждую волость, и три повивальные бабки⁷⁸. В эти же годы был назначен на Удору первый ветеринарный фельдшер⁷⁹, а в 1909 г. — второй. В том же году земство назначило отдельных врачей в Важгорт, где был создан приемный покой на пять коек, и в Кослан, где также был приемный покой на три койки. Таким образом, с 1910 г. в Удорском крае весь медицинский персонал должен был состоять из трех врачей, десяти фельдшеров и семи акушерок. Кроме того имелись два ветеринарных фельдшера⁸⁰. Однако на деле этот состав полностью никогда не был укомплектован. Врач, например, обычно, был только один на все три пункта. Фельдшеров тоже не хватало. В более достаточном количестве были лишь акушерки, но, к сожалению, женщины не шли к ним. В 1914 г. с целью привлечь внимание удорянок к акушерской помощи земство приняло решение выплачивать каждой родильнице по 2 руб. 50 коп., если ее ребенка принимала акушерка⁸¹.

С 1904 г. Яренская земская управа предприняла попытку организовать несколько временных детских яслей. Первые ясли были открыты в Важгорте и Ертом, в последующие годы — в Глотове, Кослане и в 1913 г. — в Чупрове. Ясли работали всего один месяц — июль — в период сенокоса. Организация их была самая примитивная. Спали дети на полу на соломенных тюфяках. Кормили неважно: овсяная каша с горохом и постным маслом, каша пшенная и молоко сырое, хлеб, а на «ужин — остатки от обеда»⁸². Постоянно действующих яслей и детских садов в этот период не было и не могло быть создано.

* * *

Таково было состояние культуры удорских коми накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Культурный уровень населения был довольно низок, грамотных мало, особенно среди женщин, обучение детей было примитивным. Слабо развито было и медицинское обслуживание. Не хватало врачей, фельдшеров и акушерок. В быту народа сохранялась масса всевозможных суеверий и старых традиций, мешавших проникновению нового. Тяжелые условия жизни не способствовали подъему культуры народа. Только коренное изменение этих условий могло дать толчок к дальнейшему развитию культуры и быта удорских коми. Этот толчок дала Великая Октябрьская революция.

⁷⁸ Там же, д. 488, л. 6; д. 602, лл. 124—127; д. 972, лл. 297—302.

⁷⁹ Там же, д. 974, л. 217.

⁸⁰ Там же, д. 1353, лл. 55—57.

⁸¹ Там же, д. 1918, л. 4.

⁸² Там же, д. 1443, лл. 13—16.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Условия территориальной изоляции Удоры и слабой связи с соседними районами коми, с одной стороны, и значительно более лучший контакт с мезенскими и пинежскими русскими способствовали возникновению и сложению у удорцев своей культурной специфики, отличающей их от окружающих коми.

Удора вплоть до XIX в. включительно была по преимуществу промысловым районом. Охота являлась важнейшим занятием мужской части населения края. Большое место занимало и рыболовство. Земледелие и скотоводство играли вспомогательную роль. Во второй половине XIX в. это положение стало изменяться. Доля охоты и рыболовства упали, зато увеличилась роль сельского хозяйства и наряду со старыми развивались новые занятия — отход и лесозаготовки, значение которых особенно возросло в начале XX в.

Таким образом, в историческом развитии для Удорского края были типичны господствующая роль промыслов и подсобное значение сельского хозяйства, что и отличало его от южных районов, где сельское хозяйство издавна стояло на первом месте, и от печорских, где промыслы были почти единственным занятием населения. Оленеводство, имевшееся и у ижемцев, и у удорцев, также было разного типа: у первых — тундровое, у вторых — лесное.

В области материальной культуры Удора по сравнению с соседними коми до последнего времени сохранила больше своеобразия.

Описанные выше типы жилищ для остальной территории Коми АССР не характерны. Подобные им встречаются в некоторых пограничных селениях западных районов Коми АССР, где издавна были широкие связи с русскими соседями. Для Удоры характерны избы-двойни, боковые зимовки на низком подполье, зимние избы на высоком подполье, в котором устраивался хлев,

наличие комнат в сарае и т. д., а также расположение амбаров и гумен с овинами группами в стороне от жилья.

Заметной особенностью удорских построек являлось украшение жилищ, главным образом охлупня, переднему концу которого придавался вид конской головы или птицы. Свои особенности имели и внутренняя планировка и убранство дома. Все это, а также плотная расстановка жилищ и создает местный колорит Удоры.

Изучение местных типов жилых построек и их украшений показывает, что они заимствованы из русских районов бассейна Северной Двины через пинежан и мезенцев.

Народная одежда XIX в. также имела свои отличия от вымской и ижемской. Яркие одноцветные сарафаны в виде широкой юбки, доходящей до подмышек, на узких коротких лямках, подпоясанные узорным поясом с кистями; одноцветные разной окраски сос, украшенные на плечах большими, более светлыми, расшитыми (иногда парчевыми) вставками и по низу рукавов — кружевами или лентами, то в виде короткой распашной кофты, то в виде рубахи, когда к кофте подшивается стан из холста; цветные платки; узорные шерстяные чулки; овчинные шубы и малицы; короткие, собранные в талии оборкой гырка-пальто были характерны для женщин. В зависимости от материала сарафаны (кунтэй) носили разное название: из набойки — красеник, из парчи — штофник и т. д. Подобные сарафаны резко отличались от круглых ижемских сарафанов с лифом и даже простых косоклинных, распространенных у вычегодских коми. В мужской одежде отличий было меньше. Но и для нее, как и в целом для одежды удорцев, было характерно сочетание местных, русских и ненецких элементов. То же самое наблюдалось и в обуви, где наряду с котами, бахилами, тюнями и упакками употреблялись валенки, бурки, пимы, мадаки и т. д. Таким образом, указанное сочетание наряду со специфическим покроем одежды и способом ее ношения создавали удорский колорит.

Местные традиции отмечаются и в пище: например, любовь к малосоленой рыбе, способы заготовки впрок мяса, использование муки не только для выпечки хлебных изделий, но и в качестве приправы к супам и жарким, метод употребления вторых блюд в пищу (брать на кусок хлеба) и т. д.

Известная специфика имелась и в быту народа, в частности в свадебных обрядах (похищение невест, отсутствие приданого за невестой и т. д.) и в семейном быту (крещение новорожденного главой семьи, право главы семьи единолично выделить любую часть имущества отделившемуся родственнику, беспрекословный авторитет старшей женщины — хозяйки в доме и т. п.), в религиозных обрядах и суевериях и в ряде других обычаев.

Весь комплекс культуры и быта удорцев свидетельствует о том, что удорцы являются частью северных коми (зырян), а их культура — часть общей культуры коми, и в то же время нали-

чие местных специфических особенностей в культуре и быте удорцев позволяет выделить Удору в отдельный этнографический район, наряду с другими: верхнепечорским, среднепечорским (ижемским), вычегодско-сыольским и прилузско-летским.

В настоящее время местная специфика все более исчезает, нивелируется в связи с проникновением городской культуры, общей для всех групп коми. Идет процесс создания единой национальной культуры, и в будущем ныне еще существующая в силу старых традиций удорская специфика полностью исчезнет при сохранении, однако, общенациональных особенностей.

* * *

Удорский район Коми АССР до последнего времени был весьма труднодоступным. Сейчас положение коренным образом изменилось. Железная дорога связала Кослан с г. Микунь — узловой станцией и через него со столицей республики Сыктывкар. Кроме того, в районе весьма развита авиация, а в зимнее время широко используется автомобильный транспорт. Это открыло широкие возможности для экономического развития района и для дальнейшего подъема культурного уровня местных жителей.

Основным занятием коренного населения остается сельское хозяйство. Природные условия района таковы, что в нем имеются все данные для развития животноводства мясо-молочного направления. Совхозы (а в районе с 1967 г. существуют два совхоза вместо колхозов) занимаются разведением крупного рогатого скота и свиней. Небольшие стада оленей, имевшиеся в прежние годы в некоторых колхозах, ликвидированы как нерентабельные. Вследствие принятого направления хозяйства, в районе сократились посевы зерновых, но зато резко увеличились площади под кормовыми культурами. По сравнению с 1955 г. под зерновыми вместо 3 тыс. га осталось 0,8 тыс. га, а площадь под кормовыми возросла с 0,5 тыс. до 2 тыс. га. Соответственно увеличилось и производство основных продуктов животноводства: мяса и молока.

Промышленность в районе и по настоящее время только лесозаготовительная, потому что район исключительно богат лесом. Однако ее развитие задерживалось отсутствием дорог для вывоза леса. Когда в 1967 г. закончилось строительство железной дороги до районного центра с. Кослан, которая прошла через лесозбыточные участки, открылся широкий путь вывоза удорского леса на предприятия страны и даже за пределы СССР. Добротный удорский лес пошел, например, на стройки Болгарии. В районе налаживается также производство пиломатериалов и мебели.

Неизмеримо возрос культурный уровень местного населения. Если в 1910—1912 гг. в Удорском крае не было ни одного постоянно действующего детского учреждения, то к 1967 г. их было 44,

и в них воспитывались 1957 детей. В районе к началу 1967 г. работало 23 клуба и 35 киноустановок, Кроме того, имелись 22 библиотеки с фондом книг 123 тыс. экземпляров. Следовательно, в каждом сельсовете во всех более крупных поселениях имелись свои учреждения культуры. В каждый дом вошли радио и периодическая печать. Коренным образом изменилось дело с народным образованием. Для создания лучших условий учащимся при школах открыты интернаты. Налажено и медицинское обслуживание. В районе на 1 января 1967 г. было 5 больниц на 150 коек и большое число медпунктов. Работает в районе 18 врачей и 115 человек среднего медперсонала. Удорцы давно забыли о том времени, когда они лечились у колдунов и знахарей.

В некогда отдаленный, глухой край пришли новая культура и новый быт. Удорцы влились в единую социалистическую нацию коми.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АВШ — Акты времени правления Василия Шуйского. М., 1914
- ВГВ — Вологодские губернские ведомости
- ВЕВ — Вологодские епархиальные ведомости
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. М.
- КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ЦГА Коми АССР — Центральный государственный архив Коми АССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава первая. ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ	8
Глава вторая. ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ УДОРСКОГО КРАЯ	14
Глава третья. ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА УДОРСКИХ КОМИ В XVI—XVIII вв.	34
Глава четвертая. ХОЗЯЙСТВО, КУЛЬТУРА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ УДОРЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	126

Любомир Николаевич Жеребцов
ХОЗЯЙСТВО, КУЛЬТУРА И БЫТ УДОРСКИХ КОМИ
В XVIII—НАЧАЛЕ XX В.

*Утверждено к печати
Коми филиалом Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*
Художник *И. А. Сайко*
Художественный редактор *В. Н. Тикун*
Технический редактор *И. А. Макагонова*

Сдано в набор 2/XI 1971 г. Подписано к печати 17/I 1972 г.
Бумага № 2 Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 7,8
Тираж 1800 экз. Тип. зак. 4796. Т-01273. Цена 4⁷ коп

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
9	20 сн.	Вединга	Вендинга
31	8 св.	Петракове	Патракове
49	9 сн.	стростам	старостам
73	8 св.	лэч	тар-лэч

Л. Н. Жеребцов

47 КОП.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»